

Вестник 2025

Балтийского федерального
университета
им. И. Канта

Серия
Гуманитарные
и общественные науки
№ 1

ISSN 2500-3216 (Print)
ISSN 3034-3755 (Online)

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BALTIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 1

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2025

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневский, д-р юрид. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юрид. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юрид. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф., Башкирский государственный
университет; *С. М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А. О. Машовец, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милуков*, д-р юрид. наук,
проф., Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский
государственный университет; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф.,
Санкт-Петербургский государственный университет; *Е. Р. Россинская*,
д-р юрид. наук, проф., Московская государственная юридическая академия
им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Танышина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф.,
Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Глушаченко С. Б., Ладенков Н. Е.</i> История развития правового регулирования цифрового (интернет-) пространства в России	5
<i>Новиков П. Д.</i> Доктринальный фактор правовой коммуникации	15
<i>Метельков А. Н.</i> Соотношение принципов права: целесообразность в законности	24

История. Исторические науки

<i>Коско Д. А.</i> Образ России и русских в творчестве Юзефа Крашевского второй половины 1860-х годов	34
<i>Саберов Р. А.</i> Автохтонная религиозность и служители культа мари в 1920 – 1930-е годы (по материалам Марийского областного общества краеведения)	43
<i>Михин О. В.</i> Польские проекты заморской колонизации в годы Второй мировой войны	52
<i>Филёв М. В.</i> Партийно-государственная политика в отношении личных подсобных хозяйств колхозников в 1946 – 1991 годах (на примере колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области)	63

Общество и политика

<i>Майоров Г. А.</i> Сравнительный анализ программных установок КПРФ и партии «Коммунисты России» с точки зрения идейных расхождений	78
<i>Андерс В.</i> Современная санкционная политика ЕС: политико-правовой анализ основных регулирующих документов	91
<i>Радонежская О. Н.</i> Механизм зоны свободной торговли в международной деятельности ЕАЭС	103

CONTENTS

State and law

<i>Glushachenko S. B., Ladenkov N. Ye.</i> The history of the development of legal regulation of digital (Internet) space in Russia	5
<i>Novikov P. D.</i> The doctrinal factor of legal communication	15
<i>Metelkov A. N.</i> Correlation of the principles of law: expediency in legality	24

History. Historical sciences

<i>Kosko D. A.</i> The image of Russia and Russians in the works of Józef Kraszewski in the late 1860s	34
<i>Saberoov R. A.</i> Autochthonous religiosity and priests of the Mari in 1920s – 1930s (based on materials of the Mari regional society of local lore)	43
<i>Mikhin O. V.</i> Polish projects of overseas colonisation during the Second World War	52
<i>Filev M. V.</i> The policy of the state and the Communist Party in relation to the personal house farming in 1946 – 1991 (the case of the collective farm «Novaya Zhizn», Pravdinsky district, Kaliningrad Oblast)	63

Society and politics

<i>Majorov G. A.</i> Comparative analysis of the program guidelines of the Communist Party of the Russian Federation and the Party “Communists of Russia” in terms of ideological differences	78
<i>Anders W.</i> The current EU sanctions policy: political and legal analysis of the main regulatory documents	91
<i>Radonezhskaja O. N.</i> The free trade zone mechanism in the EAEU international activities	103

УДК 340.15

С. Б. Глушаченко¹, Н. Е. Ладенков²

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЦИФРОВОГО (ИНТЕРНЕТ-) ПРОСТРАНСТВА В РОССИИ**

¹ Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия

² Международный институт имени Анатолия Собчака,
Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 26.06.2024 г.

Принята к публикации 10.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-1

5

Для цитирования: Глушаченко С. Б., Ладенков Н. Е. История развития правового регулирования цифрового (интернет-) пространства в России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №1. С. 5 — 14. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-1.

Рассмотрены общие тенденции развития правового регулирования цифрового (интернет-) пространства в Российской Федерации. Особое внимание уделено соотношению вовлечения в экономический оборот технологий и уровня законодательного регулирования. Цель статьи состоит в выявлении основных закономерностей российской правотворческой деятельности. В исследовании использованы метод юридической герменевтики (для раскрытия основных положений законодательства) и историко-критический метод (для отображения причинно-следственных связей в развитии системы правового регулирования). Показано, что предпосылки правового регулирования цифрового (интернет-) пространства в России появились одновременно с распространением сети Интернет в обществе — в 1990-е гг., однако законодательные акты напрямую не затрагивали соответствующую сферу, а упорядочивание осуществлялось прежде всего за счет саморегулирования. Тем не менее со стороны государственных структур предпринимались попытки нормотворчества. Специальное законодательство стало появляться с 2006 г. одновременно с популяризацией Интернета в коммерческом обороте. Активное законотворчество началось под влиянием распространения социальных сетей, когда законодатель был вынужден начать учитывать специфику данного феномена. Современный этап развития законодательства начался после распространения технологии распределенных реестров (блокчейн) в экономическом обороте и характеризуется попытками использовать технологические возможности цифровой среды в правовом регулировании.

Ключевые слова: Интернет, нормотворчество, динамика права, цифровые технологии

Введение

Правовое регулирование сети Интернет — это сравнительно новая проблема для законодателя, несмотря на то что сама технология существует давно. Условно историю использования сети Интернет можно разделить на 4 этапа. Первый начался еще в середине XX в. В его рамках проходили первые эксперименты по созданию и применению информационно-коммуникационных систем. На втором этапе, начавшемся в 1990-е гг., сеть Интернет приобретает черты глобальности, получив социальную и экономическую значимость. Третий этап, или “Web 2.0”, характеризуется тем, что за счет появления социальных сетей не владельцы сайтов, а сами пользователи стали формировать содержание. Современный, четвертый этап характеризуется появлением среды, которая сама выступает способом регулирования протекающих в ней отношений [6, с. 168].

История правового регулирования сети Интернет несколько короче. Она насчитывает немногим более тридцати лет. Законодательство начало интенсивно развиваться на втором этапе развития технологии. Многие государства, в том числе Россия, начали стремиться к всеобъемлющему регулированию. Однако это вызвало неоднозначную реакцию у различных групп населения [3, с. 55], а на современном этапе теряет регулятивный потенциал при использовании классической методологии регулирования [6, с. 166].

1. Предпосылки появления правового регулирования

Прямое регулирование сети Интернет появляется так поздно из-за того, что степень урегулированности прежде всего зависит от вовлеченности субъектов в соответствующие отношения и их экономической значимости.

В России прямое регулирование отношений в сети Интернет появилось позже, чем во многих западных странах, — в середине 2000-х гг. Тем не менее Интернет в нашей стране начал использоваться в отдельных отраслях экономики еще в 1990-е гг., тогда же начала складываться субкультура интернет-сообщества. Соответствующие отношения регулировались на основе стихийно складывающихся локальных норм интернет-сообществ и конституционных норм, косвенно затрагивающих соответствующие отношения, например ст. 23, 24 и 29 Конституции РФ.

Однако, как считает В. Б. Наумов, историю правового регулирования сети Интернет стоит вести с принятия Федерального закона №24-ФЗ от 20.02.1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации» [8]. Можно согласиться с тем, что закон заложил основы для дальнейшего становления законодательства, однако сам он не содержит прямого регулирования для сети Интернет, затрагивая лишь правила работы с информацией.

В качестве другого закона, косвенно регулирующего соответствующие отношения, можно назвать Федеральный закон №1-ФЗ от 10.01.2002 г. «Об электронной цифровой подписи». В нем появляется

понятие «информационная система общего пользования», но основная направленность регулирования сосредоточена на защите достоверности информации, содержащейся в электронном виде.

Отдельно стоит упомянуть и указ Президента РФ № 170 от 20.01.1994 г. «Об основах государственной политики в сфере информатизации», также не затрагивающий сеть Интернет, но отмечающий значение информатизации для развития России. Следует сказать и о Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ № Пр-1895 от 9 сентября 2000 г., которая во многом определила дальнейший вектор развития законодательства об Интернете.

Понятие «Интернет» появляется в российской правоприменительной практике в начале XXI в. [11, с. 191], однако в рамках отечественной правовой системы судебный прецедент *de jure* не признается источником права. Тем не менее данные акты и правоприменительная практика подготовили фундамент для целенаправленного правового регулирования сети Интернет, что активизировало правотворческую деятельность государства.

В декабре 1999 г. прошла встреча между представителями интернет-сообщества и председателем Правительства РФ, на которой обсуждались вопросы развития российского сегмента сети Интернет и его правового регулирования. По результатам данной встречи были подготовлены два проекта нормативно-правовых актов: положение «О порядке выделения и использования доменных имен в российском сегменте сети “Интернет”» и постановление Правительства РФ «О регистрации сетевых СМИ» [10, с. 123]. Однако данные проекты вызвали негативную реакцию, и было принято решение о продолжении сотрудничества и обсуждения вопросов правового регулирования.

Законодательная власть также включилась в этот процесс: Комитет по информационной политике Госдумы РФ создал свой проект, который был внесен в начале 2000 г. в Государственную Думу РФ как проект федерального закона «О регулировании российского сегмента сети Интернет», но так и не был принят в качестве закона.

В целом 1990-е и первую половину 2000-х гг. можно охарактеризовать как подготовительный этап для прямого регулирования отношений, протекающих в сети Интернет, который создал предпосылки для появления специального законодательства.

2. Становление специального законодательства

На следующем этапе появляется специализированное законодательство. В качестве точки отсчета для прямого и целенаправленного регулирования сети Интернет можно использовать принятие Федерального закона № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Со дня вступления в силу данного закона также утратил силу ряд нормативно-правовых актов, косвенно связанных с сетью Интернет. В качестве наиболее значительных для данного исследования можно отметить Федеральные законы № 24-ФЗ от 20 февраля 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации» и № 85-ФЗ от 4 июля 1996 г. «Об участии в международном информационном обмене».

С этого момента в российском законодательстве были закреплены некоторые ключевые понятия, связанные с Интернетом, а также нормы, регулирующие общественные отношения в сети Интернет и выступающие в качестве *lex specialis* по отношению к Гражданскому кодексу РФ. Стоит отметить, что данный закон не имеет четкой отраслевой привязки, так как содержит нормы как частно-правового, так и публично-правового характера, что свидетельствует о появлении если не новой отрасли права, то хотя бы новой отрасли законодательства.

В последующие годы в законодательство были внесены фрагментарные поправки, касавшиеся сети Интернет, но их нельзя назвать глобальными. Скорее они устраняли незначительные противоречия между законами и уточняли терминологию. В частности, изменениям подвергся Федеральный закон №1-ФЗ от 10.01.2002 г. «Об электронной цифровой подписи», также был принят Федеральный закон №161-ФЗ от 27.06.2011 г. «О национальной платежной системе».

Основное значение данного этапа сводится к появлению специального законодательства, терминологии и сети Интернет в правовом поле. Это создало фундамент для дальнейшего совершенствования законодательства и хотя бы немного подготовило правовую систему к рывку в развитии практики применения цифровых технологий.

3. Адаптация к развитию технологий и социально-цифровой реальности

“Web 2.0” начал активно внедряться в российскую действительность в конце 2000-х гг. Однако третий этап развития законодательства стоит отсчитывать не ранее, чем с 2013 г., когда в Гражданский кодекс РФ было включено понятие «информационного посредника». Сущностно ст. 1253.1 включила в правовую сферу такой феномен, как социальная сеть.

В начале регулирования третьего этапа развития технологии сети Интернет любое государство встает перед выбором между двумя моделями: либерализация отдельных положений авторского права или ужесточение режима охраны авторских и исключительных прав в Интернете. Мировой опыт показывает, что большая часть развитых государств выбирает первую модель, не стала исключением и Россия. Поправки, принимаемые с этого времени, в основном, пусть и за некоторыми исключениями, были направлены на усиление защиты исключительных прав в сети Интернет [2, с. 37].

Федеральный закон №364-ФЗ от 24.11.2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» предусмотрел возможность блокировать доступ к сайту, содержащему любой нелегальный (пиратский) медиаконтент, за исключением фотографий, в качестве меры обеспечения. При этом на сайте может и не быть размещен сам контент — достаточно лишь гиперссылки на него. Кроме того, данные поправки предусмотрели «право на забвение», позволяющее гражданам требовать от поисковых сервисов не включать ссылки на ресурсы, содержащие информацию о них при выводе результатов поискового запроса. Но нужно понимать,

что сама информация о гражданине не исчезает из Интернета (строго говоря, технически удалить что-то из сети Интернет невозможно ввиду распределенности хранения информации и наличия резервных копий и архивов). Отдельно отметим, что в европейской судебной практике соответствующее право закрепилось немногим раньше [1, с. 76].

Однако в это же время законодатель ввел в правовое поле известную в мире конструкцию открытых лицензий (Creative Commons). Федеральный закон №35-ФЗ от 12.03.2014 г. «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» позволил широкому кругу пользователей выдавать соответствующую лицензию. Такое законодательное решение можно назвать частичной либерализацией авторского права, так как оно позволяет свободно распространять знания (в широком смысле слова) в сети Интернет, тем самым способствуя развитию информационного общества, цифровизации и общества знаний. Соответствующая модель лицензии официально возвратила определенную долю самоуправленческих начал в интернет-сообществах, что видится необходимым, так как законодательство обычно отстает от развития цифровых технологий и следующих за ними новых социальных реалий. Элементы самоуправления и самоорганизации сообществ позволяют эффективно преодолевать пробелы правового регулирования [7, с. 5].

В обозначенный период также вносятся поправки, направленные на обеспечение информационной безопасности с помощью как судебной, так и внесудебной блокировки доступа к сайтам обоих видов, содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, а также на привлечение к ответственности владельцев таких сайтов. Часть из этих поправок содержалась в Федеральном законе №208-ФЗ от 23 июня 2016 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Но наибольший резонанс в области защиты информации и конфиденциальности вызвал «пакет Яровой», введенный Федеральным законом №374-ФЗ от 06.07.2016 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».

По мнению интернет-сообществ и некоторых исследователей данные поправки нарушали положения Конституции РФ в части внесудебного сбора информации о частной жизни лица [9, с. 177]. Однако после вступления его в силу выяснилось, что полная реализация законодательного «пакета» невозможна ввиду экономических причин, а также из-за технической невозможности хранить такие объемы информации. Тем не менее принятие вышеуказанных законов свидетельствует о стремлении государства взять сеть Интернет под всеобъемлющий контроль.

Намерение властей контролировать сеть Интернет также проявилось в Федеральном законе №97-ФЗ от 05.05.2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологи-

ях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», прозванный в средствах массовой информации «законом о блогерах». Данный закон фактически приравнял сайты и блоги с большим охватом аудитории к средствам массовых коммуникаций. С одной стороны, закон был призван усилить контроль за распространяемой информацией, с другой — разрешил некоторые вопросы с налогообложением соответствующей деятельности.

Другим проявлением решения проблемы налогообложения в сети Интернет выступил Федеральный закон №244-ФЗ от 3 июля 2016 г. «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации», названный в средствах массовой информации «налогом на Google». В соответствии с ним контент, продающийся иностранными компаниями российским пользователям, облагается налогом на добавленную стоимость. Данный закон уравнил иностранные и отечественные компании, ведущие свою деятельность преимущественно в сети Интернет.

Общий смысл изменений законодательства можно охарактеризовать следующим образом: государство пытается усилить контроль за интернет-пространством. Не стоит забывать и о сопутствующих изменениях законодательства об административной ответственности и уголовного законодательства. Однако появляются и новые способы обхода соответствующего контроля, что уже в свою очередь увеличивает объем подзаконного регулирования. Таким образом, вырисовывается картина вечной борьбы — запрета и метода его обхода. Внесенные изменения не решили застарелые проблемы регулирования сети Интернет, но частично упорядочили сложившиеся отношения.

Также отметим, что в данный период развития законодательства обновились и акты стратегического характера. В частности, можно отметить указы Президента РФ №646 от 05.12.2016 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» и №203 от 09.05.2017 г. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Их основное значение сводится к тому, что они, в отличие от актов, принятых в начале 2000-х гг., учитывают изменившуюся социально-цифровую реальность и появившиеся цифровые технологии. Эти акты заложили фундамент для включения в правовое поле новейших цифровых технологий, появляющихся на 4-м этапе развития интернет-технологий, а также обратили внимание законодателя на возможности новой методологии нормообразования и регулирования в цифровой среде.

4. Внедрение новейших цифровых технологий в законодательство

Условно началом 4-го этапа развития интернет-технологий можно назвать появление технологии блокчейн, идея которой возникла в 1990-е гг., а первое практическое применение осуществилось в 2009 г. при появлении криптовалюты *Bitcoin*.

В России соответствующие технологии стали популярными в 2012 г., и тогда же началась активная борьба с ними со стороны государствен-

ных структур — предпринимались попытки взять децентрализованную среду под централизованный контроль или вообще запретить ее, что соответствовало духу того периода развития законодательства, связанного с сетью Интернет.

Однако к концу 2016 г. ситуация изменилась, и представители различных государственных структур начали высказывать заинтересованность во внедрении соответствующих технологий в правовое поле. С этого момента можно и отсчитывать новый этап развития отечественного законодательства в сфере регулирования сети Интернет. Некоторые исследователи отмечают, что на современном этапе происходит лишь решение частных проблем регулирования. Другие же указывают на необходимость взаимопроникновения норм между отраслями права для адекватного создания фундамента будущего регулирования в сфере интернет-отношений [4].

С 2016 г. началась подготовка нескольких проектов новых законов и поправок к уже имеющимся. После множества коренных переработок текстов законопроектов были приняты три наиболее существенных акта — Федеральные законы №34-ФЗ от 18.03.2019 г. «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», №259-ФЗ от 02.08.2019 г. «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и №259-ФЗ от 31.07.2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Эти законы ввели в правовое поле практическое применение блокчейн-технологий — токенов, криптовалют и смарт-контрактов. Однако соответствующие технологические решения применялись на практике и до внесения изменений.

Кроме того, стоит отметить Федеральный закон №340-ФЗ от 24.07.2023 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который ввел цифровой рубль как официальную государственную криптовалюту.

Изменения частично затронули и отрасль конституционного права. Так, в 2019 г. в Москве на основании Федерального закона №103-ФЗ от 29 мая 2019 г. «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» и Закона г. Москвы №18 от 22 мая 2019 г. «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» был проведен правовой эксперимент по проведению дистанционного голосования с применением технологии блокчейн. Эксперимент был признан удачным. Следующие выборы в Государственную Думу РФ в 2021 г. и выборы президента РФ в 2024 г. проводились с использованием дистанционного голосования. Данные изменения были финализированы в Федеральном законе №60-ФЗ от 14.03.2022 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Характеризуя эти изменения, можно отметить, что законодатель не учитывает все возможности новейших цифровых технологий. Вероятно,

такое положение дел связано с инерцией правовой традиции. Однако изменения стоит оценить скорее позитивно, так как они способствуют цифровизации российского общества и экономики, позволяя последней выдерживать конкуренцию с другими развитыми государствами. Но законодательные новеллы до конца не разрешили застарелых юридических проблем. Также они в полной мере не справляются с вызовами, которые бросают новейшие цифровые технологии праву из-за отставания в методологии нормообразования и регулирования в современной социально-цифровой реальности [5, с. 48]. Но наметилась и тенденция к решению данных проблем: например, проявляемая тенденция в Федеральном законе № 258-ФЗ от 31 июля 2020 г. «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что законодательство, регулирующее отношение в цифровом (Интернет) пространстве, всегда несколько отставало от реально складывающихся практик. В России на законодательном уровне обратили внимание на проблему правового регулирования сети Интернет только в 1990-е гг., а специализированное законодательство стало появляться только в середине 2000-х гг., когда соответствующие технологии укоренились в обществе и экономике. Наиболее бурный рост нормативного материала пришелся на начало 2010-х гг. По всей видимости, это связано с повсеместным распространением Интернета и расширением охвата его пользователей.

Современный, четвертый этап развития отечественного законодательства, связанного с регулированием цифрового пространства, связан прежде всего с внедрением в правовое поле новейших цифровых технологий, включая блокчейн, нейросети и искусственный интеллект. На данный момент законодательство учитывает не все возможности данных технологий, однако, вероятно, ситуация будет меняться по мере роста вовлеченности субъектов в соответствующие отношения и их экономической значимости.

Список литературы

1. Агейчев А. С. Законодательство в сфере интернет-коммуникаций: российский и Международный опыт // Сравнительная политика. 2016. № 2 (23). С. 73–84.
2. Гаско А. В. Правовые дефекты в законодательном регулировании виртуальной реальности // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 34–40.
3. Давыдова М. Л., Макаров В. О. Трансформация правовой системы под влиянием сети Интернет // Legal Concept. 2016. № 4 (33). С. 50–57.
4. Жуков А. З. Основные проблемы правового регулирования интернет-отношений в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 282–285.
5. Ладенков Н. Е. Влияние технологических революций на право // Философия права. 2022. № 1 (100). С. 45–49.

6. Ладенков Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // *Философия права*. 2021. №1 (96). С. 164—168.

7. Ладенков Н. Е. Локальное регулирование цифровой экономики // *Вестник экономического научного общества студентов и аспирантов : сб. тр. XVII Межвузовской студенческой науч.-практ. конф. «Наука, образование и технологии в контексте глобальной конкуренции: взгляд молодых лидеров»*. Санкт-Петербург, Междунар. банковский институт, 23 мая 2019 года. СПб., 2019. С. 4—7.

8. Наумов В. Б. Развитие интернет-права в России: право в сетях XXI века. СПб., 2016. URL: <http://www.russianlaw.net/files/law/doc/aa71.pdf> (дата обращения: 22.04.2024).

9. Петрищева Е. Н., Лемайкина С. В. Правовые аспекты государственного регулирования Рунета // *Юристь-Правоведъ*. 2017. №3 (82). С. 177—183.

10. Тигранян Е. А., Базанова А. Е. Правовое регулирование сети Интернет в России как отражение проводимой лидером государства политики // *Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение, журналистика*. 2016. №4. С. 122—131.

11. Шобей Л. Г., Григорьев К. Е., Чернова П. А. К вопросу об особенностях правового регулирования общественных отношений, складывающихся в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019. №2 (27). С. 190—193.

Об авторах

Сергей Борисович Глушаченко — д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры теории и истории права и государства, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: sglushachenko@mail.ru

Никита Евгеньевич Ладенков — ст. преп. кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: sping92@mail.ru

S. B. Glushachenko¹, N. Ye. Ladenkov²

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL (INTERNET) SPACE IN RUSSIA

¹ North-West Institute of Management of RANEPa, Saint Petersburg, Russia

² International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak,
Saint Petersburg, Russia

Received 26 June 2024

Accepted 10 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-1

To cite this article: Glushachenko S. B., Ladenkov N. Ye., 2025, The history of the development of legal regulation of digital (Internet) space in Russia, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 5—14. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-1.

The article examines the general trends in the development of legal regulation of the digital (Internet) space in the Russian Federation. Particular attention is paid to the relationship between the development of technologies and their involvement in economic turnover with the level of legislative regulation. The purpose of the research is to identify the main patterns of Russian law-making activity. The following methods were used as the methodological basis of the research: legal hermeneutics, used to reveal the main provisions of the legislation; historical-critical, used to display cause-and-effect relationships in the development of the legal regulation system. Results: The prerequisites for the emergence of legal regulation of the digital (Internet) space in Russia appeared simultaneously with the spread of the Internet in society — in the 1990s, but legislative acts did not directly affect the relevant area, and the regulation was carried out primarily through self-regulation. Nevertheless, government agencies made attempts at rule-making. Special legislation began to appear in 2006, simultaneously with the popularization of the Internet in commercial circulation. Active lawmaking began under the influence of social networks; the legislator was forced to begin to take into account the specifics of this phenomenon. The modern fourth stage of legislative development began after the spread of distributed registry technology (blockchain) in economic circulation and is characterized by attempts to use the technological capabilities of the digital environment in legal regulation.

Keywords: Internet; rulemaking; dynamics of law; digital technologies

The authors

Prof. Sergey B. Glushachenko, Prof. of the Department of Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: sglushachenko@mail.ru

Nikita Ye. Ladenkov, Senior Lecturer, Department of Humanitarian and Social Disciplines, International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: sping92@mail.ru

П. Д. Новиков

ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Калининград, Россия

Поступила в редакцию 14.01.2025 г.

Принята к публикации 10.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-2

15

Для цитирования: Новиков П. Д. Доктринальный фактор правовой коммуникации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №1. С. 15—23. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-2.

Предметом научного консенсуса является утверждение о том, что правовая доктрина оказала существенное влияние на развитие права — по крайней мере, в рамках романо-германской (континентальной) правовой семьи. Вместе с тем механизмы правообразующего воздействия доктрины остаются малоисследованными в отечественной юриспруденции; можно отметить также пробелы и несогласованность в понятийном аппарате исследований по данной проблематике. В статье предпринята попытка описать функционирование доктрины в правообразовании с помощью понятия «доктринальный фактор правовой коммуникации» (которое до сих пор не становилось предметом тщательного научного анализа в контексте постнеклассического правового понимания) и дать ему определение. Методологическую основу исследования формируют коммуникативная теория права (одна из ведущих в рамках постнеклассической юридической науки) и современные теоретические представления о функциях правовой доктрины как составляющих процесса конструирования правовой реальности (системы). В результате исследования разработано авторское определение доктринального фактора правовой коммуникации как правовой коммуникации в той ее части, которая опосредована доктринальными текстами и в ходе развития которой конструируется правовая система. Предложенное определение обобщает различные формы проявления доктрины в правовой коммуникации и выглядит предпочтительнее с точки зрения полноты содержания.

Ключевые слова: доктринальный фактор, коммуникативная теория права, правовая доктрина, правовая реальность, правовая система, правообразование

Введение

Правовая доктрина — феномен, породивший современное восприятие права. Вместе с тем в наши дни исследователи зачастую критически оценивают перспективы доктрины, которая воспринимается при этом как определенный рудимент прошлой эпохи и атрибут конкретного пе-

риода в истории права, в связи с чем (в том числе в отечественной юридической науке) все еще слабо изучены механизмы функционирования правовой доктрины в процессе правообразования, несмотря на ряд основополагающих работ С. В. Бошно, А. М. Михайлова, В. Д. Перевалова и др. [2; 16; 19].

Также наблюдается отсутствие консенсуса в понятийно-категориальном аппарате: находятся работы, в которых фигурируют «значение» [18], «роль» [5], «влияние» [8], «воздействие» [6] доктрины на правообразование и т. п. Достаточно очевидна синонимичность указанных слов, каждое из которых описывает лишь определенный аспект функционирования доктрины, но не пытается системно охватить по возможности весь спектр особенностей ее участия в правообразовании. Более того, такая «разноголосица» в обозначениях форм проявления доктрины, на наш взгляд, снижает качество научного стиля и, соответственно, уровень научности исследований.

Наиболее удачный термин «доктринальный фактор правового воздействия» нашел, по нашему мнению, А. А. Зозуля. Доктринальный фактор он отождествляет со всей совокупностью случаев востребованности правовой доктрины при регулировании общественных отношений [10, с. 112]. При этом автор придерживается сугубо позитивистского мнения, что существование правовой доктрины обусловлено ее признанием со стороны государства [9, с. 7]. Такая позиция в современных реалиях юридической науки и постиндустриального общества, полагаем, слишком узка и одностороння. В настоящем исследовании предпринята попытка разработать подход, который позволил бы адекватно описать формы проявления правовой доктрины в правообразовании и дать определение понятию доктринального фактора на основе постнеклассической методологии — как фактора правовой коммуникации.

Методология

Исследование основано на методологических положениях коммуникативной теории права, разработанной в трудах А. В. Полякова [21 — 23] и его последователей. В центре коммуникативного правопонимания находится феноменологически выявленное правомочие, объективированное в масштабах общества в форме правовой коммуникации, а право рассматривается как аутопоэтическая (самовоспроизводящаяся) система. Правовая доктрина с точки зрения коммуникативного подхода к праву понимается как «изложение каких-либо правоположений, правил поведения, правовых принципов, принадлежащее наиболее авторитетным представителям юридической науки и практики, которым придается общезначимое и общеобязательное значение и из которых выводится правило поведения имеющее предоставительно-обязывающий характер» [21, с. 641].

Исследование также опирается на теоретические представления о функциях правовой доктрины как составляющих процесса конструирования правовой реальности (системы), обоснованные Н. В. Разуваевым [25].

Основное исследование

Несмотря на то что в социогуманитарном разделе научного знания термин «фактор» довольно широко распространен, подходы к его трактовке различны. Социологи А.В. Повshedный и В.А. Малинин под фактором (в контексте социологического анализа) понимают фактически совокупность причин, оказывающих «воздействие на характер и направленность социальных процессов и явлений» [20, с. 21]. Полагаем, что подобное отождествление фактора с причиной стирает между ними какие-либо различия. Демограф А.В. Воронцов устанавливает критерий осведомленности о механизме причинно-следственной связи для различения фактора и причины: воздействие причины на явление хорошо изучено, но фактор говорит о сомнениях и лишь предполагает причинно-следственную связь между ним и явлением [4, с. 16]. Социолог, демограф, экономист Л.Л. Рыбаковский объясняет (имея в виду также демографические процессы), что факторы являются производными условий — естественных и социальных [26, с. 51 — 55]. Когда определенные явления начинают зависеть от этих условий, то последние становятся фактором соответствующего явления (фактором-катализатором, стимулирующим это явление, или фактором-ингибитором, то есть сказывающимся на явлении отрицательно). Факторы, по Л.Л. Рыбаковскому, однако, не взаимодействуют с явлением напрямую — они обуславливают психику и поведение человека, которые, в свою очередь, уже непосредственно связаны с самим явлением (то есть становятся его причиной). Эта идея в определенной степени коррелирует с коммуникативной теорией права, в рамках которой права не существует вне интерпретации, а значит и помимо человеческого сознания [22, с. 44].

Факторный анализ истории человечества нашел свое отражение в работах историка С.А. Нефедова [17, с. 90]. Он отождествляет факторы исторического процесса с главными причинами, которые «обуславливают исторические события», а также с «движущими силами истории». Упоминает ученый такие разновидности факторов, как технологические и демографические.

В рамках юриспруденции к определению термина «фактор» обращались Н.А. Придворов и В.В. Трофимов [24, с. 158]. По их мнению, юридические факторы суть разнообразные (экономические, культурные, экологические и т.д.) социальные факты, оказывающие влияние на процессы правообразования, в частности те, которые вызывают изменения действующего законодательства, принятие новых норм. Данный подход, как представляется, не противоречит коммуникативному пониманию права: акты коммуникации также являются социальными фактами. Следовательно, деятельность ученых-юристов, представляемая как социальный факт, будет в таком случае оказывать влияние на процессы правообразования (правовой коммуникации).

Широко используется термин «фактор» в уголовно-правовых и криминологических исследованиях. Так, В.А. Бугаев и А.В. Чайка отождествляют факторы с причинами и условиями, не проводя никакого различия между ними [3, с. 140]. Н.Ф. Кузнецова считает фактор синонимом детерминанты, которая, в свою очередь, может быть причинной

(то есть находиться в непосредственной, генетической связи с явлением — причинная детерминанта порождает следствие) или непрчинной (способствует формированию причины и ее действию) [28, с. 319–320]. В. Д. Малков также отождествляет фактор с детерминантой, понимая их как обстоятельства, порождающие явление и обуславливающие его существование [13, с. 58–64]. А. И. Долгова избегает дефиниции фактора, но замечает, что использование данного термина характерно для стадий первоначального накопления знаний и научных данных [12, с. 290]. Эта мысль, как представляется, косвенно коррелирует с позицией А. В. Воронцова о факторе как недостаточно изученной причине.

При обобщении изложенных позиций прежде всего обращает на себя внимание, что практически все исследователи принимают сторону того, что философ Г. П. Меньчиков называет линейным детерминизмом, свойственным классической научной рациональности. Это означает, что действительность рассматривается механистически, то есть как допускающая строгие цепочки следствия: определенное явление с неизбежностью приводит к соответствующему результату [14, с. 10–11]. Подобная методология обнаруживает свою архаичность в реалиях современной науки. Как замечает Ф. В. Грушин, категории причины и следствия не могут повсеместно использоваться при рассмотрении правовых явлений [7, с. 31], при этом, по мнению А. Н. Шевелева, феноменологии (а, следовательно, и феноменологически понимаемому праву) чужды указанные методы [29, с. 153].

Если же обращаться к дискуссиям вокруг статуса правовой доктрины, то здесь методологическими «традиционалистами» выступают авторы, придерживающиеся позитивистского правопонимания, как, например, А. А. Зозуля, позиция которого была изложена выше. В его рассуждениях обращает на себя внимание не самое удачное логическое построение: если доктрина существует только по воле государства, то как в таком случае понять, когда использована именно доктрина? Выходит, что в качестве доктрины может выступить совершенно любой текст, который сувереном будет назван доктриной, а это, в свою очередь, ведет к дефляции правовой доктрины и потере ею субъектности как правового текста (или формы права в позитивистской терминологии). Полагаем, и в этом мы солидарны с А. М. Михайловым [15, с. 480–481], что привязка доктрины исключительно к воле суверена лишает всякого смысла какие-либо дальнейшие дискуссии насчет правовой доктрины.

Иную перспективу изучения правовой доктрины предлагает коммуникативная теория. В ней правовая коммуникация мыслится как правовая система — интеллектуально вычлененная из массива социальных отношений (правовой действительности) их идеальная модель. Поскольку элементами правовой системы, по А. В. Полякову, выступают правовые тексты, средства легитимации и система права, то в этой схеме доктрина становится элементом системы в качестве правового текста. В сущности, в рамках коммуникативного правопонимания различные формы и функции проявления правовой доктрины в процессе правовой коммуникации и есть часть этой самой коммуникации.

Н. В. Разуваев, также исследовавший природу правовой доктрины, использует термин «правовая реальность», который, думается, тожде-

ственен правовой системе у А. В. Полякова, поскольку последняя, состоя из правовых текстов, средств легитимации и системы права, фактически и является «результатом конструирования средствами, имеющими по преимуществу семиотический характер» [25, с. 7]. Также Н. В. Разуваев предлагает рассматривать правовую реальность как через анализ одновременного воздействия на нее различных семиотических средств (синхронное измерение), так и в аспекте эволюционного развития знаковых систем, а также способов «знакового конструирования феноменов реальности» (диахронное измерение). Автор предлагает с помощью функций правовой доктрины описывать конструирование ею правовой реальности [Там же, с. 8–9]. Знаковое конструирование (или «социальный конструкционизм» в терминах Н. Г. Бондаренко, А. А. Коваленко и М. В. Гурина) служит в то же время неперенным атрибутом социальной (а стало быть, и правовой) коммуникации, который имеет своим итогом социальную реальность, выраженную в знаниях о ней у субъектов коммуникации [1, с. 103]. Н. Ф. Ковкель применительно к праву определяет эту деятельность как правовой семиозис, связанный с созданием и функционированием как отдельных правовых знаков, так и целых систем подобных знаков [11, с. 38].

Процесс конструирования правовой реальности (правовой системы), представленный через функции правовой доктрины, отражает, на наш взгляд, аутопоэтическое представление правового развития, то есть организацию правовой системы и ее самовоспроизводство (конститутивная и динамическая функции правовой доктрины у Н. В. Разуваева соответственно). Помимо этого, как отмечает С. Ф. Сергеев, «важным следствием аутопоэзиса является появление и проявление избирательных, селективных свойств живой системы по отношению к себе и среде своего существования. Система не может пропускать в зону самоорганизации своих внутренних операций те воздействия среды, которые могут привести к нарушению циклов аутопоэзиса» [27, с. 9]. Если спуститься с общефилософского уровня методологии на уровень теории права, то становится ясно, что аналогичные задачи решает и доктрина в рамках правовой системы, находя выражение в селективной функции, которая, как полагает Н. В. Разуваев, описывает своеобразный фильтр, поддерживающий целостность правовой системы (реальности) и обеспечивающий ее воспроизводство за счет выявления релевантных юридических фактов. Способность доктрины становиться основным правовым текстом, заполняя пробелы, оставленные суверенным нормотворчеством (прескриптивная функция), а также наполнять конкретным смысловым содержанием явления правовой реальности (смыслообразующая функция) замыкают описание ее правообразующего воздействия.

Уходя от позитивизма и линейного детерминизма в определении фактора правообразования и следуя коммуникативному подходу, предлагаем следующее решение проблемы фактора правообразования: он тогда будет проявляться и, собственно, будет таковым, когда в процессе правовой коммуникации, опосредованной правовым текстом, будет происходить конструирование правовой системы, которое предстает как форма правообразования. При таких условиях фактором правообразования и будет выступать сама по себе правовая коммуникация, но

обладающая спецификой в зависимости от той разновидности правовых текстов, которая опосредует соответствующую коммуникацию. Исходя из этих посылок, можно, на наш взгляд, описать многовариантное по своим проявлениям функционирование правовой доктрины в правообразовании с точки зрения коммуникативного правопонимания. Для этого мы предлагаем следующий термин и его определение: *доктринальный фактор правовой коммуникации* — это правовая коммуникация в той ее части, которая опосредована доктринальными текстами и в ходе которой конструируется правовая система.

Заключение

Термин «доктринальный фактор правовой коммуникации» объединяет в себе различные формы проявления доктрины в правовой коммуникации (как социального факта, как детерминанты поведения человека, как роли и значения, как механизма воздействия и т.д.), которые можно представить с помощью функций доктрины, составляющих в своей системной совокупности деятельность по конструированию правовой реальности (системы). Следовательно, и сам доктринальный фактор правовой коммуникации будет непосредственно связан с подобным конструированием. Предложенное нами определение прежде всего достигает цели описания правообразующего воздействия доктрины на правовую систему в контексте коммуникативной теории, реализуя попытку уйти от позитивизма и линейного детерминизма.

Подчеркнем, что «конструирование правовой реальности» — лишь пример того инструментария, который может быть использован для описания действия доктринального фактора, поскольку возможны и иные подходы (в зависимости от типа правопонимания, исследуемых аспектов правовой доктрины и т.д.). Поэтому можно утверждать, что дальнейшие научные поиски в данной области обладают несомненным потенциалом.

Список литературы

1. Бондаренко Н. Г., Коваленко А. А., Гурин М. В. Общество и знание: социальная конструкция реальности // Миссия конфессий. 2022. Т. 11, №5 (62). С. 100–105.
2. Бошино С. В. Понятие правовой доктрины // Право и современные государства. 2022. №2-3. С. 35–45.
3. Бугаев В. А., Чайка А. В. Факторы преступности в сфере компьютерных технологий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5, №4. С. 139–145.
4. Воронцов А. В. Некоторые теоретические аспекты демографии // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2011. Т. 6, №1. С. 11–16.
5. Гильмуллин А. Р. К пониманию роли правовой доктрины в судебной ветви власти // Аграрное и земельное право. 2016. №3 (135). С. 41–44.
6. Гильмуллин А. Р. О правовой доктрине в исполнительной ветви власти // Правовое государство: теория и практика. 2017. №1 (47). С. 79–85.

7. Грушин Ф. В. Факторный подход в отраслевых юридических науках // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. №2 (16). С. 31–36.
8. Довгань Е. Ф. Влияние правовой доктрины на формирование и развитие международного права // Право.by. 2019. №6 (62). С. 128–134.
9. Зозуля А. А. Доктрина в современном праве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
10. Зозуля А. А. Доктринальный фактор формирования советского и постсоветского российского права // Science Time. 2014. №7. С. 111–116.
11. Ковкель Н. Ф. Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. №4 (333). С. 38–59.
12. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2022.
13. Криминология : учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
14. Меньчиков Г. П. Проблема детерминизма и ее решения: три типа детерминизма, фрактальный детерминизм. Часть 1 // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. №1. С. 10–17.
15. Михайлов А. М. Юридическая доктрина и правовая идеология : учебник для вузов. М., 2021.
16. Михайлов А. М. Юридическая доктрина и профессиональное мышление юристов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2022. №3 (50). С. 74–90.
17. Нефедов С. А. О факторах исторического процесса // История и современное мировоззрение. 2019. №1. С. 89–95.
18. Николаев Б. В. Значение правовой доктрины в систематизации законодательства США // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. №3 (31). С. 5–11.
19. Перевалов В. Д. Правовая доктрина: понятие и соотношение с иными близкими по содержанию категориями // Российское право: образование, практика, наука. 2019. №5 (113). С. 42–48.
20. Повишний А. В., Малинин В. А. Факторный подход в контексте социализации современного подростка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. №1. С. 20–23.
21. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебник. М., 2016.
22. Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16, №6. С. 39–101.
23. Поляков А. В. Что есть право? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. №6 (305). С. 199–209.
24. Придворов Н. А., Трофимов В. В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М., 2021.
25. Разуваев Н. В. Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. №1. С. 5–22.
26. Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. №2 (76). С. 51–61.

27. Сергеев С.Ф. Механизмы аутопознания в системном базисе техногенного мира // Открытое образование. 2014. №6 (107). С. 8–14.

28. Теоретико-методологические проблемы права / под ред. М.Н. Марченко. М., 2007.

29. Шевелев А.Н. Потенциал феноменологического подхода в историко-педагогических исследованиях // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 6, № 14. С. 151–162.

Об авторе

Петр Дмитриевич Новиков — асп., ассист. Высшей школы права, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0009-0003-6464-7014

E-mail: pnovikoff@yandex.ru

P. D. Novikov

THE DOCTRINAL FACTOR OF LEGAL COMMUNICATION

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 14 January 2025

Accepted 10 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-2

To cite this article: Novikov P.D., 2025, The doctrinal factor of legal communication, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 15–23. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-2.

It is a matter of scholarly consensus that legal doctrine has significantly influenced the development of law – at least within the Romano-Germanic (continental) legal tradition. However, the mechanisms through which doctrine exerts its law-shaping influence remain insufficiently explored in Russian legal scholarship. One may also note conceptual gaps and inconsistencies in the terminology employed in studies on this subject. This article attempts to describe the functioning of doctrine in the formation of law through the concept of the “doctrinal factor of legal communication” – a notion that has not yet undergone thorough scholarly analysis within the framework of post-nonclassical legal understanding – and to provide a definition of it. The methodological foundation of the study is built upon the communicative theory of law (one of the leading approaches in post-nonclassical legal science) and contemporary theoretical perspectives on the functions of legal doctrine as components of the process of constructing legal reality (legal systems). As a result of the study, the author proposes a definition of the doctrinal factor of legal communication as that segment of legal communication mediated by doctrinal texts, through which the legal system is constructed. The proposed definition integrates various manifestations of doctrine within legal communication and appears preferable in terms of conceptual comprehensiveness.

Keywords: doctrinal factor, communicative theory of law, legal doctrine, legal reality, legal system, law formation

The author

Petr D. Novikov, PhD Student, Assistant Professor, Higher School of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0009-0003-6464-7014

E-mail: pnovikofff@yandex.ru

А. Н. Метельков

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ В ЗАКОННОСТИ

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 20.02.2025 г.

Принята к публикации 14.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-3

24

Для цитирования: Метельков А. Н. Соотношение принципов права: целесообразность в законности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №1. С. 24—33. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-3.

Рассмотрена актуальная проблема соотношения законности и целесообразности как принципов права. Цель исследования предполагает выяснение корреляции этих принципов в юридической науке. На основе компаративного анализа взглядов ученых на целесообразность и законность как принципы права и метода абдукции автор предпринимает попытку определения места принципа целесообразности в многоуровневой системе принципов права, таких как высшие, общеправовые (общие), межотраслевые и отраслевые. Особое внимание обращено на приобретающие все большее значение идеи И. Канта в отношении принципа целесообразности. В итоге исследования выработано авторское определение принципа целесообразности как содержательного элемента, лежащего в основе сложного системного понятия законности. Вследствие полисемичности понимания законности автор критически относится к идее представления законности в целом как формы целесообразности и разделяет точку зрения, что принцип целесообразности (разумности) представляет собой один из структурных общеправовых принципов законности, будучи ее составной частью. Принцип целесообразности также может выступать в качестве принципа в отдельных отраслях права. Обоснован вывод, что действие принципов законности и целесообразности в теории проявляется специфично на разных уровнях — общеправовом, межотраслевом и отраслевом.

Ключевые слова: законность, целесообразность, принципы, право, взаимосвязь, соотношение, уровень

Введение

В теории права принципы относятся к одной из наиболее дискуссионных и многозначных категорий. В разные эпохи учеными принципы права рассматривались с идеалистических и материалистических точек

зрения. В настоящее время на основании идей Платона, Аристотеля, Августина, Фомы Аквинского, Э. Гуссерля, современных исследователей Д. Финниса, Л. Фуллера и других А. В. Коноваловым эти принципы «исследуются с позиций объективного идеализма и юстнатурализма» [1, с. 6].

Как средство регулирования общественных отношений принципы права отличаются высоким уровнем «обобщения, фундаментальностью, стабильностью, устойчивостью, максимальным освобождением от конкретики и частных, универсальностью и объективным характером» [2, с. 21]. В условиях ускорения общественных процессов во времени и объективного отставания от них процессов правового регулирования особую актуальность приобретает исследование проблемы соотношения принципов права — в частности, таких, как законность и целесообразность. Нередко «политическая, экономическая и иные целесообразности составляют основу государственных решений отнюдь не в рамках действующих законов, а и вопреки им» [3, с. 83].

Материалы и методы

В основу исследования рассматриваемой проблемы автором положены методы сравнительного анализа. С использованием междисциплинарного подхода сделана попытка сформировать более глубокое представление о корреляции принципов законности и целесообразности, исходя из доминирующих представлений о понимании законности. Теоретические аспекты законности раскрываются с применением комплексного подхода к решению исследовательских задач с использованием знаний, накопленных прежде всего юридической и философской науками. При написании работы использовались общий диалектический метод исследования и специальные — исторический, логический, системно-структурный, сравнительно-правовой — методы познания, функциональный и нормативно-ценностный подходы. Сочетание методов способствовало выявлению взаимосвязи законности и целесообразности в различных проявлениях, что в результате позволило решить поставленную исследовательскую задачу.

Результаты исследования

В теории права вопрос о соотношении принципов законности и целесообразности остается дискуссионным. Рассматривая соотношение принципов с позиций категорий диалектики, М. В. Бавсун понимает «законность в виде формы, а целесообразность — в виде содержания», и в этой модели форма отождествляется с установленными законодателем границами, «за которые не может выйти... правоприменитель» [4, с. 43]. Эту мысль разделяет и Е. В. Кузнецов, считающий, что «целесообразность, как принцип права необходимо рассматривать... наравне с другими общеправовыми принципами» [5, с. 248]. При этом Е. В. Кузнецов делает недостаточно обоснованный логический вывод из утверждения об отнесении к общеправовым (общим или основным) принципов

законности и справедливости, неразрывно связанных с принципом целесообразности, о необходимости отнесения целесообразности к «общеправовым принципам» [Там же, с. 249].

Целесообразность действий определяется актуальностью, значимостью и достижимостью цели, ее сопоставимостью с жизненной стратегией, наличием возможности развиваться, оправданностью прикладываемых усилий достижением цели и мотивацией действий. Целесообразность как научная категория получила развитие в философии, социологии и кибернетике, достижения в которых позволяют рассматривать ее «в качестве особой правовой категории — системного принципа права» [6, с. 5]. От целей, а также функций правовых норм и формулировок текста зависит «ясность правовых норм» [7, с. 36]. Например, в отраслевых правовых концепциях используется идея противодействия, которая, на наш взгляд, не содержит конкретной цели, в отличие, например, от идеи борьбы, в которой цель ассоциируется с вполне конкретным результатом, оказывающим мобилизующее влияние на субъекта в процессе ее достижения.

Содержание принципа целесообразности исследуем в сравнении с содержанием принципа законности. Соотношение этих принципов неустойчиво, в различные периоды один принцип доминировал над другим. Для углубленного понимания диалектики соотношения целесообразности и законности обратимся к взглядам И. Канта и Р. Иеринга на целесообразность. В кантовском обосновании механистического естествознания понятие целесообразности является результирующим. Разработанный Кантом трансцендентальный подход к телеологии «содержит философско-методологические предпосылки, необходимые для развития концептуального аппарата современной теории цели и целеполагания в науке» [8, с. 22]. В философском обосновании системности научного знания цель стала рассматриваться как имманентный принцип его организации. В «Критике способности суждения» Кант видит разрешение проблемы организации знания в установлении эпистемологического статуса принципа субъективной целесообразности как закона рефлектирующей способности суждения, с помощью которой цель представляется в способности субъекта рефлектировать. Принцип целесообразности обоснован Кантом с использованием рефлектирующей способности суждения. Философ пришел к выводу о недостаточности законов природы для гарантированности ее познания. В противном случае саму природу следовало бы представить в целостной системе знаний, в которой даже кажущиеся на первый взгляд случайными элементы подчинялись бы некоей закономерности, а закономерность случайного, по Канту, «называется целесообразностью» [9, с. 324]. Понятие целесообразности, по его мнению, представляет «способ приведения многообразия явлений к мыслимому единству там, где механическое (естественно-научное) объяснение и систематизация явлений оказываются бессильными» [см. об этом: 10, с. 148 — 149].

Субъективное правило о закономерности случайного как предположение о системе эмпирических законов Кант рассматривает как необходимое основание познания. Способность суждения предлагает себе общий принцип целесообразности в исследовании природы и заклю-

чается в подведении частных случаев и конкретных эмпирических законов «под всеобщее правило на трансцендентном уровне» [11, с. 32]. Принцип субъективной целесообразности, в котором отсутствует что-либо эмпирическое, представляет собой априорное условие осуществления познания и трансцендентальный принцип способности суждения. При таком подходе формы природы целесообразно соотносятся в логической целостной системе знания, в которой определяющая форму знания логическая целесообразность затрагивает отношения между понятиями, а не материальными объектами. Принцип субъективной целесообразности невозможно доказать изолированно от научного исследования.

Во второй редакции Введения в «Критику способности суждения» Кант признает у телеологической способности суждения «наличие собственного трансцендентального априорного принципа» (см.: [11, с. 29]). Кант объясняет неконституционность телеологической способности суждения, поскольку объективные цели самой природы, на знании которых мы могли бы основывать телеологические суждения, в опыте нам не даны и могут строиться только по рефлексивному принципу. Эти способности суждения могут носить значимый для рассуждающего о них субъекта только регулятивный характер, но также содержать и «признаки проявления всеобщности в всеобще-субъективном смысле» [11, с. 29].

В научной литературе М. А. Булатов и Дж. Тонелли попытались установить соотношение основных категорий в теории целесообразности Канта. Родовое понятие целесообразности у Канта исследователи представили как многослойное, с неоднозначными отношениями между ее различными видами. В результате исследования эволюции терминологии в различных сочинениях Канта Тонелли продемонстрировал наличие оснований для несовпадающих классификаций видов целесообразности. В «Критике способности суждения» Кант выводит особенности суждений о целесообразности, включая предположение о возможном существовании только формальной объективной целесообразности природы, а «суждения о целесообразности всегда носят относительный характер и никогда не могут претендовать на абсолютность» (цит. по: [12]).

В противоположность другим задачам и целям государственной деятельности Р. Иеринг выделяет особенный характер юстиции, обусловленный внутренней своеобразием цели и внешней особенностью средств и форм, которыми и в которых эта цель достигается. В отличие от юстиции, другие отрасли государственной деятельности обязаны «применять право, но в них к праву присоединяется в виде второго фактора — целесообразность» [13, с. 282]. Следует акцентировать внимание на понимание Иерингом характерной особенности целесообразности, заключающейся в том, что целесообразность только присоединится к праву, но не включается в него. Отличительной чертой юстиции он называет право. Распространение идеи юстиции на все сферы деятельности государства, по мнению Иеринга, повергло бы государство в состояние оцепенения. Содержательное отличие юстиции и управления основано на антитезе идеи о связанной правовой нормой справедливости и идеи «о свободной по своей природе целесообразности» [Там же, с. 283]. Та-

кому внутреннему, по цели, различию между юстицией и администрацией соответствует и различие в их внешней организации [Там же]. Рассуждения приводят Иеринга к выводу, что принцип целесообразности лежит в основе преимущественно правоприменительной деятельности государственных органов и скорее может быть отнесен не к общим, а к общеправовым или отраслевым принципам публичного права. Межотраслевые принципы представляют собой руководящие начала, которые выражают особенности нескольких родственных отраслей права [Там же, с. 57]. Именно к общеправовым принципам А.В. Коновалов относит «целесообразность (оправданность и разумность) публичного регулирования» [1, с. 500]. При этом «разумность» ученый включает в перечень высших принципов правовой организации общества наряду с добросовестностью и «справедливостью правового регулирования и поведения в правовом порядке» [1, с. 201]. Кроме того, к десяти общеправовым методологическим принципам исследователь причисляет «целесообразность (экономичность) правоприменения» и «авторитет закона или... судебного решения (законность)» [Там же].

Законность как принцип выделена в работах правоведов (В.К. Бабаева, С.В. Бошно, В.Д. Перевалова, В.И. Леушина, А.С. Пиголкина, В.Н. Хропанюка и др.), но некоторые ученые (например, О.И. Цибулевская) этого не делают.

Правоведы сходятся в представлениях о существовании многоуровневой системы принципов права. Рассматривая структуру современных принципов права, можно, согласно общепринятому подходу, разделить их на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. Общеправовые принципы относятся «к фундаментальным основаниям любого права» [15, с. 37].

Однако во взглядах ученых нет единства по отнесению принципа законности к конкретным видам принципов права. Авторы юридического словаря [16, с. 124] принцип законности относят к общим принципам права, С.В. Бошно — к «специально-юридическим» [14, с. 55]. Однако большинство правоведов считает этот принцип общеправовым (общим). Мы разделяем мнение А.И. Клименко, что принцип законности может выступать и как общеправовой, и как межотраслевой, и как отраслевой. Принцип целесообразности весьма редко выделяется учеными в числе общеправовых принципов. Его место исследователями обычно определяется среди межотраслевых и отраслевых принципов, а также в структуре принципов законности. Поэтому соотношение многоуровневого и многослойного принципа законности с принципом целесообразности, по нашему мнению, более корректно проводить не на разноразрядных, а на сопоставимых уровнях.

Отсюда возникает проблема корректности диалектического соотношения общеправового принципа законности и общеправового (или отраслевого) принципа целесообразности как формы и содержания. Внешне привлекательная модель по сути является существенным упрощением реальности; такая точка зрения может иметь место, на наш взгляд, если рассматривать только один из многочисленных аспектов в законности как многоплановом и многоаспектном правовом явлении. Доминирующие среди правоведов взгляды на принцип целесообразности

ность как компонента законности способствуют представлению целесообразности в качестве только как одного из возможных элементов содержания законности.

Обсуждение

Юридическая наука традиционно рассматривает «законность», выполняющую оценочную, регулятивную и мотивационную функции, как полисемичную категорию в трех взаимосвязанных аспектах: принцип (идея, требование), метод и режим. Законность правоведами рассматривается разнопланово — как аспект права, выражающий его общеобязательность; как идея, формирующая правосознание общества и его членов; как состояние (режим) общественной и государственной жизни [17, с. 515]; как «состояние общественно-политической жизни общества» [18, с. 316]; как признак права [19, с. 106]; как принцип построения и деятельности демократического государства, из которого вытекает «требование и режим строгого и неукоснительного выполнения законов (правовых предписаний) всеми субъектами права» [20, с. 143]; как метод (средство) осуществления государственной (политической) власти.

Тезис о принципах права как идеях и принципах права и как разновидности правовых норм [14, с. 58] остается дискуссионным. М. Ю. Семенова [21] считает, что идея законности формируется как итог опирающегося на аксиомы и универсальные принципы правопонимания целенаправленного интерпретационного анализа правовой действительности, а не только как результат ценностного восприятия права обыденным сознанием. Рефлексивная обработка отражающих правовую реальность представлений участвует в формировании доктринального правосознания.

При этом идея законности как результат доктринального осмысления не существует независимо от обыденного понимания законности. Они взаимосвязаны и определяют «специфику принципов и требований законности, а также формы реализации этой идеи в юридическую практику» [Там же, с. 49]. Законность в форме доктринальных взглядов содержательно и функционально связана с обыденным пониманием правового явления. Законность как идея обыденного правосознания и законность как элемент доктринального правового сознания определяют специфику принципов законности, формально закрепляемых нормативными правовыми актами, а также ее реализацию в юридической практике. Понимание законности как идеи, состояния или метода вряд ли способствует абстрактному отнесению законности к категории «форма», и с точки зрения диалектики такое отнесение представляется нам весьма затруднительным.

С. С. Алексеев полагает, что принцип законности представляет собой «идею о целесообразности и необходимости реально правомерного поведения всех участников общественных отношений» [22, с. 217].

Идеи не только интегрируют весь предшествующий опыт развития знания в юридической науке, но и являются базисом, синтезирующим «знание в некую целостную систему, выполняют роль активных эвристических принципов объяснения явлений, поисков новых путей решения проблемы» [23].

В научной литературе законность исследуется как принцип и как совокупность связанных между собой отдельных принципов, функционирование одного из которых обеспечивает эффективность действия других. Следует подчеркнуть, что ряд известных правоведов (Н. И. Матузов, А. В. Малько, Н. Н. Вопленко, Т. Н. Радько и др.) не считают принцип целесообразности противоречащим принципу законности, а рассматривают его как составной элемент в структуре законности или принципов законности, так как «целесообразность издания закона определяется его социальной полезностью» [24, с. 68]. В частности, Н. И. Матузов и А. В. Малько в числе семи основных принципов законности называют недопустимость «противопоставления законности и целесообразности» [25, с. 416–420]. Н. Н. Вопленко среди структурных принципов законности также выделяет семь принципов — правомерности, государственной обязательности, всеобщности, целесообразности, единства, верховенства закона, неотвратимости ответственности [26, с. 674–675]. А. В. Поляков вычленяет только четыре основных принципа законности — верховенства права, равенства перед законом, ненарушимости закона, единства законности. Смысл принципа ненарушимости закона он усматривает в недопущении «уклонения от исполнения закона ни по каким основаниям, в том числе и по основаниям целесообразности» [27, с. 850]. Т. Н. Радько в числе пяти принципов в структуре законности указывает и на «принцип целесообразности» [28, с. 658]. К общим принципам относят принцип законности в процессе создания и «реализации норм права» [29, с. 298], а к основным принципам законности — «недопустимость противопоставления законности и целесообразности» [24, с. 38]. Как известно, в философии под содержанием системы понимают «элементы, отношения, связи, процессы, тенденции развития, все части системы» [30, с. 394].

Если исходить из предположения, что целесообразность является структурным элементом принципа законности, и рассматривать его с точки зрения общеправового уровня, то можно сделать вывод о том, что принцип целесообразности как элемент общеправового принципа законности следует отнести к его содержанию. Следовательно, если рассматривать принципы законности и целесообразности как самостоятельные принципы на общеправовом уровне, то невозможно соотношение этих принципов как категорий «форма» и «содержание»: принцип законности не является формой, а принцип целесообразности нельзя отнести к исчерпывающему содержанию принципа законности.

Выводы

1. Принцип целесообразности в праве можно представить в виде лежащей в основе законности сущности, ориентирующей в конкретной исторической обстановке направленность правотворческой и правоприменительной деятельности на достижение цели законодателя.

2. Под принципом целесообразности в праве будем понимать подчинение процесса правового регулирования его целевой, конечной стадии — определенному устойчивому состоянию общественных отношений.

3. Принцип целесообразности и законности взаимосвязаны, проявляются на разных уровнях принципов права, и поэтому сравнение этих принципов по критериям «формы» и «содержания» как равноправных недопустимо, а возможно рассматривать их диалектическое взаимодействие с использованием фасетного метода классификации на межотраслевом и отраслевом уровнях.

В выявлении соотношения принципов законности и целесообразности следует учитывать их сложное структурное строение, поскольку необходимо уяснить, на каких уровнях (общеправовом, межотраслевом или отраслевом) проводится компаративный анализ.

Список литературы

31

1. Коновалов А. В. Принципы права. М., 2024.
2. Ершов В. В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права // Российское правосудие. 2016. № 3. С. 5–36.
3. Нагорная М. А. Роль права в осуществлении властных полномочий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Право. 2003. Вып. 2. С. 80–87.
4. Бавсуи М. В. Целесообразность в уголовном праве. Омск, 2004.
5. Кузнецов Е. В. Содержание принципа целесообразности, его соотношение с законностью и справедливостью // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2006. № 4 (28). С. 246–250.
6. Кузнецов Е. В., Шиханов В. Н. Принцип целесообразности как основа совершенствования оперативно-розыскного законодательства. Иркутск, 2012.
7. Хабриева Т. Я. Избр. труды : в 10 т. М., 2018. Т. 1.
8. Разеев Д. Н. Телеологический принцип в науке: (трансцендентальный подход) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2009.
9. Кант И. Критика способности суждения / пер. М. И. Левиной. М., 2020.
10. Ойзерман Т. И. Кант и телеология // Историко-философский ежегодник. 2003–2004. М., 2004. Вып. 1. С. 146–157.
11. Разеев Д. Н. Телеология Иммануила Канта. СПб., 2010.
12. Крыштон Л. Э. «Критика способности суждения». URL: <https://bigenc.ru/c/kritika-sposobnosti-suzhdeniia-c9183d> (дата обращения: 13.01.2025).
13. Иеринг Р. Цель в праве / пер. В. Р. Лицкого. СПб., 1881.
14. Бошно С. В. Принципы права: понятие, классификация // Право и современные государства. 2019. № 4. С. 53–59.
15. Ахвердян А. Г. Общеправовые принципы в современном российском праве: понятие и особенности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 34–44.
16. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. 2-е изд. М., 2023.
17. Витрук Н. В. Общая теория права : курс лекций. Законность: понятие, защита и обеспечение / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
18. Теория государства и права : учебник / под ред. О. Ю. Рыбакова. М., 2016.
19. Концепция современного правопонимания : материалы «круглого стола», Санкт-Петербург, 21 декабря 2004 г. / под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. СПб., 2005.

20. Дерябина Е. С., Третьякова Е. С. Теория государства и права : учеб. пособие. Пермь, 2017.
21. Семенова М. Ю. Идея законности как результат доктринального осмысления правовой действительности // Общество и право. 2011. №1. С. 46—49.
22. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981.
23. Копнин П. В. Идея // Большая советская энциклопедия : в 30 т. М., 1972. Т. 10. С. 41.
24. Законность как основополагающее начало российского права / Н. С. Нижник, М. В. Бавсун, П. А. Астафичев [и др.]. СПб., 2021.
25. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд. М., 2021.
26. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009.
27. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб., 2004.
28. Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. М., 2010.
29. Теория государства и права : курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996.
30. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.

Об авторе

Александр Николаевич Метельков — канд. юрид. наук, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-6113-8981

E-mail: metelkov5178@mail.ru

A. N. Metelkov

CORRELATION OF THE PRINCIPLES OF LAW: EXPEDIENCY IN LEGALITY

Saint-Petersburg State Fire Service University of EMERCOM of Russia,
Saint Petersburg, Russia

Received 20 February 2025

Accepted 14 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-3

To cite this article: Metelkov A. N., 2025, Correlation of the principles of law: expediency in legality, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 24—33. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-3.

The article addresses the pressing issue of the relationship between legality and expediency as principles of law. The objective of the study is to determine the correlation between these principles within legal science. Based on a comparative analysis of scholarly perspectives on expediency and legality as principles of law, and employing the method of abduction, the author attempts to define the place of the principle of expediency within the multi-level system of

legal principles, including supreme, general legal, inter-branch, and sectoral principles. Special attention is given to the increasingly significant ideas of I. Kant concerning the principle of expediency. As a result of the study, the author proposes a definition of the principle of expediency as a substantive element underlying the complex systemic concept of legality. Given the polysemous nature of legality, the author critically evaluates the notion that legality can be viewed in its entirety as a form of expediency and supports the view that the principle of expediency (or reasonableness) constitutes one of the structural general legal principles of legality, forming an integral part thereof. The principle of expediency may also function as a principle within individual branches of law. The study substantiates the conclusion that the operation of the principles of legality and expediency manifests distinctively at various levels of legal theory – general legal, inter-branch, and branch-specific.

Keywords: legality, expediency, principles, law, relationship, correlation, level

The author

Dr Alexander N. Metelkov, Saint Petersburg State Fire Service University of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-6113-8981

E-mail: metelkov5178@mail.ru

УДК 94(438).071

Д. А. Коско

**ОБРАЗ РОССИИ И РУССКИХ В ТВОРЧЕСТВЕ
ЮЗЕФА КРАШЕВСКОГО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1860-х ГОДОВ**

34

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Национальный исследовательский университет ИТМО,
Санкт-Петербург, Россия
Поступила в редакцию 01.03.2025 г.
Принята к публикации 31.03.2025 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-4

Для цитирования: Коско Д. А. Образ России и русских в творчестве Юзефа Крашевского второй половины 1860-х годов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1. С. 34–42. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-4.

Проанализирован образ России и русских в творчестве польского писателя Юзефа Крашевского в период после подавления Январского восстания – во второй половине 1860-х гг. Показано, какое отражение в произведениях Крашевского получили события 1863–1864 гг., репрессивные меры царских властей после подавления восстания и политика русификации в Царстве Польском. Особое внимание уделено различным типам русских персонажей в романах писателя. Несмотря на преобладание негативных образов русских военных и представителей власти, в творчестве Крашевского встречаются и положительные характеристики простых русских людей, которым свойственна обычная человечность.

Ключевые слова: Январское восстание, русификация, художественная литература, польское освободительное движение, царизм

Январское восстание 1863–1864 гг. стало импульсом, подтолкнувшим польских писателей обратиться в своем творчестве к теме национального освободительного движения. Этому были посвящены произведения Болеслава Пруса, Элизы Ожешко, Михаила Балуцкого, Владислава Сабовского, Юзефа Нажимского и других писателей, многие из которых в прошлом лично участвовали в польском освободительном движении. Как следствие, восстание оказало значимое влияние на формирование образов русского человека и Российской империи в польском общественном мнении, поскольку стало символом борьбы поляков за независимость и сохранение национального самосознания. Еще одной причиной изменений в общественном мнении были меры с польским освободи-

тельным движением, предпринятые царскими властями во время и после восстания. Они включали в себя публичные казни, ссылки, репрессии и общее усиление политики русификации в Царстве Польском.

Чаще многих других современников Январского восстания к образам Российской империи и русского общества в своих произведениях обращался польский писатель, публицист и издатель Юзеф Игнаций Крашевский (1812—1887). Во второй половине 1860-х гг. писатель во многом посвятил свое творчество только что отгремевшему восстанию 1863 г., предшествовавшим ему событиям, а также состоянию польской эмиграции после его подавления. Именно в этот период он написал несколько романов: «Дитя Старого Города» (1863), «Шпион» (1864), «Красная пара» (1865), «Москаль» (1865), «Мы и они» (1865), «Еврей» (1866), «На востоке» (1866), «Странники» (1868), «Гибриды» (1869), «Дедушка» (1869).

Целью настоящей статьи является определение образов России и русских в творчестве Юзефа Крашевского второй половины 1860-х гг. Выбор периода обусловлен тем обстоятельством, что подавление Январского восстания стало переломным событием в русско-польских отношениях, послужившим катализатором значительной трансформации образа России в польском общественном мнении. Художественная литература выступала важным источником формирования этого образа, она подталкивала читателя к размышлениям о политической ситуации в стране и тем самым способствовала коллективному осмыслению событий 1863—1864 гг. Особое место в то время занимали произведения Крашевского, которые пользовались особой популярностью и издавались в большом количестве, так за время своей литературной карьеры он написал более 230 романов, затрагивавших различные темы польской жизни в прошлом и настоящем [15].

В польской историографии образы России и русских в творчестве Крашевского кратко освещали Я. Мачеевский и М. Понксиньский, анализирувавшие образ России в польской общественной мысли и культуре второй половины XIX в. [2; 3]. А. Кежунь, характеризуя образ Январского восстания в польской художественной литературе, коснулась также творчества Крашевского [8, s. 2—6]. В российской историографии к творчеству Юзефа Крашевского обращались Е. З. Цыбенко и В. А. Хорев в статьях, посвященных русской теме в польской художественной литературе [4—6]. Эти исследователи сделали много важных наблюдений по поводу воззрений Крашевского, но не предпринимали попыток реконструировать образ России в произведениях этого автора, которые увидели свет в течение важнейшего для него десятилетия — в 1860-х гг. Их работы были более широкими по проблематике и не фокусировались на конкретном периоде творчества польского писателя.

У Юзефа Крашевского с раннего возраста складывались сложные отношения с царскими властями, ведь он с семнадцати лет принимал активное участие в национальном освободительном движении и всячески одобрял стремление польского народа к независимости. Так, во время Ноябрьского восстания (1830—1831) он состоял в обществе мнезеров, которое помогало восставшим с заготовкой оружия, распространяло ан-

типравительственные стихи и участвовало в подготовке покушения на опекуна Виленского университета Николая Новосильцева. Заговор был раскрыт, а Крашевский провел год в виленской тюрьме [7, s. 121].

После подавления Ноябрьского восстания Крашевский, ранее поддерживавший всеми способами польское освободительное движение, изменил свое отношение к нему. С одной стороны, он относился к польским патриотам и их стремлению к независимости с сочувствием, а с другой — понимал бесперспективность вооруженных методов борьбы за независимость Польши. Так, в 1861 г. (уже живя в Париже и имея возможность открыто высказывать свое мнение по всем болезненным для польского народа вопросам) он опубликовал брошюру «Польский вопрос», в которой призвал к примирению враждующие народы: «Применим силу всеобщей любви и достигнем того, чего насилие и общая сила никогда не смогут. Чужих сделаем братьями, врагов — друзьями, а мучителей — союзниками, только тогда Польша сможет восстать из мертвых» [13].

С началом Январского восстания взгляды Крашевского в отношении польского освободительного движения и Российской империи претерпели изменения. Писатель, который и без того относился с пониманием к повстанцам и выступал с критикой имперской политики в Царстве Польском, стал проявлять еще большую политическую активность, выражавшуюся в активной поддержке польских повстанцев и в критике царизма. Крашевский переехал в Дрезден, где стал главой дипломатической миссии польского Временного национального правительства, там же он начал помогать бывшим участникам освободительного движения, искавшим убежища за границей.

Причиной таких изменений в воззрениях Крашевского была прежде всего личная трагедия автора. В Январском восстании приняли участие члены семьи Юзефа — брат и зять, оба были сосланы в Сибирь, вслед за мужем в ссылку вместе с детьми отправилась и дочь писателя Констанция [1, с. 104].

«Русская тема» в произведениях Крашевского зачастую раскрывалась через образы военных, участвовавших в подавлении польского освободительного движения. И, что закономерно, они нередко изображались в негативном свете — как душители национально-освободительной борьбы, «палачи» и «кровопийцы», для которых «единственным универсальным средством всегда был штык» [10, s. 134].

Русские генералы в произведениях писателя тяготеют к массовым убийствам и мародерству. Так, в романе «Шпион» Крашевский дает описание разным типам русских генералов: «Они относятся к числу хищных зверей, хотя одни из них и кажутся спокойными, другие же сознательно хотят казаться дикими» [14, s. 202].

В отдельный тип автор выделяет военных, которые отличаются образованностью и, в частности, владеют французским языком. Они стараются выглядеть либералами, но, несмотря на это, представители этого типа готовы пойти на любое предательство ради «звезды на погонах», они «из тех палачей, которых правительство использовало для кровавых услуг... равнодушные ко всему». По мнению писателя, они могут лишь «слизывать гниль цивилизации», игнорируя все ее блага: «Из одних

[и тех же] материалов пчелы вырабатывают мед, а змеи — яды». Образованных офицеров писатель описывает как зверей, которые, лишь находясь за границей, стараются выглядеть людьми [Ibid., s. 199].

Впрочем, писатель с большей симпатией относится к генералам, выросшим с нижних чинов и живущим просто на жалованье: «Есть сердце в груди, и они неплохие люди, насколько им позволяет царь. Из всех видов этот еще можно превознести над другими» [Ibid., s. 197].

Отдельно стоит отметить, что худшими из русских генералов автор считает немцев по происхождению. Это во многом обусловлено тем фактом, что часть польских земель входила на тот момент в состав Пруссии, где проводилась жесткая политика германизации. Следовательно, подобные персонажи представляли собой собирательный образ представителя двух стран — угнетателей польского народа: «Прошу показать мне одного человека — немца на российской службе. <...> Немец по рождению готов с немецкой систематичностью резать, убивать и жечь во имя философии истории» [Ibid.].

В «Москале» писатель создает образ русских военных как кровожадных варваров. Так, в разграбленной во время подавления восстания польской усадьбе герои видят разорванные русскими военными портреты, разбитое распятие, порванные книги и обезумевшую от потрясений, избитую и изнасилованную польку. Саму усадьбу, оставленную после погрома, Крашевский сравнивает с римскими виллами во времена набегов галлов или гуннов [9, s. 12]. К этой же мысли писатель обращается в романе «Красная пара»: «Ты не знаешь русских, они с безоружными больше всего любят бороться! Разве уважают молодость? Или смиляются над слабостью? Есть ли для них что святое?» [11, s. 8].

С целью подчеркнуть безнравственность и жестокую натуру русских военных Крашевский нередко рисует эпизоды осквернения русскими католической веры и традиций польского народа: «...русские напали на нее перед замком, разбивали кресты, разбивали образы, разогнали похоронную процессию» [Ibid., s. 15].

Подобное изображение русских военных в польской литературе второй половины 1860-х гг. не вызывает удивления, ведь именно их руками и осуществлялось подавление Январского восстания, особенно эффективно и жестоко под руководством Михаила Николаевича Муравьева, прозванного в либеральных кругах «вешателем».

Несмотря на то что в произведениях Крашевского рисуются преимущественно негативные образы русских военных, в творчестве автора встречаются и обратные примеры их нейтрального или даже положительного изображения. Так, в романе «Мы и они» представлен умеренно-положительный образ генерала Живцева, который описывается человеческим, мягким и чувствительным: «Это был москаль, но его лучший тип. <...> У него был не очень сильный характер, ибо деспотизм его никому не позволяет иметь, в нем было много сердца, которое чудом сохранилось» [10, s. 36–37]. В романе «Москаль» тоже можно встретить положительный образ русского офицера — Александра Петровича Наумова, который характеризуется как честный и добрый человек: «Было в нем что-то простодушное и поэтическое. Ум его был готов принять всякую красоту» [9, s. 135]. Наличие наделенных положительными чертами рус-

ских персонажей в творчестве Крашевского показывает, что, несмотря на усложнившиеся русско-польские отношения и негативные для поляков последствия Январского восстания, автор продолжал стремиться к более глубокому и разностороннему анализу образа России в своих работах.

Не только военные показаны Крашевским в негативном свете, но нередко такими изображаются и другие представители русского общества: «Московия, хотя и верующая, сохранила старый татарский обычай и звериную безжалостность» [11, s. 131]. В творчестве Крашевского негативные черты представителей русского общества обусловлены в первую очередь имперской политикой России и царским деспотизмом: «В русских прослеживались черты, сформированные московской неволей, результатом которой было унижение человеческого достоинства; когда приходилось быть деспотом по отношению к нижестоящим и пресмыкающимся перед властью... Все это клеймо московских кандалов» [10, s. 37].

Для многих произведений Крашевского о Январском восстании характерна мысль о вражде между двумя народами без какого-либо намека на взаимопонимание. Так, пан Генрик Грос в романе «Красная пара» говорит: «Обмануть его трудно, внушить ему уважение почти невозможно, сделать его искренним и честным не думай. Москаль есть и будет еще долго простым скотом» [11, s. 18]. А в романе «Мы и они» один из героев, старый шляхтич Еремий (в более мягкой форме), с сожалением отмечает, что не знает ни одного русского человека, способного понять поляка, и, наоборот, ни одного поляка, способного понять русского [10, s. 32].

Примечательно, что чем дальше представитель русского общества находится от власти, тем более положительными чертами он наделяется автором. Так, в романе «Мы и они» русский купец Прокоп Васильевич (в прошлом крепостной) помогает Марии, приехавшей в столицу искать помощи своему возлюбленному Юлиушу, которого ждет ссылка. Помимо Прокопа Васильевича, в небольшом городе под Вологдой героям оказывает помощь врач Сахаров. Да и жители русского городка в целом сочувственно относятся к ссыльным возлюбленным [Ibid., s. 134].

Отдельного упоминания удостоились в романах Крашевского представители русско-польских семей или же поляки, с самого детства воспитанные в русской армии. Так один из персонажей «Москаля» — Станислав Наумов, сын русского офицера и польки, несмотря на воспитание в русской армии, во время Январского восстания выступил на стороне польского освободительного движения. Его образ олицетворяет собой не критику русского общества, а инвективу в адрес царского деспотизма: «Мой отец был русский, моя мать — полька, если бы мой отец в приступе безумия убивал людей и совершал преступления, я бы пошел против своего отца. Если бы я был русским и по отцу, и по матери, я бы имел право и обязанность встать в ряды защитников свободы. Как русский я выступил сейчас не против своего народа, но против деспотизма, который угнетает и нас, и их» [9, s. 24].

В романе «Красная пара» поляк Томашек Чуприна точно так же вынужден против своей воли проходить службу в русской армии и долгое время не может попасть на родную землю, поскольку стал «мучеником московской тирании» [11, s. 17]. Вернувшись в Варшаву, герой вновь

ощущает себя поляком — служба в русской армии истощила его, изменив до неузнаваемости: «А! Вы меня не узнали, панночка, но это правда, много лет, как меня русским сделали!» [Ibid.].

В своем творчестве Крашевский выступает с яростной критикой российской пропаганды, трактуя ее как рупор царской власти, которая представляет поляков «неисправимым народом революционеров, не ведающим, чего хочет, всем неудовлетворенным, а русских — защитниками законного порядка» [Ibid., s. 15].

Характеризуя политику Российской империи в Царстве Польском, писатель обращает внимание на цензуру, которая царила во всех образовательных учреждениях, на фальсификацию польской истории в них и на верноподданническое поведение многих учителей. Однако, по мнению Крашевского, несмотря на все эти явления, польская молодежь «чудесным образом сохранила национальный дух» [Ibid., s. 12].

Примечательно, что в романе «Красная пара», упоминая Александра I и Николая I, Юзеф Крашевский характеризует первого как более опасного для поляков: «Александр имел в себе хитрость грека, Николай — дикость монгола, из двух первая была для нас наиболее опасная. Кто знает наш народный характер, испугается скорее мнимой сладости, чем искреннего и жестокого преследования поляков» [Ibid., s. 3]. Оценивая личность Александра I, Крашевский имеет в виду полонофильские взгляды императора и дарованную им Царству Польскому конституцию 1815 г., которая в действительности не приносила реальных свобод польскому народу и носила скорее номинальный характер. Описывая Николая I, Крашевский сравнивает его с царем Иродом, издевающимся над детьми и ищущим злой умысел «в смелых взглядах невинности» [Ibid., s. 5].

После подавления Январского восстания Российская империя в произведениях Юзефа Крашевского с неизбежностью представлялась как оплот тирании и угнетения: «Российское правительство душило несчастную Польшу, пользуясь беспорядком, беспокойством и бессилием Европы» [Ibid., s. 3]. Вместе с тем более сложное изображение России проступает через образы представителей русского общества. Так, в романах писателя даже среди военных встречаются личности, наделенные положительными чертами, а ответственность за неверные поступки героев писатель зачастую возлагает на русскую пропаганду и на имперскую политику России в отношении не только польского народа, но и всего населения собственной страны: «Ни русские, стоящие на страже этого искусственного мира, ни поляки не имели уверенности в завтрашнем дне» [14, s. 39]. По мнению Крашевского (которое отразилось в романе «Москаль»), русским было трудно мысленно возвращаться к временам, «когда мечтали еще о свободе, пока величие монархии не опьянило их и не создало идолов — посмешище веков» [9, s. 14].

Примечательно, что взгляды Крашевского с годами смягчились не только в отношении далеких от правительственных кругов представителей русского общества, но и по отношению к царскому правительству, что было во многом связано с усилившейся политикой германизации на польских землях, входивших в состав Пруссии. Так, в статье «Польская программа 1872 г. Мысли о национальной задаче» автор неожиданно ха-

рактеризует польские восстания как самоубийственные порывы слабой Польши против сильных империй, которые привели ее к истощению и ослаблению. Говоря же о русификаторской политике царских властей, Крашевский называет ее временным, неумелым и несостоятельным явлением, в разы менее опасным для поляков, чем гибельная и эффективная политика германизации [12, s. 7].

Таким образом, события Ноябрьского и Январского восстаний и их последствия в виде публичных казней, ссылок, репрессий и усиления политики русификации в Царстве Польском не могли оставить в стороне многих считавших себя патриотами представителей польской интеллектуальной элиты, в том числе и Юзефа Крашевского, на которого перечисленные выше события оказали непосредственное влияние. Вне всяких сомнений, восстания (в особенности Январское) оставили важный след в творчестве писателя, спровоцировав написание цикла посвященных событиям 1863—1864 гг. произведений, в которых немалое внимание уделялось и представителям русского общества. Юзеф Крашевский большую часть своей жизни провел в Варшаве и имел опыт взаимодействия со всеми слоями русского общества — как с русскими военными, так и с представителями литературной и интеллектуальной элиты, и этот личный опыт взаимоотношений способствовал формированию более объемных, сложных и противоречивых образов. Третьим немаловажным фактором, способствовавшим трансформации образа России и русских в работах Крашевского послужила усилившаяся в 1870-е гг. политика германизации на польских землях, входивших в состав Пруссии, что способствовало росту примирительных настроений в отношении России и ее населения у многих польских патриотов, в том числе и у Крашевского. Под влиянием вышеперечисленных факторов «русский образ» в творчестве Юзефа Крашевского складывался как сложный, разнообразный и многослойный.

Список литературы

1. *Денисевич А. Н., Денисевич А. А.* Ю. И. Крашевский. Этнография. Графика. Живопись. Брест, 2012.
2. *Мачеевский Я.* Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000. С. 6—22.
3. *Понксинский М.* Русские и Россия в польской культуре конца XIX — начала XX вв. // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000. С. 93—107.
4. *Хорев В. А.* Россия и русская литература в польском сознании // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина, М., 2014. С. 69—83.
5. *Хорев В. А.* Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000. С. 22—31.
6. *Цыбенко Е. З.* Образы русских в польской литературе второй половины XIX век // Россия — Польша образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 225—240.

7. Danek W. Józef Ignacy Kraszewski: Zarys biograficzny. Warszawa, 1976.
8. Kiezuń A. Powstanie styczniowe w powieści i cyklu opowiadań. Kilka obserwacji. Białystok, 2004.
9. Kraszewski J. Moskal. Łomża, 1938.
10. Kraszewski J. My i Oni. Poznań, 1865.
11. Kraszewski J. Para czerwona: obrazek współczesny narysowany z natury. Lipsk, 1865. T. 1.
12. Kraszewski J. Program Polski z 1872 r. Myśli o zadaniu narodowym. Poznań, 1872.
13. Kraszewski J. Sprawa polska w roku 1861: list z kraju (listopad 1861). URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/edition/283485/content> (дата обращения: 13.12.2023).
14. Kraszewski J. Szpieg. Poznań, 1864.
15. Pawlik M. Katalog księgozbioru, rękopisów, dyplomów, rycin, map, atlasów, fotografii, jakoteż osobistych dyplomów, adresów itp. pozostałych po śp. Józefie Ignacym Kraszewskim staraniem Franciszka Kraszewskiego = Catalogue de la bibliothèque, des manuscrits, des diplomes, des estampes etc. de J.I. Kraszewski uporzędkował i spisał Michał Pawlik. Lwów, 1888.

Об авторе

Данила Александрович Коско — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; менеджер офиса поддержки сотрудников, Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: dkoskoo@gmail.com

D. A. Kosko

THE IMAGE OF RUSSIA AND RUSSIANS IN THE WORKS OF JÓZEF KRASZEWSKI IN THE LATE 1860s

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

ITMO University, Saint Petersburg, Russia

Received 01 March 2025

Accepted 31 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-4

To cite this article: Kosko D. A., 2025, The image of Russia and Russians in the works of Józef Kraszewski in the late 1860s, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 34—42. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-4.

The article examines the image of Russia and Russians in the works of the Polish writer Józef Ignacy Kraszewski during the period following the suppression of the January Uprising, specifically in the second half of the 1860s. It explores how the events of 1863–1864, the repressive measures of the Tsarist authorities after the uprising, and the policy of Russification in the Kingdom of Poland were reflected in Kraszewski's literary works. Special attention is

given to the various types of Russian characters depicted in the author's novels. Despite the predominance of negative portrayals of Russian military personnel and government officials, Kraszewski's writings also contain positive depictions of ordinary Russian people, characterized by their basic humanity.

Keywords: January Uprising, Russification, fiction, Polish liberation movement, tsarism

The author

Danila A. Kosko, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, manager, ITMO University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: dkoskoo@gmail.com

Р. А. Саберов

**АВТОХТОННАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ
И СЛУЖИТЕЛИ КУЛЬТА МАРИ В 1920 – 1930-е ГОДЫ
(по материалам Марийского областного общества краеведения)**

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»,
Москва, Россия

Поступила в редакцию 14.09.2024 г.

Принята к публикации 09.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-5

43

Для цитирования: Саберов Р. А. Автохтонная религиозность и служители культа мари в 1920 – 1930-е годы (по материалам Марийского областного общества краеведения) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №1. С. 43 – 51. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-5.

В настоящее время в среде финно-угорских этносов Среднего Поволжья, в частности у мари, продолжают активные процессы возрождения и передачи автохтонных верований. Ключевую роль в этом играют служители культа, чей жреческий институт развивается уже на протяжении многих столетий. В целях поиска и фиксации новых источников по заданной тематике, обеспечения возможности дальнейшего проведения сравнительно-исторических исследований автор на основе анализа документов Государственного архива Республики Марий Эл (ГАРМЭ) предпринимает попытку определения тенденции развития института жречества марийской традиционной религии и реконструкции общего контекста традиционной религиозности мари, проживавших согласно действующему в рассматриваемый период административному делению на территории Марийской автономной области в 1920 – 1930-е гг. Полученные в ходе исследования результаты дополняют накопленные ранее в этнографической науке сведения, позволяют раскрыть некоторые особенности развития марийской традиционной религии, охарактеризовать ряд ее духовных лиц в первой трети XX в. Изученные материалы позволяют сделать выводы о сохранении в среде мари автохтонных верований и обрядовой практики, даже несмотря на запреты, антирелигиозную и просветительскую работу в Марийском крае. При этом развитие жречества имело и негативные тенденции, которые также рассмотрены в статье.

Ключевые слова: мари, марийская традиционная религия, жречество, архив, Среднее Поволжье, XX в.

Введение

Изучение особенностей развития традиционных верований финно-угорских народов Среднего Поволжья на протяжении уже достаточно длительного периода (начиная с XVIII в.) занимает умы отечественных

исследователей, и надо сказать, что этот интерес не угас до настоящего времени. Особое место в этом периоде занимает XX в. В рамках исследования истории развития марийской традиционной религии (а если быть точнее, института ее жречества) 1920–1930-е гг. выступают своеобразным мостом от первоначальной широкой религиозной свободы до установления запретов на отправление религиозного культа. Несмотря на наличие этнографических исследований, посвященных этому периоду, многие вопросы остаются неразрешенными, а расширение источниковой базы по вопросам этнорелигии мари продолжается.

Цели исследования состоят в выявлении свидетельств о деятельности служителей культа, определении тенденций развития института жречества на основании полученных данных, реконструкции общего контекста традиционной религиозности мари, проживавших согласно действовавшему в рассматриваемый период административному делению на территории Марийской автономной области. В фонде Р-189 «Марийское областное общество краеведения Центрального общества краеведения РСФСР» Государственного архива республики Марий Эл (1926–1937 гг. (38 ед. хр.)) были рассмотрены документы, раскрывающие деятельность общества по изучению марийской традиционной религии в 1920–1930-е гг. (протоколы общих собраний и заседания бюро общества, отчеты об этнографических экспедициях проводимых на территории МАО, исследовательские программы и другие краеведческие материалы).

Актуальность исследования обусловлена потенциальной возможностью проведения дальнейших этнографических сравнительно-исторических исследований по жреческой тематике мари, особенно с учетом того, что сегодня традиционная религия находится на новом витке своего развития, а обрядовые практики и деятельность служителей культа приобретают все большие территориальные масштабы. В России продолжается процесс самоидентификации, самоопределения ряда финно-угорских этносов и, в частности, мари. Такие процессы известны науке как этноренессанс [12]. Итогом поисков национальной и духовной идентичности стало обращение определенной части общества к народным верованиям и обычаям, что также можно охарактеризовать как возвращение к традиционным религиям. В научной среде используются и иные термины, характеризующие религиозные воззрения и обрядность финно-угорских и тюркских этносов, — например, «традиционная вера», «этническая религия», «фолк-религия», а применительно к дореволюционному периоду — «язычество» [15; 17].

Определенную новизну проводимому изысканию придает введение в научных оборот неопубликованных архивных источников по рассматриваемой проблематике.

В советское время наиболее плодотворными периодами в изучении религиозной обрядности и участия в ней служителей культа являются 1920–1930-е и 1960–1980-е гг. Тогда оценка рассматриваемого феномена осуществлялась с позиций научного атеизма, что позволяло детально «препарировать» различные стороны этнорелигий рассматриваемых этносов, в том числе жречество. Комплекс исследований XX в. основывается, как правило, не только на ранних сведениях — исторических

традициях XVIII—XIX вв., — но и на полевых материалах экспедиций. В контексте темы нашего исследования интересны работы таких исследователей, как В. М. Васильев, Н. М. Маторин, И. В. Зыков [4; 7; 11]. В отличие от ученых дореволюционного периода научное сообщество 1930-х гг. в своих трудах все больше акцентирует внимание на служителях культа, рассматривая их преимущественно с позиций классовой и антирелигиозной борьбы.

Особого внимания заслуживает работа В. М. Васильева «Материалы для изучения верований и обрядов народа мари». Основываясь на материалах своих предшественников и собственных полевых исследованиях, автор детально анализирует специфику происхождения и деятельности «духовных лиц» марийского язычества — ворожцов «мужедше», заклинателей «шуведыше», ясновидящих «шичанужшо» и других представителей «знающих» начала XX в. [4].

Выходя за непосредственные хронологические рамки исследования, отметим с целью понимания общей картины, что практика проведения мари жертвоприношений в священных рощах на протяжении всего XX в. практически не прерывалась, даже в период Великой Отечественной войны. Исследователи неоднократно указывают на этот факт (к примеру, Н. С. Попов, Т. И. Алыбина, О. А. Кошкина) [2; 9; 13]. В качестве даты проведения массовых молений мари А. Ф. Ярыгин называет 1944 г. [18, с. 16]. Данная точка зрения разделяется также приверженцами и служителями культа современной религии мари, в частности А. И. Рукавишниковым [14]. Представитель национальной интеллигенции А. М. Бердников в рукописи своей статьи в газету «Марийская правда» указывал на факты совершения коллективных религиозных обрядов в разных районах Марийской АССР в 1944, 1945—1946, 1948—1949, 1951, 1953, 1955, 1957 гг. [3].

В последние десятилетия интерес к материалам Марийского областного общества краеведения со стороны исследователей постепенно возрастает. Деятельность общества и состав архивных материалов фонда в своих работах характеризуют Г. Н. Айплатов и А. А. Иванов [1; 8].

Переходя к изучению вопросов развития института жречества у мари в 1920—1930-е гг., необходимо отметить, что спецификой этнографических описаний и архивных материалов этого периода (содержащих указания на сохранение марийцами традиционных верований, фиксацию хода обрядовых практик) является фрагментарность приводимых сведений или вообще их отсутствие. Например, отмечаются только факты проведения молений в той или иной местности без детализации либо дается описание общих культурных особенностей развития мари. Вместе с тем корпус источников этого периода представляет несомненный интерес для исследования института жречества.

Ценные материалы, характеризующие уровень сохранности традиционных верований мари, суеверий в 1920—1930-х гг. были выявлены в документах фонда Марийского областного общества краеведения Центрального общества краеведения РСФСР, отложившихся в Государственном архиве Республики Марий Эл [5].

Областное общество вело достаточно широкий спектр деятельности — как исследовательской (по сбору сведений по этнографии, истории, экономике и другим вопросам), так и просветительской (организа-

ция лекций). Из поля внимания не выпадали и религиозные вопросы. Большое внимание было уделено анализу развития марийской языческой секты «Кугу-Сорта», что зафиксировано в плане работы общества на 1929/30 г. [5, д. 2, т. 1, л. 98–102].

Например, «Программа по изучению быта деревни и школ» содержит отдел, посвященный вопросам состояния духовного быта мари: «Власть и церковь, моления рощи, кем содержится церковь или моление рощи и содержание служителей культа. Господствующие вероисповедания в деревне. Секты. Народное суеверие: домовые, русалки и т.д. как русских, так и мари, и прочих национальностей. Ворожба и жертвоприношения духам (домовым и т.д.), усмирение тех или других злых духов. Запись заговоров, обрядов заклинания, выполняемых жрецами. Жертвоприношение скота и записи всего процесса моления, употребления музыкальных инструментов. Проведение праздников по временам года и как они проводятся, пляски и игры. Проведение революционных праздников и камланий, а также проведение праздников среди нац[иональных] мен[ышинств]» [Там же, д. 3, т. 2, л. 268]. Вместе с тем непосредственных материалов, собранных в рамках этой программы, в документах фонда Марийского областного общества краеведения выявить не удалось. Возможно, это обусловлено тем, что члены общества, активно занимавшиеся издательской деятельностью, не передавали многочисленные первичные материалы в архив.

Тем не менее определенный набор неопубликованных документов обнаружить все же получилось. Так, по заданию общества краеведения в 1930 г. студенты I Московского государственного университета П.И. Лашманов и Я.Я. Ялкаев и студент Московской государственной консерватории А.И. Искандаров в рамках академической практики в Оршанском, Торъяльском и Сернурском кантонах Марийской автономной области проводили сбор материалов по таким темам, как обычное право, религия, музыкальное творчество мари [Там же, д. 2, т. 1, л. 161–163]. Согласно отчету студента 4-го курса этнографического отделения историко-философского факультета I Московского государственного университета Яныш Ялкаевича Ялкаева от 1 августа 1930 г. [Там же, л. 295–300], темой его работы были «вопросы религии мари, изучение которых по предложению Об[щест]ва Краеведения должно было быть проведено с учетом изменений, происшедших в религии в условиях социалистического строительства» [Там же, л. 295].

Маршрут полевой экспедиции, проходившей с 9 по 29 июля 1930 г., пролегал через населенные пункты Лужбелякского района Оршанского кантона, Краснореченского и Токтар-Солинского районов Торъяльского кантона, Иван-Солинского района Сернурского кантона. Там было заполнено около 18 листов на марийском языке. Удалось получить сведения о жертвоприношениях и религиозных праздниках, представлениях о духах и божествах, религиозной медицине [Там же, л. 295 об.]. Отметим, что автор отчета собирал материалы по одной и той же программе, в силу чего полученные сведения достаточно однородны [Там же, л. 296 об.].

Подводя итоги работы по сбору полевого материала, Я.Я. Ялкаев пришел к выводу, что ритуальные особенности верований мари, зафик-

сированные в трудах этнографов XIX — начала XX в. (С.К. Кузнецова, И.Н. Смирнова, П.П. Ерусланова) [6; 10; 16], остались неизменными и к началу 1930-х гг., однако прослеживалась тенденция к сокращению расходов на проводимые моления, обеспечению скрытности проведения обрядов:

Насколько позволяет мне судить собранный материал, религия мари со всеми своими элементами — действиями, чувствами и представлениями — до сего времени сохранила свои основные черты как в отношении содержания, так и в отношении ритуалов и проч. Но живучесть основных элементов религиозного мировоззрения отнюдь не говорит об абсолютной незыблемости отдельных моментов его, неподверженности их каким-либо изменениям. Ритуал остался без изменений, лишь в молитвенную формулу внесено изменение. <...> Во всех местах, где мне приходилось вести полевую работу заметно резкое уменьшение скота, истребляемого в жертву богам. Вместо рабочей лошади дается в жертву лишь жеребенок или же ограничиваются домашней птицей и мелким скотом. Конечно, соответственно понижается и общая сумма расходов, связанных с молениями. <...> В дальнейшем (выше в отчете описаны «перегибы» в проведении антирелигиозной работы, в том числе вырубка священных рощ, и отношение селян к этим действиям. — Р.С.) может усилиться скрытое жертвоприношение, что практикуется и сейчас, хотя в небольшом масштабе. Об этом мне часто приходилось слышать от самих же религиозных марийцев [5, д. 2, т. 1, л. 296 об. — 297 об., 299].

47

Сохранение традиционных верований в первой трети XX в. обуславливается еще и тем, что антирелигиозная работа в Марийском крае еще только разворачивалась. Я.Я. Ялкаев указывает в отчете на отсутствие антирелигиозной пропаганды в населенных пунктах маршрута его экспедиции, приверженность религиозности как индивидуальных крестьян, так и вошедших в колхоз, особенно взрослой части населения. Вместе с тем работа, проводимая в области просвещения (развитие системы образования, организации печатных изданий), давала свои результаты в среде молодежи и людей среднего возраста. Это, в частности, выражалось в отходе от старых обычаев, отказе принимать участие в молениях [Там же, л. 299 — 299 об.].

Необходимо отметить, что в документах Марийского общества краеведения за 1928—1930 гг. фиксируются факты отсутствия жрецов в отдельных населенных пунктах Марийской автономной области. В частности, в описании расположенной около города Йошкар-Ола деревни Княжна, затрагивающем разные исторические периоды и современность, применительно к 1920—1930-м гг. отмечается: «XIV Религия. Языческих картов, религиозных ворожцов и сновидцев нет. Есть только гадатели на картах 5 человек. Сектантов марийских и христианских не существует, кроме церковного причта» [Там же, л. 116]. Примечательно, что в описании обычаев и верований марийского крестьянства рассматриваемого населенного пункта в XIX в. сохранение молений и деятельность ворожцов описывается достаточно подробно:

В 1840 годах в царствование Николая I мари Царевококшайского уезда почти поголовно стали молиться по-старому в своих рощах, так что местное

начальство и духовенство вынуждено было донести об этом царю. Указом последнего много главных виновников жертвоприношений были выселены из пределов уезда. <...> Бывают случаи замечаются в рощах мари <...> огни, на которых приносятся по их старой вере жертвы. <...> Ходят к знахарям и ворожеям. Ведь мари́йский поп или начетчик постоянно твердит не нужно бросать старую веру иначе рассердишь духов Керемети, черта-шайтана и других. В ход пускались наглые обманы, например, чтобы напомнить мари — не забыть принести жертву лошадь, начетчик обычно говорит: «Я видел во сне, бог требует жертву лошадь». Веря мари селением покупают лошадь самую лучшую и колют. Иногда начетчик говорил: «мне был сон, что в дупле одного дерева из рощи есть старинные монеты». После этого делают осмотр дупла и находят монеты, положенные тайно ранее самим начетчиком [Там же, л. 102–106].

Отметим, что схожие примеры в описании деятельности ворожцов можно найти в работах исследователей XVIII — начала XX в.

Несмотря на активную деятельность Марийского общества краеведения в 1934 г. по сбору социально-экономического материала о развитии сельской местности в Марийской автономной области по отдельной программе на основе данных анкет по изучению культуры и быта мари́йцев и русских Йошкар-Олинского района МАО (прежде всего рассматривался раздел «д) Культурный отдых» в анкетах), выявить сведения, представляющие ценность для анализа обрядовой составляющей жизни населения (и отдельно развития жречества), не удалось [5, оп. 1, д. 36].

В мари́йском обществе этого периода предпринимались попытки не только научного, но и художественного осмысления традиционных верований, а также передачи образа совершаемых молений, действий служителей культа. Важно, что произведения проходили научную экспертизу и подвергались критическому анализу. В качестве примера такого подхода приведем эпизод из деятельности Марийского общества краеведения. В протоколе заседания бюро общества №8 от 28 мая 1928 г. зафиксирован вопрос о рассмотрении картины художника-любителя Рыбакова «Принесение в жертву жеребенка в священной роще мари́йцами». Эксперт общества по данному вопросу Леонид Яковлевич Мендияров (деятель народного просвещения, в то время заведовавший Горномари́йским педагогическим техникумом) указывал автору на ряд существенных неточностей: «б) жрец, как и его участники, ничего черного во время молений не надевают; е) обливание лошади должно происходить веником, а не ковшиком, причем около жреца должен быть “учо” (помощник главного жреца), держащий ведро, т.е. обливание производит не одно лицо» [Там же, д. 2, т. 1, л. 38].

В заключение следует отметить, что в отношении состояния традиционной религиозности мари на территории Марийской автономной области в рассматриваемый период источниковый материал позволяет констатировать сохранение автохтонных верований и обрядовой практики, даже несмотря на антирелигиозную и просветительскую работу. Применительно к жреческой тематике в документах фиксируются, пусть и фрагментарно, наименования служителей культа «карт» и их помощников «учо», встречаются отдельные указания на специфику об-

рядового облачения, однако реконструировать детально функционал духовных лиц и их иерархию полученные материалы не позволяют. Вместе с тем важны с точки зрения установления отрицательной тенденции развития жреческого института указания на сокращение числа священнослужителей, уменьшение как количества, так и качества жертвенных животных (что в определенной степени обуславливает уменьшение числа жрецов и их помощников, необходимых для проведения обрядовых действий).

Материалы, содержащиеся в фонде Р-189 «Марийское областное общество краеведения Центрального общества краеведения РСФСР» Государственного архива Республики Марий Эл, на наш взгляд, будут интересны ученым, проводящим исследования в области социально-экономического и культурного развития Марийского края в первой трети XX в. Отметим, что дополнительного изучения и этнолингвистического анализа требуют сведения, собранные Я.Я. Ялкаевым на марийском языке и приложенные к его отчету. В частности, историки и этнографы могут почерпнуть в этом документе сведения об истории развития марийской языческой секты «Кугу-Сорта».

Полученные сведения позволяют провести сравнительно-исторический анализ особенностей развития института жречества у мари. Они важны для проводимого автором статьи более широкого исследования, направленного на изучение специфики институционального развития служителей культа этнорелигии мари Среднего Поволжья в XVIII — начале XXI в.

Список источников и литературы

1. Айплатов Г.Н. Марийское общество краеведения: к 70-летию создания // Марий Эл: время, события, люди: календарь знаменательных и памятных дат на 1996 год. Йошкар-Ола, 1996. С. 36—39.
2. Алыбина Т.И. Трансформация марийской религиозной традиции в постсоветский период : дис. ... д-ра философии (этнология) / Факультет гуманитарных наук и искусства, Институт исследований культуры Тартуского университета. Тарту, 2017.
3. Бердников А.М. Почему так сильно уживчивы и активизируются языческие обряды среди современных луговых мари. 11.12.1957 г. // Научно-рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Оп. 5. Д. 20. Л. 2—6.
4. Васильев В.М. Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. Краснококшайск, 1927.
5. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. Р-189. Оп. 1.
6. Ерусланов П.П. Жертвоприношения черемис Бирского уезда (Уфимской губернии) по случаю неурожая // Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Оренбург, 1894. Вып. 4. С. 9—19.
7. Зыков И.В. Религиозные течения среди марийцев. Н. Новгород, 1932.
8. Иванов А.А. Историко-документальное наследие Марийского областного общества краеведения (1926—1937): состав и информативные возможности // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2015. №1. С. 32—37.

9. Кошкина О. А., Пенькова М. В., Петрова Н. С. К вопросу о проведении марийских молений в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2023. Т. 33, №5. С. 1047–1055.
10. Кузнецов С. К. Четыре дня у черемис во время Сюрема // Известия Русского географического общества. СПб., 1880. Т. 15, вып. 3. С. 171–206.
11. Маторин Н. М. Религия у народов волжско-камского края прежде и теперь: Язычество — Ислам — Православие — Сектанство. М., 1929.
12. Окладникова Е. А., Зобнина А. О. Этнический ренессанс: теории и современная российская практика // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008. С. 449–455.
13. Попов Н. С. К истории возрождения марийских традиционных молений в конце XX века // Этническая культура марийцев (традиции и современность). Йошкар-Ола, 2002. С. 92–121.
14. Саберов Р. А. Интервью с Альбертом Ивановичем Рукавишниковым // Colloquium heptaplomeres. 2014. №1. С. 163–170.
15. Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб., 2007.
16. Смирнов И. Н. Черемисы : историко-этнографический очерк. Казань, 1889.
17. Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья / Е. А. Ягфова, Е. С. Данилко и др. Самара, 2010.
18. Ярыгин А. Ф. Современные проявления дохристианских верований марийцев. Йошкар-Ола, 1976.

Об авторе

Рушан Анвярович Саберов — ст. преп. кафедры социальных наук и технологий, заместитель директора Центра подготовки кадров высшей квалификации, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Москва, Россия.

E-mail: saberow@yandex.ru

R. A. Saberov

AUTOCHTHONOUS RELIGIOSITY AND PRIESTS OF THE MARI IN 1920s — 1930s (based on materials of the Mari regional society of local lore)

National University of Science and Technology “MI SiS”, Moscow, Russia

Received 14 September 2024

Accepted 09 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-5

To cite this article: Saberov R. A., 2025, Autochthonous religiosity and priests of the Mari in 1920s — 1930s (based on materials of the Mari regional society of local lore), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 43–51. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-5.

At present, among the Finno-Ugric ethnic groups of the Middle Volga region, in particular the Mari people, active processes of revival and transmission of autochthonous beliefs continue. The key role in this is played by religious functionaries, whose priestly institution has been developing for several centuries. In an effort to identify and document new sources on this subject and to facilitate further comparative-historical research, the author analyzes materials from the State Archive of the Republic of Mari El (GARME) to trace the development trends of the priesthood within the Mari traditional religion and to reconstruct the broader context of religious practices among the Mari population living in the Mari Autonomous Region during the 1920s – 1930s, according to the administrative division in force at the time. The findings of the study complement previously accumulated ethnographic data, shed light on specific features of the development of the Mari traditional religion, and provide insight into several of its spiritual leaders during the first third of the 20th century. The examined materials allow the author to conclude that autochthonous beliefs and ritual practices persisted among the Mari during the studied period, despite prohibitions, anti-religious campaigns, and educational efforts in the Mari region. At the same time, the development of the priesthood also exhibited certain negative trends, which are likewise addressed in the article.

Keywords: Mari, Mari traditional religion, priesthood, archive, Middle Volga region, 20th century

The author

Rushan A. Saberov, Senior Lecturer, Associate director of the PhD Office, National University of Science and Technology "MISiS", Moscow, Russia.

E-mail: saberow@yandex.ru

ПОЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ ЗАМОРСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Поступила в редакцию 02.12.2024 г.

Принята к публикации 01.02.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-6

Для цитирования: Михин О. В. Польские проекты заморской колонизации в годы Второй мировой войны // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1. С. 52 — 62. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-6.

Проанализированы проекты освоения выходцами из Польши колониальных владений в период Второй мировой войны. Интерес к проектам заморской колонизации возник в межвоенной Польше в связи с активной деятельностью Морской и колониальной лиги. В годы Второй мировой войны подобные проекты разрабатывались авторами эмигрантского журнала “Polska na Morzach”. В основном они сводились к улучшению социально-экономического положения Польши за счет колониальных ресурсов и эмиграции в страны Южной Америки и Африки. В оккупированной Польше проекты заморской колонизации разрабатывались участниками подпольного движения «Меч и плуг». Особенностью этих проектов было большее внимание к вопросам повышения международного авторитета Польши и расистским практикам по отношению к коренному населению колоний. В целом проекты заморской колонизации Польши в период Второй мировой войны продолжали традицию Морской и колониальной лиги.

Ключевые слова: Польша, Вторая мировая война, колонии, колонизация, эмиграция, “Polska na Morzach”, «Меч и плуг»

Интерес польских политических деятелей к проектам морской экспансии был характерен для 1920—1930-х гг. Во многом это связано с деятельностью Морской и колониальной лиги — общественной организации, пропагандировавшей становление Польши в качестве морской державы. К концу 1930-х гг. численность членов лиги достигла порядка миллиона человек, что делало ее наиболее массовой общественной организацией в Польше [16, р. 654].

В разное время представители лиги предлагали путем индивидуальной или массовой эмиграции в колонии освоить территории Бразилии, Либерии, Камеруна, Анголы и Мадагаскара¹. Речь шла о строительстве

¹ О проектах заморской колонизации, разработанных Морской и колониальной лигой, см. подробнее: [15; 32].

неформальной империи, в рамках которой Польша должна была осуществлять политическое, экономическое и культурное влияние на заморские территории других государств [13]. Лига находилась в тесном взаимодействии с правительственными кругами Второй Речи Посполитой, ее идеологию разделяли представители высших эшелонов власти и генералитета [16, р. 649 – 652]. Организация издавала ряд периодических изданий, проекты колонизации заморских территорий были представлены в ежемесячных журналах *Morze* (1924 – 1938), *Morze i Kolonie* (1939) и *Polska na Morzu* (1934 – 1938).

Лига осуществляла активную деятельность в канун Второй мировой войны: проводились крупные общественные мероприятия на морскую и колониальную тематику (Колониальные дни 1938 г., Дни моря и колоний 1939 г.), осуществлялся сбор средств в Фонд морской обороны, что обеспечило строительство подводной лодки «Орел» [8, с. 134 – 145, 251 – 256]. Реализовать проекты заморской колонизации деятелям лиги не удалось.

С началом Второй мировой войны лига прекратила свою деятельность, однако проекты колонизации заморских территорий продолжали сохранять актуальность в печати эмигрантских организаций. Для настоящего исследования важно издание *Polska na Morzach* (1941 – 1946), в публикациях которого большое значение придавалось вопросам эмиграции поляков. Этот журнал объединил возобновленный журнал *Morze* Януша Гживиньского и журнал *Praca na Morzu* (1939) Союза капитанов, бортпроводников, машинистов и радиотелеграфистов Польского торгового флота (Союз офицеров торгового флота) [33, с. 17], который выходил в январе – августе 1939 г. под редакцией Бронислава Губалы. *Polska na Morzach* издавалась несколькими польскими эмигрантскими организациями в Великобритании: Польским транспортным комитетом, Морским управлением генерального консульства Польши в Лондоне, Союзом польских судовладельцев, Союзом капитанов, бортпроводников, машинистов и радиотелеграфистов Польского торгового флота, Центральной морской секцией профсоюза работников транспорта и Бюро страховой комиссии. Редакторами журнала были Гживиньский и Урбан Кшижановский [17]. Будучи автором издания *Praca na Morzu*, последний обеспечивал преемственность с довоенным периодом [22].

Polska na Morzach, позиционируясь как журнал, посвященный морским и колониальным вопросам, продолжала традицию периодики Морской и колониальной лиги. Основные сюжеты его публикаций были связаны с проблемами и перспективами польского военно-морского и торгового флотов в годы Второй мировой войны, в меньшей степени уделялось внимание колониальным вопросам. Следует отметить, что часть военно-морского и торгового флотов Польши удалось спасти благодаря уходу кораблей в Великобританию [3, с. 296]. Материалы журнала печатались на польском и английском языках, следовательно он предназначался также для британской аудитории. Целью издания объявлялась «служба морским делам», в которых виделась «единственная жизнеспособная концепция Польши, экономически опирающейся на Балтику и имеющей Военно-морской флот, способный обеспечить нам (полякам. — О. М.) политическую и экономическую свободу» [21]. В пер-

вом выпуске за ноябрь 1941 г. среди задач журнала указывался «выход на широкие воды», распространение издания среди «старой эмиграции в Соединенных Штатах и Южной Америке» [11]. Журнал пропагандировал участие польских моряков военно-морского и торгового флотов в действиях антигитлеровской коалиции, с чем связывалась перспектива освобождения Польши от германской оккупации.

Колонизация воспринималась авторами журнала *Polska na Morzach* неоднозначно. Впервые это проявилось в статье «Вопрос колоний», автор которой был обозначен инициалами К. Л. По его мнению, Польша, в отличие от Великобритании, не может себе позволить «отплытие миллионов людей за моря», поскольку это было бы вредно с точки зрения обеспечения безопасности государства и сохранения его «национального характера». В то же время обладание колониальными территориями представлялось К. Л. залогом успешного экономического развития Польши, в связи с чем он сетовал на то, что «ни одна колониальная империя не захочет отказаться от хотя бы малой части своих владений». Для удовлетворения экономических потребностей обделенных колониями государств необходима «всемирная земельная реформа». «Государства, которые можно сравнить с владельцами латифундий», должны были при участии некоей международной организации поделиться землей со странами, подобными безземельным крестьянам из Европы. Следует отметить иллюзорность и архаичность расчетов на новый колониальный передел. Автор признавал, что способны помешать «постепенная эмансипация цветных народов и потеря многих колоний европейскими государствами» [20].

Большее внимание на перспективы заморской эмиграции обратили Вацлав и Здзислав Наленч-Идзиковские. Согласно описанию фонда «Собрание Идзиковских» Государственного архива в Варшаве, Вацлав и Здзислав были представителями шляхетского рода и до Второй мировой войны владели имением Заполе в повете Гродзиск-Мазовецкий. Вероятно, В. Наленч-Идзиковский принимал участие в деятельности харцерских отрядов [19; 23; 39]. Наленч-Идзиковские были военными корреспондентами с опытом работы в среде польских диаспор Южной Америки [27].

В статье «За лучшее будущее переселенцев», опубликованной в выпуске *Polska na Morzach* за февраль — март 1943 г., Наленч-Идзиковские утверждали, что важным в деле восстановления польского государства по окончании Второй мировой войны станет вопрос заморской эмиграции. Авторы полагали, что труд переселенцев будет способствовать «помощи стране (Польше. — О. М.)» на долговременной основе. Необходимы «правильная организация, разработка плана, осуществление управления поселениями в рамках кооперации, чтобы совместным усилием легче работать, легче справляться с трудностями, легче жить и обживаться». Улучшение условий жизни польских переселенцев за рубежом представлялось Наленч-Идзиковским одним из «даров, которые принесет в освобожденную страну (Польшу. — О. М.) Польская Армия». Авторы *Polska na Morzach* предложили стимулирование «нового переселенчества» (*nowe osadnictwo*). Как и в пропаганде Морской и колониальной лиги межвоенного периода, приоритетным направлением им виделась эмиграция в

Северную и Южную Америку, однако Наленч-Идзиковские допускали, что «территорий имеется и будет довольно много, и не только в обеих Америках, но и в других частях мира» [Ibid.]. Следовательно, они не исключали польскую эмиграцию в колониальные владения европейских государств в Африке и Азии.

До Второй мировой войны эмиграция из Польши носила в основном экономический характер и была направлена в страны Западной Европы и Америки. Для военного времени характерны эмиграция политической элиты, военнослужащих и обычных граждан (беженцев)¹. Авторы журнала ожидали продолжения исхода из страны, в связи с чем разрабатывали проекты использования эмигрантов в качестве колонистов.

Поскольку зачастую статьи в журнале *Polska na Morzach* публиковались параллельно на польском и английском языках, имеется возможность сопоставить два варианта текста. Во-первых, польское название статьи «За лучшее будущее переселенцев» имело характер лозунга, тогда как английское название «Лучшее будущее для переселенцев» описывало желаемую действительность. Во-вторых, в англоязычной версии статьи первое лицо заменено на третье (ср.: «когда закончится военная разруха и мы вернемся в страну»; «когда закончатся тяготы войны и поляки смогут вернуться в свою страну»). Польский текст предназначался эмигрантам-выходцам из Второй Речи Посполитой, а английский — британским читателям, которым необходимо было объяснить задачи польских вооруженных сил в Великобритании.

3. Наленч-Идзиковский больше не публиковался на страницах журнала, в отличие от В. Наленч-Идзиковского, написавшего еще одну статью по теме заморской эмиграции. Статья «За лучшее будущее переселенцев. В поиске новых территорий», служившая продолжением предыдущей публикации, увидела свет в выпуске за июнь — июль 1943 г. Автор сетовал на антипольскую национальную политику в Аргентине и Бразилии, выражая опасения по поводу утраты представителями местных колоний своей национальной идентичности. В связи с этим он предложил проект эмиграции в Южную Африку, «где в ряде британских колоний находятся наши (польские. — О. М.) эмигранты из России». В Южной Африке условия проживания польских эмигрантов, способных стать переселенцами, были благоприятными: «Они основывают там новую жизнь; у них есть школы, клубы, кооперативы». В. Наленч-Идзиковский полагал, что южноафриканские поселения послужат образцом для дальнейшей переселенческой деятельности [26]. Тем самым автор солидаризировался с распространенным в среде польской эмиграции времени Второй мировой войны представлением о возможности освоения британских колониальных владений эмигрантами. Мы разделяем точку зрения Петра Пухальского, считающего, что этот проект не имел шансов на практическую реализацию [32, р. 246 — 251].

В 1943—1944 гг. в журнале *Polska na Morzach* были опубликованы статьи Генрика Багиньского, посвященные колониальным вопросам. Перед Первой мировой войной Багиньский участвовал в деятельности польских военных организаций в Галиции «Польская армия» и «Польские

¹ О польской эмиграции 1920—1940-х гг. см.: [14, s. 418—440].

стрелецкие дружины» [9, s. 18]. В период войны он сражался на стороне Российской империи и в апреле 1917 г. организовал в Киеве Польскую военную лигу активной борьбы, имевшую целью создание национальной польской армии [38, s. 72, 74–75]. Затем Багиньский командовал батальоном в дивизии Люциана Желиговского, в составе которой вернулся в Польшу в 1919 г. В межвоенный период преподавал географию в Высшем военном училище, занимал высокие посты в Министерстве военных дел, Генеральном штабе и Военном историческом бюро [9, s. 18].

С середины 1920-х гг. Багиньский стал проявлять интерес к морской проблематике, написав работы «Вопрос доступа Польши к морю» (1927) и «Свобода Польши на море» (1931) [Ibid.]. После начала Второй мировой войны оказался в эмиграции и в Великобритании продолжил писать публицистические работы на морскую тематику. В 1942 г. Багиньский опубликовал расширенное издание своей книги «Свобода Польши на море» [6], в 1943–1944 гг. — статьи в журналах *Polska na Morzach* и *Polska Walcząca: Żołnierz Polski na Obczyźnie* (1939–1954).

В статье «Колониальный вопрос» Багиньский развил мысль о необходимости колониальных владений для Польши. Автор аргументировал это тем, что дешевое колониальное сырье, поставлявшееся в Польшу без посредничества других государств, должно было стимулировать польскую промышленность. Ее развитие обеспечило бы трудоустройство многочисленного сельского населения и тех эмигрантов, которые вернутся на родину по окончании войны. Делая акцент на эксплуатации природных ресурсов в колониях, Багиньский видел также перспективу эмиграции в заморские владения: «Должны ли мы дальше вывозить наших эмигрантов наравне с беконом и маслом? Или мы должны обеспечить подготовленную эмиграцию в собственные колонии с целью производства дешевого сырья для родной страны» [7].

Для подтверждения своей позиции автор ссылался на зарубежные публикации. Во-первых, на анонимную статью «Британский поляк — долг перед графом Стшелецким», опубликованную в *The Times Literary Supplement* (с 1902 г.). В ней достижения путешественника Павла Эдмунда Стшелецкого служили доказательством того, что польской эмиграции необходима «заслуженная заморская территория» [Ibid.]. Во-вторых, Багиньский опирался на книгу «Польша» (1939) британского полониста канадского происхождения, профессора и руководителя Школы славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета Уильяма Джона Роуза [12, p. 112], который призывал не обделить Польшу при «полном пересмотре отношений перенаселенной Европы», предоставив полякам «слаборазвитые и незаселенные части света». Польские переселенцы «не боятся работы», их трудолюбие признавалось «лучшим из всех изобретенных на сегодняшний день способов эксплуатации матери-земли» [7]. Следовательно, солидаризируясь с книгой Роуза, Багиньский использовал аргумент так называемой эффективной оккупации. Это представляется нам довольно архаичным приемом, поскольку время оправдания территориальной экспансии эффективной оккупацией пришлось на рубеж XIX–XX вв. [36; 1, с. 216–217]. Данный принцип вступал в явное противоречие с признаваемой на страницах журнала *Polska na Morzach* эмансипацией народов колоний [20].

В выпуске журнала *Polska na Morzach* за февраль — март 1943 г. в разделе «Обзор прессы» была опубликована заметка «Польский колониальный вопрос». Ее автор W. W. цитировал, сопровождая краткими комментариями, статью Багиньского «Колониальный вопрос». Интересна характеристика взглядов Багиньского для понимания идейных противоречий в среде польской эмиграции в Великобритании. W. W. писал о «тезисах, по-прежнему еще непопулярных среди так называемых польских “реалистов”», указывая тем самым на маргинальность Багиньского. При этом сам автор заметки считал статью «Колониальный вопрос» «интересной» и тематически связанной с материалом «За лучшее будущее переселенцев» Наленч-Идзиковских [37].

В дальнейшем в журнале *Polska na Morzach* были опубликованы еще две статьи Багиньского по колониальной проблематике: «Польские колониальные пионеры в Африке» (июнь — июль 1943 г.) и «В шестидесятую годовщину колониальной экспедиции Рогозиньского в Камерун» (октябрь — ноябрь 1944 г.). В этих публикациях, тематически объединенных историей экспедиции Стефана Шольца-Рогозиньского в Камерун 1883—1885 гг., в результате которой европейцы впервые его изучили [24; 34], Багиньский вновь заявил о необходимости обладания «переселенческой территорией, а также возможностями эксплуатации сырья» [4, s. 38; 5]. Автор ссылаясь на опыт Шольца-Рогозиньского, предпринявшего попытку создать «свободную польскую колонию в Камеруне», где «крестьянин и плантатор найдет поле урожая и надежды» [4, s. 38]. Исторический прецедент польского присутствия в Западной Африке обосновывал претензии Польши на Камерун. При этом Багиньский шел по стопам деятелей межвоенной Морской и колониальной лиги, которые также видели в экспедиции Шольца-Рогозиньского основание для апелляции к историческому праву [30, s. 12].

Все авторы журнала *Polska na Morzach*, писавшие о перспективах заморской колонизации, рассматривали колониальные владения как инструмент улучшения социально-экономического положения Польши после Второй мировой войны. Колонии были призваны стимулировать развитие польской промышленности и торговли, а также трудоустроить выходцев из сельской местности и беженцев. При этом имелись в виду некая международная договоренность о новом «колониальном переделе» или соглашение с союзной Великобританией. Можно говорить о пассивной позиции авторов журнала, обосновываемой достаточно анахроничной аргументацией.

Помимо эмиграционной среды пропаганда заморской колонизации велась в польском подполье. Интерес к колониальной проблематике характерен для конспиративной организации — движения «Меч и плуг», функционировавшего в октябре 1939 — июле 1944 г. В 1942 г. она оценивала число своих членов в интервале от 30 до 50 тыс. человек, однако Делегатура польского Лондонского правительства в Варшаве полагала, что их не более 1,5 тыс. По мнению Ярослава Томащевича, численность организации сложно верифицировать [35, s. 40]. Мы склоняемся к оценке Дариуша Мишевского, согласно которой на пике деятельности организации в середине 1943 г. в ней состояло несколько тысяч человек [25, s. 296]. Территориально движение «Меч и плуг» охватывало такие

регионы Польши, как Мазовия, Малая Польша, Подлясье и Поморье [Ibid.]. О значимости рассматриваемой организации говорят ее связи с чешскими, словацкими, венгерскими, югославскими и греческими подпольщиками [35, s. 40].

В историографии колониальные проекты движения «Меч и плуг» лишь частично рассмотрены Я. Томашевичем и упомянуты в монографии П. Пухальского [Ibid., s. 47; 32, p. 251]. Уже в 1940 г. на страницах одноименного журнала *Miecz i Plug* провозглашались лозунги «имперского национализма», вдохновленного опытом экспансионизма фашистской Италии и Британской империи [18]. К 1942 г. в процессе радикализации руководства организации и нарастания разногласий с Армией Крайовой и Делегатурой эмигрантского правительства идеология «динамичного национализма» участников движения «Меч и плуг» стала включать строительство польской империи — как континентальной, так и морской. При этом участники движения дистанцировались от межвоенного опыта и, подобно коммунистам, характеризовали Вторую Речь Посполитую как «колонию иностранного капитала» [35, s. 50; 2, с. 65]. Согласно анонимному автору журнала «Меч и плуг», подпольщики считали колонии «честью нации и импульсом Польского Государства» [28, s. 4]. Идеи заморской колонизации были сформулированы в «Идейной декларации движения “Меч и плуг”» и брошюре «Колониальная Польша», а также в журнале *Miecz i Plug*.

«Идейная декларация» представляла собою тезисное изложение политической программы движения, согласно которой Польше предстояло объединиться со всеми славянскими странами, за исключением России, в рамках федеративного государства. При этом «Польша должна быть одновременно и континентальной, и морской державой», которая «требует и должна иметь доступ к колониальным сырьевым источникам». Последние «в равной степени будут служить народам, связанным с Польшей федерацией» [10, s. 7–8].

Более подробно проект заморской колонизации раскрыт в брошюре «Колониальная Польша». Содержавшиеся в ней идеи колониального расширения практически полностью совпадали не только с довоенными проектами Морской и колониальной лиги, но и со взглядами идеологических противников движения «Меч и плуг» из эмигрантского журнала *Polska na Morzach*. Так, анонимный автор «Колониальной Польши», подобно Наленч-Идзиковским и Багиньскому, видел в заморских владениях залог успешного экономического и демографического развития страны. Путем эксплуатации колоний планировалось обеспечить Польшу сырьевой базой и избавить от импортозависимости, причем способствовать этому должна была эмиграция предпринимателей. Направления заморской экспансии совпадали с упоминавшимися выше (Мадагаскар, Камерун, Уганда и Танганьика), за исключением итальянской Ливии, представлявшейся военным трофеем за участие польских войск в боевых действиях на севере Африки [31, s. 1–4].

Схожими были проекты заморской колонизации, опубликованные в журнале *Miecz i Plug*. Следуя логике «имперского национализма», анонимный автор статьи «Помните о колониях!» (1941) постулировал необходимость колониального расширения Польши по окончании войны,

исходя из социально-экономических соображений и представления о колониях как военном трофее. Примечательно, что в данной статье будущая Польша виделась как «Польская колониальная империя» [29].

Аналогичным образом писал анонимный «знаток колониальный вопросов», вероятно, бывший член Морской и колониальной лиги, в статье «За право на жизнь, а не на существование» (1942). По его мнению, Польша обделена морским побережьем и заморскими владениями по итогам Версальской мирной конференции, тогда как обладание колониями способно привести ее к расцвету. Автор писал о многовековой борьбе поляков за колонии, этапами которой ему представлялись боевые акции подполья и участие польских войск в кампании на севере Африки. Наконец, на важность проектов заморской колонизации указывало восприятие «колониального постулата» как одного из ключевых вопросов послевоенной повестки Польши [28].

На большой радикализм деятелей движения «Меч и плуг» в колониальном вопросе указывает одобрение расизма, который в Британской империи «име[л] базовое и специальное значение». Британский вариант расизма характеризовался, главным образом, сегрегацией белых колонизаторов и «туземного населения» колоний, патерналистской «заботой» европейцев о коренных жителях заморских владений. Автор «Колониальной Польши» противопоставлял «полезную» для «туземцев» политику «опеки» немецкой «смуте среди слабых и сокращению их численности». Кроме того, большее внимание, по сравнению с публицистами журнала *Polska na Morzach*, уделялось цивилизационной миссии поляков в Азии и Африке [Ibid., s. 4; 31, s. 6–7].

Анализ проектов заморской колонизации авторов журнала *Polska na Morzach* и участников движения «Меч и плуг» позволяет установить, что идейное влияние Морской и колониальной лиги на эмиграцию и подполье периода Второй мировой войны было значительным. Несмотря на декларируемое дистанцирование от предшественников, и представители эмиграции, и деятели «Меча и плуга» обращались к довоенным проектам колониального освоения африканских территорий, заморской эмиграции и сырьевого обогащения Польши.

Интерес к заморской колонизации в немалой степени был вызван желанием компенсировать утрату национальной государственности в сентябре 1939 г. и активным участием выходцев из Польши в боевых действиях на стороне антигитлеровской коалиции. Задачами этих проектов провозглашались обеспечение польской экономики (главным образом промышленности) колониальным сырьем и освобождение Польши от обременительных экономических посредников. Кроме того, обладание колониями было призвано увеличить международный авторитет Польши.

Список источников и литературы

1. Богомолов С. А. Проблемы «Схватки за Африку» в концепции «нового империализма» в Великобритании в 80–90-е годы XIX // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2019. Т. 11, № 6. С. 216–221.

2. Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны : материалы и документы / ред. И. А. Хренов. М, 1955.
3. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012.
4. Bagiński H. Polscy pionierzy kolonialni w Afryce // Polska na Morzach. 1943. №11. S. 36–38.
5. Bagiński H. W sześćdziesiątą rocznicę wyprawy kolonialnej Rogozińskiego do Kamerunu // Polska na Morzach. 1944. №20. S. 2–3.
6. Bagiński H. Wolność Polski na morzu. Kirkcaldy, 1942.
7. Bagiński H. Zagadnienie kolonialne // Polska Walcząca: Żołnierz Polski na Obczyźnie. 1943. №5. S. 1.
8. Biały T. Liga Morska i Kolonialna, 1930–1939. Gdańsk, 1983.
9. Czy wiesz kto to jest? / pod ogólną red. S. Łozy. Warszawa, 1938.
10. Deklaracja ideowa Ruchu Miecz i Pług. [S. l.], [s. a.].
11. Do czytelników // Polska na Morzach. 1941. №1. S. 17.
12. Folejewski Z. William John Rose, 1885–1968: a Tribute // Canadian Slavonic Papers. 1968. Vol. 10, №2. P. 111–113.
13. Gallagher J., Robinson R. The imperialism of free trade // The Economic History Review. New Series. 1953. Vol. 6, №1. P. 1–15.
14. Gawryszewski A. Ludność Polski w XX wieku. Warszawa, 2005.
15. Grzechnik M. Aspirations of imperial space. The colonial project of the Maritime and Colonial League in interwar Poland // CES Open Forum Series. 2019–2020. P. 1–23.
16. Hunczak T. Polish colonial ambitions in the inter-war period // Slavic Review. 1967. Vol. 26, №4. P. 648–656.
17. Informator // Polska na Morzach. 1941. №1. S. 17.
18. Jakim winien być polski nacjonalizm? // Miecz i Pług. 1940. №16. S. 2–4.
19. Jędrzejów 1922, Garczyn 1932, Spała 1935. Album Wacława Idzikowskiego z udziału w obozie harcerskim w Jędrzejowie, w międzynarodowym zlocie skautów wodnych w Garczynie i jubileuszowym zlocie harcerskim w Spale // Szukaj w Archiwach. URL: szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/12768509 (дата обращения: 26.11.2024).
20. K. L. Zagadnienie kolonii // Polska na Morzach. 1941. №1. S. 13–14.
21. Komitet Redakcyjny. Od redakcji // Polska na Morzach. 1941. №1. S. 1.
22. Krzyżanowski U. Praca na Morzu // Praca na Morzu. 1939. №1. S. 1–2.
23. Księga przychodów i rozchodów majątku Zapole w powiecie Grodzisk Mazowiecki, Wacława i Zdzisława Nałęcz-Idzikowskich // Szukaj w Archiwach. URL: szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/12768517 (дата обращения: 26.11.2024).
24. Kurek A. Stefan Szolc Rogoziński: świecki inicjator działalności misyjnej // Collectanea Theologica. 1978. №48. S. 165–171.
25. Miszewski D. Ruch «Miecz i Pług» wobec idei federacyjnej w czasie II wojny światowej // Racja stanu: studia i materiały. Bezpieczeństwo. 2012. Półrocznik №1 (11). S. 295–328.
26. Nałęcz-Idzikowski W. O lepsze jutro osadnictwa. W poszukiwaniu nowych terenów // Polska na Morzach. 1943. №11. S. 35–36.
27. Nałęcz-Idzikowski W., Nałęcz-Idzikowski Z. O lepsze jutro osadnictwa // Polska na Morzach. 1943. №8. S. 21–22.

28. *O prawo do życia, a nie wegetacji* // *Miecz i Pług*. 1942. №23. S. 3–4.
29. *Pamiętajcie o koloniach!* // *Miecz i Pług*. 1941. №4. S. 1–2.
30. *Pankiewicz M. Żądamy kolonji* // *Morze*. 1935. №5. S. 12–13.
31. *Polska kolonialna*. [S. l.], [s. a.].
32. *Puchalski P. Poland in a colonial world order: Adjustments and aspirations, 1918–1939*. L. ; N.Y., 2022.
33. *Rocznik bibliograficzny druków w języku polskim oraz w językach obcych o Polsce wydanych poza terytorium Rzeczypospolitej Polskiej. 1.IX.1939–31.XII.1941* / oprac. T. Sawicki. Edynburg ; L., 1942.
34. *Ślisz J. O wyprawie S.S. Rogozińskiego do Kamerunu (50-lecie wyprawy)* // *Wiadomości Geograficzne*. 1932. №8–10. S. 95–108.
35. *Tomasiewicz J. Myśl polityczna Ruchu Miecza i Pługa a ideologia zaradczna* // *Państwo i Społeczeństwo*. 2013. №4. S. 39–54.
36. *Verner S.P. Effective Occupation of Undeveloped Lands* // *Bulletin of the American Geographical Society*. 1910. Vol. 42, №11. P. 831–840.
37. *W.W. Polskie zagadnienie kolonialne [Przegląd prasy]* // *Polska na Morzach*. 1943. №8. S. 32.
38. *Wroszek M. Idea wojska polskiego w Rosji po obaleniu caratu i walka o jej realizację* // *Najnowsze Dzieje Polski: materiały i studia z okresu 1914–1939* / [komitet redakcyjny: L. Grosfeld et al.]. Warszawa, 1967. T. 12. S. 67–85.
39. *Zbiór Idzikowskich* // *Szukaj w Archiwach*. URL: szukajwarchiwach.gov.pl/zespol/-/zespol/97547 (дата обращения: 26.11.2024).

Об авторе

Олег Владимирович Михин — асп., Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
 ORCID ID: 0009-0000-1613-4140
 E-mail: mikhin2000@list.ru

O. V. Mikhin

POLISH PROJECTS OF OVERSEAS COLONISATION DURING THE SECOND WORLD WAR

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Received 02 December 2024

Accepted 01 February 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-6

To cite this article: Mikhin O. V., 2025, Polish projects of overseas colonisation during the Second World War, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 52–62. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-6.

The article analyzes colonial settlement projects proposed by Polish émigrés during the Second World War. Interest in overseas colonization emerged in interwar Poland in connection with the activities of the Maritime and Colonial League. During the war years, similar projects

were developed by contributors to the émigré journal Polska na Morzach. These initiatives were primarily aimed at improving Poland's socio-economic position through access to colonial resources and emigration to countries in South America and Africa. In occupied Poland, overseas colonization projects were formulated by members of the underground movement "Sword and Plough." A distinguishing feature of these projects was their greater emphasis on enhancing Poland's international standing and their inclusion of racist practices toward the indigenous populations of the colonies. Overall, Polish overseas colonization projects during the Second World War continued the legacy of the Maritime and Colonial League.

Keywords: Poland, Second World War, colonies, colonisation, emigration, «Polska na Morzach», «Sword and Plough»

The author

Oleg V. Mikhin, PhD Student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0009-0000-1613-4140

E-mail: mikhin2000@list.ru

М. В. Филёв

**ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В ОТНОШЕНИИ ЛИЧНЫХ ПОДСОБНЫХ ХОЗЯЙСТВ
КОЛХОЗНИКОВ В 1946 – 1991 ГОДАХ
(на примере колхоза «Новая жизнь»
Правдинского района Калининградской области)**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 30.09.2024 г.

Принята к публикации 03.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-7

63

Для цитирования: *Филёв М. В. Партийно-государственная политика в отношении личных подсобных хозяйств колхозников в 1946 – 1991 годах (на примере колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1. С. 63 – 77. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-7.*

На основе неопубликованных архивных материалов в рамках микроисторического подхода на примере сельхозпредприятия «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области изучается послевоенная партийно-государственная политика в отношении личных подсобных хозяйств (ЛПХ) колхозников с целью определения особенностей ее осуществления на уровне конкретного колхоза, а также выявления отношения самих колхозников к этой политике. Представлен анализ касавшихся личных хозяйств постановлений партии и правительства и форм их реализации районным и колхозным начальством. Рассмотрен вопрос об изменении степени значимости подсобных хозяйств для колхозников в 1946 – 1991 гг. Сделан вывод о том, что на протяжении исследуемого периода произошла трансформация позиции советского руководства применительно к ЛПХ: если годы позднего сталинизма и хрущевской оттепели характеризовались практически непрерывным наступлением на подсобные хозяйства колхозного крестьянства, то начиная с брежневских времен их стали рассматривать как «союзника» общественного производства, принимая определенные меры по их поддержке. Несмотря на это, заметная доля колхозников отказалась от ведения ЛПХ, что было обусловлено, помимо прочего, предполагаемой возможностью возобновления «наступательного» курса.

Ключевые слова: сельское хозяйство, колхоз, личные подсобные хозяйства колхозников, Калининградская область, микроистория

Отечественные историки неоднократно прибегали к изучению послевоенной политики государства и партии в отношении личных под-

собных хозяйств (ЛПХ) колхозников. В рамках краткого историографического обзора удастся назвать лишь самую малую часть этих научных изысканий.

М. А. Безнин и Т. М. Димони отмечают происходивший на селе процесс «раскрестьянивания», сопровождавшийся в том числе «сокращением до минимума хозяйствования на своем подворье» [3, с. 604] и «превращением колхозников из внешнеэкономическими (по преимуществу) методами эксплуатируемых крестьян в наемных работников» [4, с. 228].

По мнению О. Р. Хасянова, одним из итогов сталинской аграрной политики стало то, что колхозники были вынуждены «спасаться от голодной смерти лишь тем, что давало подсобное хозяйство» [45, с. 391]. О. М. Вербицкая, анализируя «хрущевское наступление» на ЛПХ, указывает на «далеко идущие» негативные последствия этого процесса для крестьянских семей [6, с. 73]. Л. Н. Денисова считает, что в постхрущевский период власти лишь формально отказались от «ограничений и притеснений частного сектора», фактически же эта политика сохранялась [10, с. 98].

В региональной историографии тема ЛПХ нашла отражение в трудах Ю. В. Костяшова [18; 19], пришедшего к выводу, что в годы «позднего сталинизма» подсобное хозяйство «оставалось единственной гарантией обеспечения крестьянской семьи жизненными ресурсами» [18, с. 75]. П. П. Полх рассмотрел роль ЛПХ колхозников в структуре заготовок сельхозпродуктов Калининградского сельского района в первые послевоенные годы [36]. В. Н. Маслов, Е. В. Баранова и М. М. Лопатин обратились к вопросу обеспеченности личным имуществом первых сельских переселенцев в область [23]. Один из разделов статьи автора настоящей работы о колхозе «Большевик» («Поречье») в годы «оттепели» посвящен «хрущевскому наступлению» на подсобные хозяйства колхозников [44, с. 79–82].

Все перечисленные труды калининградских историков ограничиваются периодом 1946–1964 гг. Изучение дальнейшего курса советских властей в отношении ЛПХ практически не велось. Исключением является коллективная монография «История сельского хозяйства Калининградской области», где продемонстрирована общая картина его реализации в Янтарном крае [14].

В настоящей статье, являющейся частью микроисторического исследования колхоза «Новая жизнь» Правдинского района Калининградской области, не только анализируется партийно-государственная политика в отношении ЛПХ на протяжении всей послевоенной советской истории, но и представлена попытка выявления особенностей ее реализации на локальном уровне, а также рассмотрено восприятие колхозниками происходивших в течение этого времени изменений.

Исследование базируется на неопубликованных материалах Государственного архива Калининградской области [8] и Архивного отдела администрации муниципального образования «Правдинский городской округ» [2] (протоколы общих собраний колхоза «Новая жизнь», заседаний его правления и первичной партийной организации; документы из фондов Пореченского сельсовета, Правдинского райкома партии).

Выбор сельхозартели «Новая жизнь» (основана в 1946 г. под названием «Большевик») обусловлен как хорошей сохранностью источниковой базы, так и ее типичностью для региона — практически всю свою историю колхоз пребывал в статусе «середняка», соответствовал среднеобластным показателям по земельной площади и числу дворов.

«Люди больше болеют за личное, чем за общественное»

Вопрос о площади приусадебных участков решался на общем собрании в октябре 1946 г. Глава «Большевика» Суворов напомнил колхозникам положение «Примерного устава сельхозартели» 1935 г., согласно которому размер личного надела варьировался в диапазоне от 0,25 до 0,5 га [39], при этом обозначив позицию, вероятно, транслируемую «сверху» — наделить колхозников участками по 0,35 га. Член правления Жуков рекомендовал поддержать предложение председателя, но колхозник Болобешко призвал увеличить площадь до максимально разрешенной (0,5 га), за что в итоге и проголосовало большинство [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 1, л. 4].

Формирование колхозов в Калининградской области происходило на фоне всесоюзной кампании против «расхищения общественных земель», начавшейся еще в предвоенные годы [см. подробнее: 11] и раскрученной с новой силой постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 19 сентября 1946 г., которое предписывало противостоять «самовольным захватам или незаконным прирезкам... в целях раздувания личного хозяйства в ущерб общественному» посредством проверок, выявленные в ходе которых «незаконно захваченные земли» возвращали в общественный фонд [31].

По результатам прошедших в 1949 г. в 147 колхозах Калининградской области проверок было выявлено 6173 га «незаконно присвоенных земель» [18, с. 71]. В «Большевике» подобные эпизоды также имели место. В июне 1948 г. стало известно о захвате школьного приусадебного участка в 15 соток председателем ревизионной комиссии (!) коммунистом Я. Колхозные партийцы подтвердили, что Я. «общественное променял на свой участок», а его супруга «торгует на базаре» и «занимается агитацией против колхозного строя». Фигурант дела вины за собой не увидел, а присвоение участка объяснил тем, что школа его не использовала и «поэтому захвата нет». Член партии Я. получил выговор [8, ф. П-145, оп. 1, д. 1, л. 27 — 28], а вот дальнейшая судьба земельного надела в источниках отражения не получила.

Случай Я. оказался не единственным, зафиксированным в источниках. Так, в 1952 г. колхозник С. присвоил 0,5 га колхозной земли, а П. был уличен в активном разведении овец, которых у него оказалось на 7 голов больше, чем разрешалось уставом [Там же, д. 2, л. 17 об.].

Выдачи сельхозпродукции на трудодни в первые послевоенные годы не обеспечивали даже минимальных потребностей колхозников, из-за чего они прибегали к «отходничеству» или отдавали приоритет труду в ЛПХ. В прессе и на собраниях таких артельцев именовали «дезорганиза-

торами производства» или «околоколхозниками», непременно уточняя, что они не трудились в колхозе, но пользовались «всеми правами и льготами колхозников-переселенцев» [см., напр.: 15; 42].

Едва ли не главным в повестке собраний этого периода стал вопрос о соотношении занятости членов колхоза в общественном и личном хозяйствах. «Люди больше болеют за личное, чем за общественное», — заявил в ноябре 1951 г. председатель «Большевика» Старовойтов [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 9, л. 73 об.]. Интересно, что в авангарде этого нередко оказывались и партийцы, и представители правления (в том числе и сам Старовойтов). Так, в июне 1952 г. в «Колхозной правде» рассказывалось, как конюх Соколов и пастух Галуза труду в колхозе предпочли обработку личного участка Старовойтова, за что получили вознаграждение в виде двух мешков картофеля [16]. Годом ранее тогдашний председатель Филиппчик и бригадир Ащеулов «первыми начали косить себе сено на сенокосилках» [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 9, л. 56 об.].

Районные и областные начальники побуждали правление «принимать самые суровые меры» [Там же, л. 53 об.] к нарушителям устава, но оно старалось ограничиваться предупреждениями или штрафами в 3—5 трудодней [см., напр.: Там же, л. 21]. Сравнительная мягкость объясняется и нуждой артели в рабочих руках, из-за чего исключение было нерациональным (минимум трудодней все же вырабатывала большая часть колхозников), и тем, что представители управленческого состава колхоза сами также не всегда соблюдали устав.

Протоколы собраний за 1946—1953 гг. сохранили лишь несколько случаев применения правлением строгих санкций. Так получилось с семьей С., которую обвиняли в торговле на рынке продукцией с приусадебного участка в рабочее время и распространении слухов о том, что правление «не дает хлеба», вследствие чего часть колхозников отказалась работать. Семью лишили приусадебного участка и всех переселенческих льгот [Там же, д. 1, л. 41; ф. П-145, оп. 1, д. 1, л. 9 об.].

От уступок к новому наступлению

В постсоветской историографии возобладала точка зрения о кризисном положении в советской деревне конца 1940-х — начала 1950-х гг. Например, В.П. Попов отмечает, что экономическая политика государства была направлена на нещадную эксплуатацию деревни, а «продажа продуктов на рынке часто была для сельского населения единственным способом добывания денег для уплаты налогов и займов» [38, с. 279].

В конце сталинской эпохи заметно выросло налогообложение ЛПХ — с 1949 по 1952 г. в СССР средний размер налога на один колхозный двор увеличился с 419 до 528 руб. [26, с. 298]. В начале 1953 г. Сталин под предлогом «богатой жизни крестьян» выдвинул инициативу обложить колхозы и колхозников дополнительным налогом [11, с. 159]. Это диссонировало с реальным положением дел — общая задолженность населения страны по сельхозналогу к 1953 г. составляла около 0,5 млрд руб. [37, с. 51].

Вскоре после смерти «вождя народов» новое руководство предприятия комплекс мер по преодолению «запущенного состояния» [21, с. 12]

сельского хозяйства, которые касались и ЛПХ. В августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР Г. М. Маленков заявил о намерении «изменить неправильное отношение, сложившееся у нас к ЛПХ колхозника». Изменений предполагалось достичь благодаря снижению норм обязательных поставок с личных хозяйств крестьян, уменьшению денежных налогов с каждого двора примерно в два раза и полному снятию недоимок по сельхозналогу [Там же, с. 14 – 15].

Тем самым были намечены контуры преобразований, утвержденных постановлением сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. На пленуме Н. С. Хрущев говорил о губительности политики ущемления личных интересов колхозников в их подсобном хозяйстве, но указал на временный характер существования ЛПХ, которое «необходимо, пока общественное хозяйство колхоза еще недостаточно развито» [46, с. 9]. Тем не менее на протяжении некоторого времени Хрущев играл роль защитника ЛПХ [11, с. 160]. Одним из главных послаблений «хрущевского десятилетия» можно считать отмену с 1 января 1958 г. обязательных поставок сельхозпродуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих [27].

В Правдинском районе в 1956 г. была проведена инициированная райисполкомом кампания по привлечению горожан в колхозы (в том числе в «Большевик») [8, ф. Р-205, оп. 3, д. 39, л. 10]. Рабочих и служащих мотивировали переселяться в сельскую местность, обещая обеспечение жильем, освобождение от обязательных поставок государству всех продуктов, кроме молока (за два года до принятия схожей меры в масштабе страны), и выделение ссуды на приобретение коровы [25]. Затея не увенчалась успехом, обещанные дома возводили медленно [8, ф. Р-205, оп. 3, д. 43, л. 14], а количество трудоспособных колхозников в изучаемом колхозе в 1956 и 1958 гг. осталось идентичным (по 220) [Там же, ф. Р-139, оп. 9, д. 591, л. 37 об.; д. 780, л. 145 об.].

Новые веяния в отношении ЛПХ руководство «Большевика» воспринимало настороженно. В сентябре 1955 г. глава колхоза Старовойтов назвал налоговые послабления подспорьем для «недисциплинированных» [Там же, ф. П-145, оп. 1, д. 2, л. 105 – 105 об.], то есть для крестьян, предпочитавших общественному труду работу на личном подворье. В январе 1956 г. Старовойтов вновь резко высказался о «нерадивых» колхозниках и поручил местным коммунистам привлечь их к колхозной работе [Там же, д. 3, л. 6].

Критические высказывания на собраниях не всегда подкреплялись конкретными мерами. Выбиваются из общего ряда события мая 1955 г., когда было отдано беспрецедентное для артели распоряжение о сокращении площади наделов сразу 12 колхозников с 0,5 до 0,25 га в связи с их «потерей связи с колхозом» [Там же, ф. Р-1059, оп. 2, д. 22, л. 18 об. – 19]. Но следует учитывать, что решение принималось в отношении прибегнувших к «отходничеству» лиц, бывших членами колхоза лишь номинально. «Руководители колхоза не хотят “обижать” тех, кто уваливает от коллективного труда», – констатировал автор газетной публикации в декабре 1955 г. [24].

Возобновление партийно-государственного противоборства с ЛПХ не заставило себя долго ждать. В. Н. Мамяченков и В. П. Мотревич счита-

ют, что оно началось с принятого в августе 1956 г. постановления Совета министров СССР «О мерах борьбы с расхождением из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту» [22, с. 56], запрещавшего «скармливание скоту и птице хлеба, муки, крупы, картофеля и других... продуктов, покупаемых в государственных и кооперативных магазинах» [30].

Попыткой борьбы с ЛПХ можно считать и вышедшее несколько ранее, в марте 1956 г., постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели», требовавшее «не допускать увеличения приусадебного земельного фонда за счет общественных земель колхоза, а, наоборот, стремиться к его сокращению» и урезать личные участки лиц, принимающих «недостаточное трудовое участие в общественном хозяйстве артели». Эти меры, со ссылкой на «многочисленные письма от колхозов и колхозников», объяснялись желанием избавиться от прослойки «нерадивых колхозников», которые «раздувают свое личное хозяйство в ущерб общественному» [13, с. 450–451]. С.Н. Андреенков расценивает данный акт как введение государством своих правил игры «под вывеской демократических процедур» [1, с. 75].

В «Большевике», руководствуясь этими рекомендациями, для упорядочения площадей участков и количества скота в личном пользовании организовали комиссию [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 24, л. 13 об.]. Это соответствовало общесоюзному тренду — в 1956 г. по всей стране проводилась «обрезка» личных земельных наделов колхозников, но сокращения оказались минимальными [6, с. 69].

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. давление на подсобные хозяйства усилилось. Их ограничением предполагалось разрешить обострившуюся проблему недостатка кормов [14, с. 18–19]. При реализации кампании «Догнать и перегнать США» широко использовалась практика изъятия скота и птицы из ЛПХ в счет поставок колхозов и совхозов государству [17, с. 106].

Местные власти, приспосабливаясь к колебаниям партийно-государственной политики, действовали противоречиво, смягчая или ужесточая принятые на самом высоком уровне решения [7, с. 222]. Конец 1950-х гг. стал временем вынужденной сдачи, продажи и убоя скота, находившегося в личном пользовании колхозников [6, с. 73], но руководители «Большевика», который в 1957 г. был переименован в «Поречье» [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 27, л. 46], пытались минимизировать потери колхозников. И хотя в колхозе организовали инспекции ревкомиссии, которой предписывалось конфисковывать «лишних» животных и взимать с нарушителей внушительные штрафы (2,5 руб. за гуся, 15 руб. за овцематку, 50 руб. за свиноматку [Там же, д. 39, л. 20; д. 44, л. 18]), на практике эти меры старались не реализовывать. Лишь отдельные партактивисты призывали усилить контроль за ЛПХ, объясняя это тем, что, невзирая на принятые решения, «много колхозников держат излишний скот, а мы этого не видим» [Там же, ф. П-145, оп. 1, д. 4, л. 29].

В 1961 г. в «Поречье» приняли новый устав. Колхозная семья при выработке минимума трудодней ее трудоспособными членами мог-

ла содержать одну корову, одну голову молодняка КРС (возрастом до 9 месяцев), одну свиноматку и одну голову молодняка, две овцематки и с приплодом (но не более 10 голов), птиц-кур (до 20 голов), водоплавающих птиц (до 15 голов), до пяти пчелосемей [Там же, ф. Р-1059, оп. 2, д. 40, л. 3].

Это устраивало не всех. В 1963 г. бывший глава колхоза Филиппчик на собрании по утверждению дополнений в устав, вопреки формализованному порядку единогласного одобрения, предложил увеличить количество свиноматок и разрешить продавать телят, что будет «хорошо для колхоза и колхозников». Инициативу экс-председателя позитивно восприняли некоторые другие партийцы, но секретарь парторганизации Яковлев осадил этот выпад, призвав не допустить «разбухания личного хозяйства» [Там же, ф. П-145, оп. 1, д. 4, л. 60]. Филиппчик отказался подписывать обновленную версию устава [Там же, л. 72], а уже в следующем году он, впервые за длительное время, не был избран в состав правления колхоза.

Устав 1961 г. запрещал увеличение личного земельного фонда и предусматривал предельный размер приусадебного участка в 0,3 га для новых членов колхоза (прежде было 0,5 га). Участки лиц, проживавших на территории колхоза, но не работавших в нем, сокращали вдвое. Правление имело право изъять или сократить земельный надел в случае его запущенности или невыработки колхозником минимума трудодней [Там же, ф. Р-1059, оп. 2, д. 40, л. 1–2]. Захват общественных земель карался в соответствии с п. 1 ст. 199-й Уголовного кодекса РСФСР (исправительные работы на срок от шести месяцев до одного года или штраф до 300 руб.) [43]. С другой стороны, желавшие развивать садоводство могли получить дополнительную сотку земли [Там же, л. 2].

В хрущевские годы была зафиксирована политическая установка на ограничение ЛПХ как важнейшего источника доходов [3, с. 161], но для колхозников оно все равно оставалось таковым. О. М. Вербицкая приводит статистику, согласно которой в начале 1960-х гг. на колхозных рынках РСФСР в среднем в день торговало около 250 тыс. человек [6, с. 68]. Источниковая база не позволяет представить данные по Правдинскому району, но тему торговли колхозниками продуктами из ЛПХ вместо общественного труда регулярно поднимали в районной прессе и на собраниях. Например, в 1956 г. директор Правдинской МТС Кузин на страницах газеты выразил недовольство представителями подшефных артелей (включая «Большевик»), которые вместо выполнения «первой заповеди», то есть сдачи сельхозпродукции государству, занимались ее реализацией «на стороне и на рынке» [20].

На вводимые в отношении ЛПХ ограничения колхозники отвечали использованием общественного имущества в собственных целях. Приведем лишь несколько примеров. Введенный в конце 1950-х гг. во многих колхозах страны запрет на выпас личного скота на общественных пастбищах [6, с. 73] постоянно нарушался колхозниками, штрафы их не останавливали [см., напр.: 8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 32, л. 18, 34]. Члены колхоза забирали для домашнего скота колхозное сено [9], а доярка Соловьева и вовсе разместила свою корову в колхозном сарае, где кормила ее в приличном порядке [33]. В 1956 г. правление наложило вето на исполь-

зование колхозных лошадей в рабочее время на личных участках, что не мешало крестьянам нарушать это правило. Впрочем, такое поведение было характерно и для самих руководителей колхоза [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 24, л. 5 об., 25 об.].

Новый курс?

Характеризуя аграрную политику советских лидеров, Р.Г. Пихоя выделял закономерность, согласно которой новое руководство всякий раз начинало с «резкой критики состояния сельского хозяйства и с уверенний, что уж на этот раз все проблемы будут решены, естественно — на путях дальнейшего укрепления колхозно-совхозного строя» [34, с. 168]. Такая ситуация произошла и после отставки Н.С. Хрущева.

На мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС Л.И. Брежнев представил доклад «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» [5]. По итогам пленума было принято постановление с соответствовавшим брежневскому докладу названием, а в течение следующих недель появился еще ряд актов, предусматривавших шаги по улучшению положения дел в колхозах и совхозах СССР [см. подробнее: 41, с. 605—613].

Некоторые изменения претерпела и политика в отношении ЛПХ, итогом предыдущего этапа которой оказалось сокращение потребления продуктов питания всеми категориями населения и значительный рост цен (на 37—58 %) на продукты животноводства [10, с. 98]. В ноябре 1964 г. бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмин РСФСР приняли постановление, отменявшее необоснованные ограничения «норм содержания скота и размеров приусадебных земельных участков колхозного двора» [41, с. 517].

За неделю до мартовского пленума в правдинской районной газете «Верный путь» появилась статья, в которой прежние ограничения были названы «неоправданными», «причинившими материальный ущерб благосостоянию народа». Реализовывались контрмеры, касавшиеся как селян, так и горожан. В контексте работы колхоза, помимо кредитов на приобретение коров (соответствующее постановление Совмин СССР принял в декабре 1964 г.), значимым было обязательное увеличение размеров участков проживавших в сельской местности специалистов и представителей «сельской интеллигенции» (учителей, медработников) до 0,25 га (впрочем, в уставе «Новой жизни» 1961 г. и так была закреплена эта норма [8, ф. Р-1059, оп. 2, д. 40, л. 2]). Также колхозу разрешалось оказывать всяческую помощь в обработке личных участков ответственно трудящимся колхозникам [35].

Эти послабления не означали отказа от постулата о временности ЛПХ и позиционирования общественного производства «как основы благосостояния советских людей» [35]. Этой линии не могло не придерживаться колхозное начальство (по крайней мере в публичном пространстве). Например, глава «Новой жизни» Тимофеев в сентябре 1965 г. объяснял низкий уровень трудовой дисциплины желанием многих колхозников работать на приусадебных участках [8, ф. П-145, оп. 1, д. 6, л. 132], а в апреле следующего года предложил решение этой проблемы в духе

«хрущевского наступления» на ЛПХ — по мнению председателя, «колхозники развели много скота и не хотят работать», поэтому его часть требовалось забрать в колхоз [Там же, д. 7, л. 57]. История не получила развития, но несколько раз на протяжении «застойной эпохи» нарушителей трудовой дисциплины и «околоколхозников» наказывали сокращением площади приусадебного участка или изъятием телят [см., напр.: Там же, ф. Р-1059, оп. 2, д. 53, л. 22 об.].

На протяжении 1970-х гг. ЛПХ все чаще обозначали в качестве резерва для общественного производства, что было подкреплено постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 14 сентября 1977 г., подчеркивающим важность ЛПХ для «производства мяса, молока, яиц, картофеля, овощей, фруктов и иной сельхозпродукции» [29]. Продовольственная программа 1982 г. установила задачу по расширению помощи подсобным хозяйствам [40, с. 15–16].

Это прослеживалось и на микроуровне. ЛПХ приходили на выручку «Новой жизни» для достижения плановых показателей, прежде всего в животноводстве. В 1973 г. у колхоза возникли трудности со сдачей молока государству. Председатель Кураленко увидел выход из положения в существенном увеличении объема закупок молока из личных хозяйств. Член партии Букштан в ответ пообещала «с завтрашнего дня сдавать не 3 кг молока, а 5–6 кг» и предложила «каждому коммунисту сдавать [молоко] (под «сдачей молока» имелась в виду его закупка колхозом у населения. — М. Ф.) самому и убедить своего соседа» [8, ф. П-145, оп. 1, д. 14, л. 8].

Отечественные историки отмечают сложившийся в годы «застоя» парадокс — несмотря на уступки в отношении ЛПХ, колхозники стали отказываться от их ведения [17, с. 108–109; 34, с. 250]. Тенденция была характерна также для Калининградской области [14, с. 32]. Затрагивала она и «Новую жизнь», что продемонстрировало состоявшееся в 1979 г. собрание по вопросу сокращения КРС в ЛПХ — например, в Поречье на 105 домохозяйств приходилось всего 50 коров. Глава Пореченского сельсовета Смирнов поручил разрешить проблему, выделив «лучшие пастбища» для личного скота. Колхозники просили улучшить снабжение ЛПХ комбикормами. В одном из выступлений даже прозвучало столь привычное для предыдущих десятилетий определение «нерадивые», но в отличие от времен Сталина и Хрущева, оратор применил его к колхозникам, не накопившим сена для своих хозяйств. Собрание постановило «резко увеличить скот в личном хозяйстве» [8, ф. П-145, оп. 1, д. 22, л. 21–23].

Во второй половине 1980-х гг. общая направленность политики в отношении ЛПХ не претерпела существенных изменений. В мае 1986 г. появилось постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами», в первую очередь определявшее меры по противоборству хищениям социалистической собственности, взяточничеству и спекуляциям. Помимо этого, Советы министров союзных республик получили задачу «развивать и поощрять продажу населением излишков, произведенных в ЛПХ» и «рассмотреть вопрос о снятии отдельных ограничений количества и видов продуктивных животных в ЛПХ граждан» [32].

На местном уровне (по крайней мере в «Новой жизни») трактовка постановления оказалась противоположной. Глава колхоза Дубонос в июне 1986 г. раскритиковал колхозников, содержавших больше скота, чем разрешалось уставом [8, ф. П-145, оп. 1, д. 35, л. 11 – 12]. «Провинившимся» предписывалось привести свои хозяйства в порядок к началу сентября [Там же, л. 91 – 92].

Местные власти поначалу осторожно принимали новшества перестройки и даже иногда «закручивали гайки». Это иллюстрирует, например, поведенная председателем «Новой жизни» Бакалиным на партсобрании в июле 1988 г. история одного из колхозников, которого годом ранее «раскулачили», вынудив отказаться от «лишней» коровы [Там же, д. 37, л. 107]. Тем не менее углубление перестроечных реформ изменило ситуацию, больше случаев нажима на ЛПХ членов «Новой жизни» зафиксировано не было.

В 1987 г. Совет министров СССР издал постановление «О дополнительных мерах по развитию личных подсобных хозяйств граждан, коллективного садоводства и огородничества», появление которого объяснялось «невниманием к нуждам граждан», следствием чего стало «сокращение поголовья скота, уменьшение производства молока, мяса, овощей, картофеля и другой продукции» [28].

Определение размеров приусадебных участков и норм содержания скота передали в ведение сельских и поселковых Советов народных депутатов, колхозов и совхозов. Колхозники могли получить в аренду на длительный срок дополнительный земельный надел, чтобы реализовывать полученную с него сельхозпродукцию по договорам с хозяйствами и организациями потребительской кооперации [Там же].

«Новая жизнь» в плане реализации этого постановления оказалась в числе передовых хозяйств, за что в июле 1988 г. удостоилась похвалы первого секретаря правдинского райкома Артемьева, отметившего слом «устаревших уложений и инструкций» [8, ф. П-122, оп. 57, д. 3, л. 8].

И все же подсобные хозяйства по-прежнему вели далеко не все колхозники. На собрании в 1989 г. глава Пореченского сельсовета Братчун похвалила подворья колхозников за их продуктивность (по ее оценкам, 25 % животноводческой продукции было получено с ЛПХ), но при этом выразила недовольство тем, что в 62 хозяйствах сельяне не держали личный скот вовсе. Она просила правление заинтересовать людей ведением ЛПХ, в том числе посредством передачи им в аренду «не выбракованных, а нормальных» скота и птицы [2, ф. 28, оп. 1, д. 229, л. 49 об.].

В последние годы перед распадом СССР ситуация в стране складывалась таким образом, что к ведению ЛПХ возвращались люди, прежде отказавшиеся от них, чему способствовали нараставший дефицит и постоянно ухудшавшееся экономическое положение. Последний председатель колхоза Бакалин в интервью, называя жизнь того периода «несладкой», вспоминал, что работали на личном подворье всей семьей — «от мала до велика». Правление «Новой жизни» старалось прибегать к дополнительным мерам поддержки ЛПХ — колхозникам продавали за символическую стоимость поросят, обеспечивали осеменение коров, помогали инвентарем и техникой для обработки участков [12]. Некоторые члены колхоза, занимаясь вспашкой огородов односельчан,

получали дополнительный источник дохода. При этом практиковалось оказание помощи ветеранам, пенсионерам, нетрудоспособным людям, чьи участки старались культивировать безвозмездно [8, ф. П-145, оп. 1, д. 37, л. 141].

Характеризуя послевоенную партийно-государственную политику в отношении ЛПХ колхозников, можно выделить два этапа. Первый из них пришелся на годы «позднего сталинизма» и «хрущевского десятилетия» и выражался в постоянном давлении на подсобные хозяйства, за исключением короткого промежутка от смерти И. В. Сталина до XX съезда КПСС. Колхозное крестьянство отвечало на это попытками обхода вводимых ограничений и использования общественной собственности в личных целях. Политика местных властей (колхозное руководство, сельсовет, районные структуры), в свою очередь, была противоречивой, сопровождалась стремлением одновременно и подстроиться под «генеральную линию», и не навредить колхозникам (в случае правления колхоза — еще и самим себе). Ввиду этого принимаемые «наверху» решения могли реализовываться ими как формально, что не влекло никаких последствий для частных подворий, так и за счет применения даже более жестких мер, чем того требовало то или иное постановление.

После отставки Н. С. Хрущева был задан новый вектор в отношении ЛПХ, которые теперь позиционировали как ценный придаток к общественному сельхозпроизводству. Вместе с тем наблюдалось постепенное снижение роли подсобных хозяйств. Часть членов колхоза перестала обрабатывать приусадебные участки и содержать домашний скот и птицу, что было обусловлено рядом факторов (рост заработных плат, снявший проблему физиологического выживания крестьянской семьи; «старение» села — пожилые люди отказывались от ведения ЛПХ; кормовой дефицит), среди которых не последнее место занимало недоверие к властям — от них в любой момент ожидали нового витка наступления на подсобные хозяйства.

В годы перестройки действиям местных руководителей, вопреки партийно-государственному курсу, по-прежнему была присуща двойственность — декларируя необходимость развития ЛПХ (и принимая некоторые меры для этого), они одновременно стремились не допустить их чрезмерного раздувания, периодически прибегая к административному нажиму. Эта настороженность была разрушена уже на закате советской эпохи радикальными перестроечными реформами. В это же время в условиях тяжелого экономического кризиса вновь возросла значимость подсобных хозяйств, ставших настоящей подмогой для сельских жителей.

Список источников и литературы

1. Андреевков С. Н. «Либерально-реформаторское направление» в аграрной политике Советского государства в середине 1950-х — начале 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 4. С. 69 — 78.

2. Архивный отдел администрации муниципального образования «Правдинский городской округ».

3. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930—1980-х годов. М., 2014.
4. Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950—1965 гг. М. ; Вологда, 1991.
5. Брежнев Л. И. О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР : доклад на пленуме ЦК КПСС 24 марта 1965 г. М., 1965.
6. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992.
7. Гордеев И. А. Политика Советского государства в послевоенной деревне и развитие личных подсобных хозяйств крестьян // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии : материалы Всерос. конф. Вологда, 1995. С. 222—223.
8. Государственный архив Калининградской области.
9. Григорьев Ф. Подкормка необходима // Колхозная правда. 1960. 30 сент.
10. Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е годы. М., 1996.
11. Зеленин И. Е. И. В. Сталин и личное подсобное хозяйство крестьянина-колхозника: теория, политика, практика // Документ. Архив. История. Современность. 2003. № 3. С. 148—161.
12. Интервью Владимира Александровича Бакалина, бывшего председателя колхоза «Новая жизнь». Запись 15.03.2023 г. Архив автора.
13. История колхозного права : сб. законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. М., 1958. Том 2.
14. История сельского хозяйства Калининградской области. Калининград, 2006.
15. Ковалев В. Почему в колхозе «Большевик» медленно вывозятся удобрения? // Колхозная правда. 1950. 29 янв.
16. Колосов М. Конюхи занимаются не своим делом // Колхозная правда. 1952. 13 июня.
17. Коньшев Д. Н. Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) // Российская история. 2011. № 3. С. 102—111.
18. Костяшов Ю. В. Личные подсобные хозяйства: из истории повседневности калининградских переселенческих колхозов (1946—1953 годы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 12. С. 70—77.
19. Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946—1953 гг. М., 2015.
20. Кузин И. Усилить темпы заготовок // Колхозная правда. 1956. 24 февр.
21. Маленков Г. М. Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР. М., 1953.
22. Мамяченков В. Н., Мотревич В. П. Производство продукции животноводства в Свердловской области в «славное десятилетие»: испытание реформами // История и современное мировоззрение. 2023. № 1. С. 54—61.
23. Маслов В. Н., Баранова Е. В., Лопатин М. М. «Нам удалось перевезти мебель и даже корову, овец и коз»: личное имущество сельских переселенцев, приехавших в Калининградскую область в 1946 г. // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 3 (27). С. 34—62.
24. Михайлов М. Разговоров много, а дела нет // Колхозная правда. 1955. 21 дек.
25. Непрядов И. С производства в колхозы // Колхозная правда. 1956. 24 февр.

26. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М., 1995.

27. Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих : постановление Совета министров СССР и ЦК КПСС от 4 июля 1957 г. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/DC2LEf0BNfYlhabIDR-9G> (дата обращения: 28.09.2024).

28. О дополнительных мерах по развитию личных подсобных хозяйств граждан, коллективного садоводства и огородничества : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 19 сентября 1987 г. URL: https://e-ecolog.ru/docs/xmOnmHcS5lFbSe_mhHzEn (дата обращения: 28.09.2024).

29. О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 14 сентября 1977 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9425.htm (дата обращения: 28.09.2024).

30. О мерах борьбы с расхождением из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту : постановление Совета министров СССР от 27 августа 1956 г. URL: https://e-ecolog.ru/docs/_YUfP7Ejmwrm0uX7eYxdw (дата обращения: 28.09.2024).

31. О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах : постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. URL: https://e-ecolog.ru/docs/j3v2sjm9BD4bq6AO_F7s6 (дата обращения: 28.09.2024).

32. О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами : постановление ЦК КПСС от 15 мая 1986 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765706605> (дата обращения: 28.09.2024).

33. Павлов В. Так поступать нельзя // Колхозная правда. 1958. 17 янв.

34. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск, 2000.

35. Подсобное хозяйство, его размеры // Верный путь. 1965. 17 марта.

36. Полх П. П. Организация заготовок сельхозпродуктов в послевоенные годы на районном уровне (на материалах Калининградского сельского района Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. №4. С. 80—92.

37. Попов В. П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946—1953). М., 2002.

38. Попов В. П. Сталинские экономические «чудо» после войны (1946—1953) // Россия в XX веке. Реформы и революции. М., 2002. Т. 2. С. 264—292.

39. Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/JtCVuzKC-riuaPBQiUwf3> (дата обращения: 28.09.2024).

40. Продовольственная программа СССР на период до 1990 г. и меры по ее реализации. Материалы майского пленума ЦК КПСС 1982 г. М., 1982.

41. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1962—1965 гг.) : сб. документов за 50 лет. М., 1968. Т. 5.

42. Суворов П. Срываю план хлебозаготовок // Колхозная правда. 1950. 15 сент.

43. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. URL: <https://www.dokipedia.ru/document/5160945> (дата обращения: 28.09.2024).

44. Филёв М. В. Как реформы Маленкова и Хрущева изменили жизнь колхоза «Большевик»: опыт микроисторического исследования // Крестьяноведение. 2022. Т. 7, №2. С. 68–92.

45. Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время, 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей : дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2017.

46. Хрущёв Н. С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Доклад на пленуме ЦК КПСС 1953 г. М., 1953.

Об авторе

76

Максим Викторович Филёв — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-4217-6197

E-mail: tsvachim03@mail.ru

M. V. Filev

THE POLICY OF THE STATE AND THE COMMUNIST PARTY IN RELATION TO THE PERSONAL HOUSE FARMING IN 1946–1991 (the case of the collective farm «Novaya zhizn», Pravdinsky district, Kaliningrad Oblast)

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 30 September 2024

Accepted 03 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-7

To cite this article: Filev M. V., 2025, The policy of the state and the Communist Party in relation to the personal house farming in 1946–1991 (the case of the collective farm «Novaya Zhizn», Pravdinsky district, Kaliningrad Oblast), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 63–77. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-7.

Based on unpublished archival materials and employing a microhistorical approach, this article examines postwar party and state policies toward the personal house farming (PHFs) of collective farmers, using the agricultural enterprise Novaya Zhizn in Pravdinsky District of Kaliningrad Oblast as a case study. The aim is to identify the specific features of policy implementation at the level of an individual collective farm and to analyze the attitudes of the collective farmers themselves toward this policy. The article presents an analysis of party and government decrees concerning personal farms, as well as the forms in which these policies were implemented by district and kolkhoz leadership. It explores the changing significance of PHFs for collective farmers from 1946 to 1991. The study concludes that over the course of the period in question, the Soviet leadership's position on PHFs underwent a transformation: while the late Stalinist era and Khrushchev's Thaw were marked by a nearly continuous offensive against subsidiary farming, from the Brezhnev era onward, such farms came to be viewed as

“allies” of collective production, with certain measures introduced to support them. Nevertheless, a significant proportion of collective farmers abandoned their PHFs, driven in part by the perceived possibility of a renewed repressive policy.

Keywords: agriculture, collective farm, personal house farming, Kaliningrad Oblast, microhistory

The author

Dr. Maksim V. Filev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-4217-6197

E-mail: tsvachim03@mail.ru

УДК 329.15(470+571)

Г. А. Майоров

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОГРАММНЫХ УСТАНОВОК
КПРФ И ПАРТИИ «КОММУНИСТЫ РОССИИ»
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИДЕЙНЫХ РАСХОЖДЕНИЙ**

78

Государственный университет управления, Москва, Россия

Поступила в редакцию 18.02.2025 г.

Принята к публикации 10.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-8

Для цитирования: Майоров Г. А. Сравнительный анализ программных установок КПРФ и партии «Коммунисты России» с точки зрения идейных расхождений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №1. С. 78—90. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-8.

Представлен сравнительный анализ программных документов двух коммунистических партий современной России — КПРФ и «Коммунисты России». Исследование направлено на выявление принципиальных идеологических различий между этими политическими субъектами в понимании ими теоретических основ и практических задач коммунистического движения на современном этапе. Методологическую основу исследования составил сравнительный анализ программных документов обеих партий с применением проблемно-хронологического, системного и структурно-функционального подходов. Показано наличие существенных расхождений между КПРФ и партией «Коммунисты России» в трактовке исторического опыта социализма в СССР, причин кризиса и распада Советского государства, характера современного российского общества, движущих сил, методов и этапов социалистических преобразований. Установлено, что если КПРФ тяготеет к более умеренной и постепенной стратегии социалистических преобразований в рамках многоукладной экономики и парламентской демократии, то «Коммунисты России» последовательно отстаивают радикальный курс на пролетарскую революцию и установление диктатуры пролетариата. Сделан вывод о наличии объективных идейно-теоретических и политических расхождений в коммунистическом движении России, отражающих реальную дифференциацию коммунистических сил при явном доминировании КПРФ как ведущей левой партии.

Ключевые слова: коммунистическое движение, Коммунистическая партия Российской Федерации, партия «Коммунисты России», идеология, политическая стратегия, политическая конкуренция, электоральный процесс

Введение

Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), бесспорно, представляет собой наиболее влиятельную и электорально успешную силу на левом фланге отечественного политического спектра. Аккумулировав в своих рядах значительную часть бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры КПСС и сумев привлечь на свою сторону немалый протестный электорат, недовольный результатами либерально-рыночных реформ, КПРФ стабильно демонстрирует в определенной мере высокие результаты на федеральных и региональных выборах, обеспечивая своим представителям позиции в законодательных и исполнительных органах власти различного уровня.

Вместе с тем КПРФ отнюдь не обладает монопольным правом на артикуляцию коммунистической идеологии и не является единственным субъектом, претендующим на роль выразителя интересов трудящихся масс в постсоветский период [5]. На протяжении трех последних десятилетий российское политическое пространство стало ареной активного позиционирования различных коммунистических объединений и движений, стремящихся оспорить идейно-политическую гегемонию КПРФ и предложить альтернативные стратегии социалистического развития страны [11]. Достаточно упомянуть такие партии и организации, как Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), Российская партия коммунистов (РПК), «Трудовая Россия», Объединенная коммунистическая партия (ОКП), Союз коммунистов и другие, которые в разное время претендовали на роль самостоятельных акторов коммунистического движения [9; 12]. При всех идеологических и программных различиях эти силы были едины в стремлении оспорить доминирующее положение КПРФ, критически переосмыслить ее стратегию и тактику, предложить собственное видение теории и практики современного коммунизма.

Одним из наиболее заметных примеров подобного альтернативного позиционирования стало создание в 2009 г. партии «Коммунисты России», изначально заявившей о своей принципиальной оппозиционности как официальному политическому курсу, так и линии КПРФ как ведущей левой партии [6]. В отличие от ряда других постсоветских компартий, в той или иной степени склонных к ситуативному взаимодействию с КПРФ по отдельным вопросам [16, с. 62–63], «Коммунисты России» последовательно отстаивают свою самостоятельность, остро полемизируют с руководством КПРФ и подвергают резкой критике различные аспекты ее деятельности. Тем самым «Коммунисты России» недвусмысленно претендуют на роль коммунистической альтернативы КПРФ, позиционируя себя в качестве более ортодоксальной и последовательной марксистско-ленинской силы.

Разумеется, по своему политическому влиянию и электоральным возможностям «Коммунисты России» несопоставимы с КПРФ, располагающей значительным думским представительством, разветвленными региональными структурами и ресурсной базой. Вместе с тем само наличие подобной альтернативной компартии, готовой оспаривать гегемонию КПРФ и полемизировать с ее лидерами по принципиальным полити-

ко-идеологическим вопросам, представляет несомненный научный и политический интерес. Оно убедительно свидетельствует как о неоднородности постсоветского коммунистического движения, так и о сохраняющемся идейном многообразии в рамках современного российского левого дискурса. В этом контексте сопоставительный анализ программных установок, стратегических ориентаций и тактических подходов КПРФ и партии «Коммунисты России» представляется весьма актуальной исследовательской задачей. Подобный анализ позволяет не только выявить точки политико-идеологических расхождений между двумя компартиями, но и дает ценный материал для более глубокого осмысления современного состояния, проблем и перспектив коммунистического движения на постсоветском пространстве. При этом речь идет отнюдь не только о сугубо научной, но и о политико-практической значимости заявленной проблематики, непосредственно связанной с проявлением идейного ландшафта российского левого фланга и определением потенциальных векторов его дальнейшей эволюции.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования использовались Программа Коммунистической партии Российской Федерации и Программа политической партии «Коммунистическая партия Коммунисты России» [14; 15]. Основной метод исследования — сравнительный анализ данных программных документов, предполагающий выявление ключевых сходств и различий в идейно-теоретических основаниях, политических целях, стратегии и тактике двух ведущих коммунистических партий современной России. При этом особое внимание уделялось различиям в трактовке исторического опыта социалистического строительства в СССР, причин кризиса и распада Советского государства, оценке характера современного российского общества и государства, а также видению процесса социалистических преобразований и коммунистической перспективы. Результаты исследования были систематизированы и обобщены с применением проблемно-хронологического, системного и структурно-функционального подходов.

Результаты и обсуждение

Программные документы КПРФ и партии «Коммунисты России» представляют собой уникальный материал для всестороннего компаративного анализа идейных оснований, стратегических целей и тактических установок двух ведущих акторов современного российского коммунистического движения. Несмотря на общность идеологической платформы и апелляцию к марксистско-ленинскому теоретическому наследию, между программами этих партий прослеживаются существенные концептуальные и практико-политические расхождения, что позволяет говорить о дифференциации идейного пространства отечественного коммунизма и вариативности его партийно-организационных проявлений.

Прежде всего обращает на себя внимание разница в понимании исторической преемственности партий по отношению к предшествующим этапам коммунистического движения, что в целом является свойственной для коммунистических течений идейной проблемой [13]. Если КПРФ возводит свою генеалогию к РСДРП – РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС – КП РСФСР, рассматривая себя в качестве их правопреемницы, то «Коммунисты России» в большей степени апеллируют к идейному наследию большевизма и непосредственно соотносят свою программу с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и И.В. Сталина. Тем самым, если КПРФ встраивает себя в контекст всей истории отечественной социал-демократии и коммунистического движения, то «Коммунисты России» делают акцент на революционно-большевистской традиции, противопоставляя ее оппортунистическим и ревизионистским тенденциям в коммунизме.

Данные различия в понимании исторической преемственности находят закономерное отражение в трактовке причин кризиса и распада СССР. КПРФ усматривает главные причины краха советского социализма в перерождении и предательстве высшего партийного руководства, попустительстве антисоциалистическим силам и неспособности КПСС адекватно ответить на внутренние и внешние вызовы. В свою очередь, «Коммунисты России» трактуют крушение СССР как результат отхода КПСС от принципов марксизма-ленинизма, подмены диктатуры пролетариата диктатурой партноменклатуры, отказа от теоретической разработки проблем коммунистического строительства. Таким образом, если КПРФ видит основную проблему в субъективных факторах, связанных с конкретными политическими фигурами и решениями, то «Коммунисты России» усматривают корни поражения в ревизии ключевых положений марксистско-ленинской теории, отступлении от большевистских принципов партийного строительства.

Впрочем, обе партии едины в негативной оценке политики «перестройки» и характеристике ее как сознательного курса на демонтаж социалистического строя, приведшего к реставрации капитализма в России. При этом КПРФ делает акцент на разрушительных социально-экономических последствиях рыночных реформ и утрате страной экономического и политического суверенитета, тогда как «Коммунисты России» рассматривают сложившийся в постсоветской России общественный строй как диктатуру транснационального капитала и компрадорской буржуазии, требующую революционного свержения. Характерно, что если КПРФ ведет речь о «национальной катастрофе» и необходимости спасения российской государственности, то «Коммунисты России» однозначно квалифицируют постсоветский режим как буржуазный и ставят задачу его замены диктатурой пролетариата.

Принципиальные расхождения между партиями прослеживаются и в понимании роли коммунистической идеологии на современном этапе. Признавая безусловную идейную преемственность по отношению к марксизму-ленинизму, КПРФ в то же время подчеркивает необходимость его творческого развития «на основе анализа общественно-политической практики, опыта и достижений отечественной и мировой науки и культуры». Напротив, «Коммунисты России» последовательно

отстаивают незыблемость марксизма-ленинизма, видя свою задачу в пропаганде и теоретической разработке идейного наследия классиков в соответствии с реалиями XXI века. Тем самым, если КПРФ предполагает известную адаптацию коммунистической идеологии к актуальному политическому и социокультурному контексту, то «Коммунисты России» настаивают на принципиальной неизменности ее базовых положений, лишь конкретизируемых применительно к новым условиям.

Данные идейно-теоретические расхождения находят отражение и в понимании характера предстоящих социалистических преобразований, а также в определении движущих сил и методов политической борьбы. КПРФ выделяет три основных этапа мирного перехода к социализму, предполагающих последовательное установление демократической власти трудящихся во главе с КПРФ, обеспечение их максимально широкого участия в управлении государством и окончательное формирование социалистических общественных отношений. При этом особый акцент делается на необходимости соединения социально-классовой и национально-освободительной борьбы в рамках единого народного фронта с целью воссоздания обновленного Союза братских народов.

В свою очередь, «Коммунисты России» трактуют предстоящий процесс социалистических преобразований как пролетарскую революцию, итогом которой должно стать установление диктатуры пролетариата и коренная ломка буржуазной политико-экономической системы. Соответственно, если КПРФ делает ставку на использование парламентских и внепарламентских методов давления на власть для достижения поставленных целей, то «Коммунисты России» ориентируются на организацию массовых протестных акций при необходимости с перспективой революционного взятия власти трудящимися под руководством компартии: «Партия выступает за ее мирные формы в условиях XXI века, но проявит необходимую решительность в достижении своей цели».

Обозначенные расхождения в понимании характера и методов борьбы за социализм закономерно проявляются и в программных требованиях партий, выдвигаемых на начальном этапе социалистических преобразований. Для наглядности сопоставим основные положения программ-минимум КПРФ и «Коммунистов России» (табл. 1).

Таблица 1

Ближайшие политические цели КПРФ и партии «Коммунисты России»

Программа-минимум КПРФ	Первоочередные задачи «Коммунистов России»
Установление власти трудящихся, народно-патриотических сил	Отстранение от власти олигархического капитала и коррумпированного чиновничества
Национализация природных богатств и стратегических отраслей экономики; вывод финансовых резервов из-за рубежа	Национализация добывающей промышленности, энергетики, транспорта, ВПК, банковской системы, внешней торговли

Программа-минимум КПРФ	Первоочередные задачи «Коммунистов России»
Ликвидация тотальных фальсификаций на выборах; формирование независимой судебной системы	Обеспечение подлинного народовластия через передачу всей полноты власти Советам как органам самоуправления трудящихся
Введение госконтроля над ценами; борьба с бедностью; прогрессивный подоходный налог	Заморозка цен на основные товары; радикальное улучшение качества жизни беднейших слоев; закон «О сверхдоходах»
Восстановление социальных гарантий в здравоохранении, образовании, жилищной сфере	Полное восстановление всех социальных гарантий; бесплатное образование, медицина, жилье; охрана детства
Укрепление обороноспособности страны; недопустимость использования армии против народа; сдерживание экспансивного продвижения НАТО	Отказ от части международных договоров; бескомпромиссное отстаивание национальных интересов; ликвидация блока НАТО; повышение роли ООН
Поддержка науки, наукоемкого производства и сельского хозяйства; развитие малого и среднего бизнеса	Приоритет научным исследованиям и изобретениям; ликвидация частной собственности в базовых отраслях экономики
Защита русской культуры и национальных культур народов России; пресечение русофобии и очернения истории	Защита достижений национальных культур народов России; противодействие фальсификации истории СССР
Проведение внешней политики на принципах уважения народов; содействие восстановлению Союзного государства	Укрепление связей с компартиями республик бывшего СССР; создание Союзного государства социалистической ориентации

Источник: составлено на основе [14; 15].

Как видно из таблицы, при известной общности ряда программных положений (национализация базовых отраслей, восстановление социальных гарантий, противодействие фальсификациям истории), требования КПРФ носят более умеренный характер и предполагают постепенное расширение государственного регулирования экономики и социальной сферы в рамках многоукладного хозяйства. Напротив, «Коммунисты России» выдвигают радикальные лозунги немедленной ликвидации крупной частной собственности, полного восстановления социальных завоеваний советской эпохи, бескомпромиссного отстаивания национальных интересов на международной арене. Если КПРФ склонна рассматривать начальный этап социалистических преобразований как переходный период с сохранением элементов рыночной экономики при усилении госрегулирования, то «Коммунисты России» трактуют его как установление полновластия Советов и непосредственный переход к социалистическим формам собственности и управления.

Обозначенные различия в понимании характера и методов социалистического строительства закономерно проявляются и в представлениях партий о конечных целях коммунистического движения. При всей приверженности идее построения коммунистического общества КПРФ делает акцент на необходимости перехода от прежних, несовершенных форм социализма к «обновленному социализму XXI века», тогда как конечная цель коммунизма выступает скорее как абстрактный идеал отдаленного будущего [3]. В свою очередь, «Коммунисты России» рассматривают современный социализм лишь как первую ступень коммунистического общества, за которой должен последовать длительный период непрерывного совершенствования социалистических моделей с перспективой конечного торжества коммунистических принципов в планетарном масштабе.

Характерно, что указанные расхождения в понимании конечных целей и методов коммунистического строительства находят отражение и в трактовке задач международного коммунистического движения. КПРФ подчеркивает необходимость координации действий и укрепления связей между компартиями на основе общности классовых интересов и политических целей. При этом особое значение придается сотрудничеству в рамках СКП-КПСС с перспективой воссоздания единого Союзного государства и образования на этой базе единой Коммунистической партии. В то же время «Коммунисты России», солидаризируясь с антиимпериалистической борьбой коммунистических и национально-освободительных движений во всем мире, делают акцент на укреплении связей с компартиями республик бывшего СССР с целью создания Союзного государства социалистической ориентации, выступая при этом за создание новой всемирной коммунистической организации.

Систематизируем основные результаты сопоставительного анализа программных документов КПРФ и партии «Коммунисты России» (табл. 2).

Таблица 2

**Сравнительный анализ идеологических позиций КПРФ
и партии «Коммунисты России»**

Параметры сравнения	КПРФ	Коммунисты России
Идейно-теоретические основы	Творческое развитие марксизма-ленинизма с учетом современных реалий	Незыблемость марксизма-ленинизма; опора на труды классиков
Трактовка причин распада СССР	Перерождение руководства КПСС; ошибки и непоследовательность политики	Отказ КПСС от принципов марксизма-ленинизма и диктатуры пролетариата
Оценка постсоветской России	Реставрация капитализма; национальная катастрофа; утрата суверенитета	Диктатура транснационального капитала и компрадорской буржуазии

Параметры сравнения	КПРФ	Коммунисты России
Характер социалистических преобразований	Три этапа мирного перехода к социализму через демократизацию общества	Пролетарская революция; установление диктатуры пролетариата
Методы политической борьбы	Использование парламентских и внепарламентских форм давления на власть	Организация массовых протестных акций; революционный захват власти
Программа-минимум	Национализация базовых отраслей; расширение госрегулирования в рамках многоукладной экономики	Немедленная ликвидация крупной частной собственности; полное восстановление социальных гарантий
Конечная цель	Построение обновленного социализма XXI века; коммунизм как абстрактный идеал	Построение коммунизма как результат длительного совершенствования социалистических моделей
Задачи международного движения	Координация действий компартий; укрепление СКП-КПСС; воссоздание единой компартии	Солидарность с коммунистическими и национально-освободительными движениями; создание всемирной компартии

Источник: составлено на основе [14; 15].

Представляется, что указанные программные расхождения двух ведущих компартий современной России объективно отражают реально существующую дифференциацию в идейном пространстве отечественного коммунистического движения, наличие в его рамках как умеренного, так и радикального фланга. Однако идейно-теоретические и практико-политические расхождения между анализируемыми организациями носят не только концептуальный, но и функциональный характер. Если КПРФ позиционирует себя в качестве ведущей оппозиционной силы, претендующей на политическую гегемонию в левом спектре и реальное влияние на государственную политику, то «Коммунисты России» делают ставку преимущественно на критику и дискредитацию своего главного конкурента, стремясь утвердиться в роли «настоящих» и «последовательных» коммунистов. Но при ближайшем рассмотрении данная критика, представленная в систематизированном виде на официальном сайте партии «Коммунисты России», оказывается либо не вполне обоснованной, либо не столь существенной с точки зрения реализации коммунистического проекта.

Так, КР упрекают КПРФ в связях ее руководства с бизнес-структурами и наличии депутатов-миллионеров, противопоставляя этому «принцип коллективного руководства» и отсутствие миллионеров среди собственных депутатов. Однако, как показывает опыт многих коммунистических партий, само по себе социальное происхождение и имущественное положение партийных функционеров не может служить решающим критерием их политической состоятельности и идейной

принципиальности. Куда более важным представляется вопрос о том, насколько эффективно партия отстаивает коренные интересы трудящихся, добивается реализации своей программы, противостоит давлению буржуазии и ее политических представителей. Аналогичным образом, критикуя КПрФ за получение государственного финансирования и поддержку «вмешательства церкви в образование и культуру», партия КР по сути дела апеллирует к абстрактному идеалу «чистоты» коммунистической идеологии, игнорируя реальный политический и социокультурный контекст деятельности компартий. Между тем, использование легальных возможностей для укрепления материальной базы партии и учет специфики общественных настроений (в том числе религиозных) являются необходимыми условиями эффективной политической работы, направленной на завоевание поддержки широких масс трудящихся. Догматический же подход, абсолютизирующий отдельные идеологические постулаты в отрыве от конкретной обстановки, как раз и грозит превращением партии в группу «правовверных», оторванную от реальной политической жизни.

Не вполне корректной представляется и критика КР в адрес КПрФ по вопросу партийного лидерства. Ссылки на «культ личности Зюганова» и длительность пребывания его на посту председателя ЦК КПрФ не учитывают реальную расстановку сил внутри партии, наличие работающих механизмов внутрипартийной демократии и коллективного принятия решений. При этом КР, позиционируя себя как «ленинскую партию» в противовес «зюгановской», фактически обходят вопрос о том, насколько методы их собственного партийного строительства соответствуют ленинским принципам демократического централизма.

Пожалуй, наиболее серьезной и заслуживающей внимания является критика КР в отношении практических результатов деятельности КПрФ, ее неспособности за годы пребывания в парламенте добиться «восстановления СССР» и «возвращения социалистического строя». Действительно, электоральные успехи КПрФ в 1990-е гг. не привели к кардинальному изменению социально-экономического и политического курса страны, что ставит вопрос об эффективности парламентской стратегии партии и ее реальном влиянии на принятие государственных решений.

В целом представленная КР критика КПрФ при наличии отдельных рациональных положений отличается тенденциозностью и декларативностью, подменой содержательного анализа обвинительной составляющей и навешиванием «идеологических ярлыков», что, как подчеркивается в научной литературе, направлено скорее на «дискредитацию или очернение» политического субъекта/объекта, нежели на его конструктивную критику [4, с. 23]. Представляется, что партия КР не предлагает развернутой альтернативы стратегической линии КПрФ, ограничиваясь абстрактными лозунгами «подлинного коммунизма» и апелляцией к «ленинским нормам» без их привязки к актуальным политическим реалиям. Тем самым программная и практическая деятельность КР в значительной мере выстраивается не столько как критика самостоятельного коммунистического проекта, сколько как оппонирование КПрФ, которое носит вторичный и реактивный характер.

Это подтверждается и результатами электоральных кампаний последних лет, в ходе которых КПРФ неизменно получала поддержку значительной части избирателей, фактически монополизировав нишу левой оппозиции в политическом спектре страны. Напротив, «Коммунисты России», несмотря на всю радикальность программных лозунгов, не сумели заручиться сколько-нибудь существенной поддержкой населения и преодолеть статус маргинальной партии, не оказывающей реального влияния на политический процесс. Достаточно сравнить итоги голосования за КПРФ и КР на парламентских выборах (рис.).

Рис. Результаты партий (КПРФ и «Коммунисты России») на выборах в Государственную Думу РФ

Источник: [1].

Очевидно, что на фоне стабильно высоких показателей КПРФ, получающей поддержку от 13 до 19 % избирателей, КР остаются глубоко периферийным явлением, не сумевшим преодолеть даже пятипроцентный барьер для прохождения в Госдуму. Все это подтверждает как несоизмеримость политического веса и влияния двух компартий, так и слабость реальной альтернативы, предлагаемой КР. Сегодня в научной литературе ее участие в думских выборах рассматривается через призму «политических спойлеров» [7]. По замечанию Ю.Г. Коргунюка, посвященному думским выборам 2021 г., «возможно, «Коммунистам России» удастся отщипнуть кусок у КПРФ, но она вряд ли сможет претендовать на большее» [8, с. 80].

При этом мы далеки от того, чтобы идеализировать КПРФ и рассматривать ее курс как оптимальное выражение коммунистической политики в современных условиях. Многие из противоречий и слабых мест в позиции КПРФ, на которые указывают ее оппоненты из КР, действительно имеют под собой основания и требуют критического анализа. В частности, это касается идейной размытости программных установок КПРФ,

ее склонности к политическому маневрированию и компромиссам [17], не всегда последовательного отстаивания интересов трудящихся, проблем партийного лидерства [2], несоответствия программных установок актуальным реалиям [10]. Однако подобная критика способна стать действенным фактором обновления коммунистического движения только будучи нацеленной не на фракционную борьбу, а на совместный коллективный поиск оптимальной стратегии и тактики борьбы, на сплочение всех сторонников социализма в единый антикапиталистический фронт.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать, что, несмотря на принадлежность к коммунистической идеологии и апелляцию к марксистско-ленинскому теоретическому наследию, КПРФ и партия «Коммунисты России» демонстрируют существенные расхождения в понимании основных параметров коммунистического проекта — от оценки причин краха советского социализма до видения методов и перспектив построения будущего коммунистического общества. Если КПРФ тяготеет к более умеренной и постепенной стратегии социалистических преобразований в рамках многоукладной экономики и парламентской демократии, то «Коммунисты России» последовательно отстаивают радикальный курс на пролетарскую революцию, установление диктатуры пролетариата и полное обобществление средств производства как необходимую предпосылку коммунистического строительства. В этом контексте, думается, главной задачей российских коммунистов сегодня должна стать не борьба амбиций отдельных партийных образований, а поиск путей консолидации их усилий в интересах трудящихся, восстановление политического влияния и авторитета коммунистического движения в массах. Это предполагает, с одной стороны, принципиальный курс на идейное и организационное сплочение коммунистических сил, координацию их усилий, выработку единой стратегической линии, а с другой — широкий политический диалог и взаимодействие с другими левыми партиями и движениями как социалистической, так и более широкой — народно-патриотической — направленности. Разумеется, такая линия на объединение предполагает ясное видение существующих идейных и политических расхождений, недопустимость принципиальных уступок оппортунизму и соглашательству. Однако она исключает и навешивание ярлыков, противопоставление «своих» и «чужих» в левом движении.

Список литературы

1. *Архив избирательных кампаний* // ЦИК. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/ (дата обращения: 30.12.2024).
2. Бегмалиев А. О. Проблема обновления партийного лидерства (на примере КПРФ) // *Аллея науки*. 2021. Т. 2, № 12 (63). С. 493 — 496.

3. Бобков В.Н. О причинах капиталистической реставрации социализма в СССР и чертах ноосферного социализма // Общество. Среда. Развитие. 2024. №1 (70). С. 141 – 148. doi: 10.53115/19975996_2024_01_141_148.

4. Ермакова А.В. Новые политические ярлыки в сетевом дискурсе идеологического противоборства // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. 2023. №14 (23). С. 22 – 27.

5. Касимов Т.С. Современные марксистские концепции будущего государства в России // Власть. 2012. №8. С. 69 – 72.

6. Коргунок Ю.Г. Коммунистическая партия «Коммунисты России». URL: <https://bigenc.ru/c/kommunisticheskaia-partiia-kommunisty-rossii-dcb914> (дата обращения: 27.12.2024).

7. Коргунок Ю.Г., Росс К. Политические предпочтения молодых избирателей в современной России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2023. №2 (109). С. 77 – 112. doi: 10.30570/2078-5089-2023-109-2-77-112.

8. Коргунок Ю.Г. Партийная система России накануне думских выборов 2021 года // X Юбилейный Южно-российский политологический конвент «Политическая власть в условиях социальной турбулентности: региональные и глобальные аспекты» : матер. Всерос. онлайн-конф. с междунар. участием, Ростов-на-Дону, 27 – 31 октября 2020 года / отв. ред. Р.А. Пупыкин, К.П. Пилюгина. Ростов н/Д, 2020. С. 78 – 82.

9. Коргунок Ю.Г. Российская коммунистическая рабочая партия. URL: <https://bigenc.ru/c/rossiiskaia-kommunisticheskaia-rabochaia-partiia-ea3e27> (дата обращения: 27.12.2024).

10. Кутина Н.А., Пикулева Ю.Б. Выборы президента России: речевая действительность в контексте текущего времени // Политическая лингвистика. 2024. №3 (105). С. 65 – 76.

11. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в России 2008 – 2022: История заката. М., 2024.

12. Малугин С. Коммунистическая оппозиция в России (1991 – 2006 гг.) – трансформация целей и средств // Власть. 2006. №10. С. 25 – 30.

13. Николенко К.Д. КПСС и КПРФ: проблема преемственности в организационно-партийном аспекте // Вестник Пермского университета. Политология. 2014. №3 (27). С. 49 – 64.

14. Программа партии // Официальный сайт КПРФ. URL: <https://rkpf.ru/c/programma-rkpf-kpss/> (дата обращения: 27.12.2024).

15. Программа ПП КР // Официальный сайт «Коммунисты России». URL: <https://komros.info/about/programma/> (дата обращения: 27.12.2024).

16. Холмская М.Р. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции : инф.-аналит. обзор. М., 1998.

17. Шефер А.А. Идеологическая трансформация российских коммунистов в постсоветский период (на материале КПРФ) // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, №11-1 (99). С. 5734 – 5740. doi: 10.35775/PSI.2023.99-1.11-1.012.

Об авторе

Георгий Александрович Майоров – канд. экон. наук, доц. кафедры социологии, психологии управления и истории, Государственный университет управления, Москва, Россия.

E-mail: maiorov.7575@mail.ru

G. A. Mayorov

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROGRAM GUIDELINES
OF THE COMMUNIST PARTY OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE PARTY "COMMUNISTS OF RUSSIA"
IN TERMS OF IDEOLOGICAL DIFFERENCES

State University of Management, Moscow, Russia

Received 18 February 2025

Accepted 10 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-8

90

To cite this article: Mayorov G. A., 2025, Comparative analysis of the program guidelines of the Communist Party of the Russian Federation and the Party "Communists of Russia" in terms of ideological differences, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 78–90. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-8.

The article presents a comparative analysis of the policy documents of two contemporary communist parties in Russia – the Communist Party of the Russian Federation (CPRF) and the Communists of Russia. The study aims to identify the fundamental ideological differences between these political actors in their understanding of the theoretical foundations and practical tasks of the communist movement at the present stage. The methodological basis of the research consists of a comparative analysis of the parties' programs, employing problem-chronological, systemic, and structural-functional approaches. The analysis reveals significant divergences between the CPRF and the Communists of Russia in their interpretations of the historical experience of socialism in the USSR, the causes of the crisis and collapse of the Soviet state, the nature of contemporary Russian society, as well as the driving forces, methods, and stages of socialist transformation. It is established that while the CPRF leans toward a more moderate and gradual strategy of socialist transformation within the framework of a mixed economy and parliamentary democracy, the Communists of Russia consistently advocate for a radical course based on proletarian revolution and the establishment of the dictatorship of the proletariat. The study concludes that there exist objective ideological, theoretical, and political differences within the Russian communist movement, reflecting a real differentiation among communist forces, despite the clear dominance of the CPRF as the leading left-wing party.

Keywords: communist movement, Communist Party of the Russian Federation, party "Communists of Russia", ideology, political strategy, political competition, electoral process

The author

Dr. George A. Mayorov, Associate Prof., Department of Sociology, Psychology of Management and History, State University of Management, Moscow, Russia.

E-mail: maiorov.7575@mail.ru

В. Андерс

СОВРЕМЕННАЯ САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕС:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ОСНОВНЫХ РЕГУЛИРУЮЩИХ ДОКУМЕНТОВ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 05.02.2025 г.

Принята к публикации 10.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-9

91

Для цитирования: Андерс В. Современная санкционная политика ЕС: политико-правовой анализ основных регулирующих документов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №1. С. 91 – 102. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-9.

Ограничительные меры (санкции) в отношении третьих стран являются на сегодняшний день одним из важнейших инструментов внешней политики Европейского союза. Посредством введения санкций ЕС реагирует на глобальные вызовы и события, которые противоречат политическим и гуманитарным целям и ценностям союза, пытаясь таким образом содействовать миру, демократии, уважению международного права и прав человека, а также урегулированию текущих и предотвращению возникающих на международной арене конфликтов и кризисов. Представлены результаты политико-правового анализа ключевых регулятивных документов, составляющих нормативную основу современной санкционной политики ЕС. Цель статьи состоит в выявлении основных правовых, политических и ценностных характеристик и особенностей регулирующего применение собственных санкционных мер инструментария Евросоюза. Отслежены наблюдаемые смещения акцентов в утверждении соответствующих политических установок ЕС, затрагивающие весь период становления и развития практики применения в отношении третьих стран единых ограничительных мер как составной части Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ). Дана общая характеристика ограничительных мер ЕС, их специфики и практики применения.

Ключевые слова: Европейский союз, санкционная политика, ограничительные меры, международное право, права человека

До 1980-х гг. Европейские сообщества не вводили собственных санкций. Вместо этого отдельные государства-члены несли ответственность за осуществление санкций, определенных Советом Безопасности ООН (СБ ООН). С начала 1990-х гг. финансовые и экономические санкции становятся все более интегрированным аспектом внешней политики стран ЕС. Разработка Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) и заключение Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы

в 1999 г., два раунда расширения Союза в 2004 и 2007 гг., а также десятки гражданских и военных миссий, в которых ЕС принимал участие в качестве единого актора, послужили вехами на пути к оформлению общесоюзных санкционных режимов [12, р. 28]. В 2004 г. Европейский совет принял Основопологающие принципы использования ограничительных мер (санкций) (далее — Основопологающие принципы) [2], в которых государства — члены ЕС подчеркнули свою коллективную цель применения санкций для защиты прав человека, поддержания демократии, обеспечения верховенства закона и содействия надлежащему управлению в соответствии с принципами Устава ООН и ОВПБ. Кроме того, ЕС стремился использовать эти меры для борьбы с угрозами, исходящими от оружия массового уничтожения и терроризма (ст. 1–3) [Ibid.].

Задачи нашей работы состоят в том, чтобы посредством политико-правового анализа соответствующих ключевых регулирующих документов ЕС определить основные черты и механизмы оформленного этими нормативно-правовыми актами санкционного инструментария ЕС, проследить его политическую и правовую трансформацию, а также дать общую характеристику современной санкционной политики Союза в отношении третьих стран. Анализ предполагает изучение и систематизацию юридических норм, регулирующих санкционные меры, а также выявление процедурных и административных аспектов их применения. В рамках поставленной задачи требуется определить и то, каким образом формируются санкционные меры ЕС и как происходит их адаптация к меняющимся со временем рамочным условиям. Для решения поставленных задач были изучены политические и правовые основания для введения санкций, механизмы их применения, а также правила пересмотра и отмены санкционных режимов. В этом контексте анализ сосредоточен соответственно на правовых основах санкционной политики Союза, закрепленных в решениях и регламентах Совета ЕС, которые определяют меры санкционного воздействия и регулируют их применение в рамках ОВПБ, равно как и унификацию исполнения.

В качестве объединения 27 европейских государств Евросоюз принимает решения о введении или продлении санкционных мер на заседаниях Совета ЕС, всегда только единогласно (ст. 22) [13; см. также: 10, р. 23]. Санкции Союза носят целенаправленный, но не карательный характер, они не направлены против какой-либо страны или какого-либо народа. Санкции могут быть направлены против правительств стран, неправительственных организаций, групп и отдельных лиц [3, р. 188]. Санкционные меры ЕС могут включать в себя экономические ограничения, дипломатические санкции, замораживание активов, запрет на поездки. Все ограничительные меры должны полностью соответствовать как собственным международно-правовым обязательствам ЕС, так и международным нормам в области гуманитарной помощи, прав и основных свобод человека. Как указывается в первоначальном европейском руководстве по санкциям «Рекомендации по имплементации и оценке ограничительных мер (санкций) в рамках Общей внешней политики и политики безопасности ЕС», принятых в 2003 г., ограничительные меры союза должны быть сформулированы с учетом обязательств Договора

о Европейском союзе (ДЕС) поддерживать основные права, которые гарантируются Европейской конвенцией о правах человека и вытекают из конституционных традиций, разделяемых государствами-членами (раздел I, п. 10) [5].

На уровне ООН санкции определяются как «меры, не связанные с применением вооруженной силы» и «используются для выполнения решений [СБ ООН]» (ст. 41) [14]. Санкции на уровне ЕС прямо не определены в европейском законодательстве, но они также не связаны с применением вооруженной силы и служат исполнению решений СБ ООН и Совета ЕС [11, р. 97]. Соответственно, санкционные меры союза в отношении третьих стран могут иметь свое воплощение в трех следующих возможных вариантах [1, с. 90].

Во-первых, в случаях, когда все члены ООН обязаны применять санкционные ограничения как меры «для поддержания или восстановления международного мира и безопасности» (ст. 40) [14], принятые в соответствии с главой VII Устава ООН. ЕС выступает при этом исполнителем универсально применяемых санкций ООН.

Во-вторых, ЕС может вводить в соответствии с Основополагающими принципами собственные меры, которые выходят за рамки санкций, принятых ООН, и призваны служить укреплению этих санкционных режимов. Санкции ЕС в отношении Ирана с 2010 г. являются примером этой категории.

В-третьих, ЕС может вводить и полностью «автономные санкции» (ст. 3 Основополагающих принципов) [2]. Эти санкционные ограничения также функционируют как инструмент внешней политики ЕС, служащий для выражения неодобрения воспринимаемых неприемлемых действий санкционируемых акторов и утверждения принципов Союза на мировой арене [12, р. 25]. Ограничительные меры ЕС в отношении России и Беларуси представляют собой пример такого рода санкций.

Санкционные меры ЕС можно разделить на две категории: 1) общие меры, которые нацелены на конкретные сектора экономики страны-адресата санкций и могут оказывать ширококомасштабное воздействие на его экономику в целом; 2) меры, применяемые в отношении установленных физических и юридических лиц, указанных в приложении к соответствующему решению Совета ЕС о введении санкционных ограничений. В то время как санкции против физических и юридических лиц подлежат рассмотрению Судом ЕС, более широкие экономические санкции избегают судебного рассмотрения [8, р. 76–77].

Разработка санкционных режимов ЕС — это сложный политический процесс, в котором участвуют различные акторы. Все решения о принятии, изменении, отмене или возобновлении санкций принимаются Советом ЕС, после рассмотрения в соответствующих рабочих группах Совета. Верховный представитель союза по иностранным делам и политике безопасности играет значительную роль в этом процессе посредством своих предложений. Европейский уполномоченный по правам человека совместно с Советом ЕС следят за тем, чтобы действия стран — членов Союза при применении ограничительных мер были едиными, последовательными и эффективными в области соблюдения прав человека. Европейская служба внешних действий (ЕСВС) оказывает поддержку

представителю Верховного комиссара ООН в выполнении его мандата [12, р. 31–32]. Представитель Верховного комиссара следит за соблюдением и защитой прав человека, гарантируемых Всеобщей декларацией прав человека и играет решающую роль в подготовке, осуществлении и проверке применяемых санкционных режимов, а также в связанной с ними коммуникационной и информационно-разъяснительной деятельности [3, р. 203]. Это делается в тесном сотрудничестве с ЕСВС, государствами-членами и Европейской комиссией.

Совет ЕС имеет в политическом процессе Союза в отношении санкций особое значение. Решения Совета обязательны для государств-членов. В дополнение к своим полномочиям по принятию решений по вопросам, связанным с ОВПБ, Совет играет значительную роль в надзоре за осуществлением санкций. Это включает в себя внесение поправок в существующие нормативные акты для устранения потенциальных непредвиденных негативных последствий и непреднамеренных пробелов. Для достижения названных целей Совет полагается на информацию, собранную с помощью различных механизмов обратной связи, которые позволяют получить представление о практических последствиях ранее принятых санкционных решений и постановлений. Одним из наиболее значимых механизмов является Рабочая группа советников по международным отношениям / санкциям — группа специалистов по санкционным мерам, которая состоит из базирующихся в столицах государств — членов Союза координаторов и экспертов в сфере применения санкционных режимов ЕС. Еще одной важной обязанностью Совета является обеспечение правовой обоснованности и осуществимости любых принимаемых мер. Его Юридическая служба регистрирует и рассматривает судебные дела, возбужденные против санкционных ограничений союза в судах ЕС на основании жалоб физических или юридических лиц внутри или за пределами ЕС.

Европейская комиссия как гарант международных договоров несет ответственность за обеспечение посредством мониторинга того, чтобы регламенты, которые вводят ограничительные меры, принятые в соответствии с Договором о функционировании Европейского союза, были реализованы и соблюдались государствами-членами, а также за координацию действий членов союза.

Описанная выше система принятия и введения в действие общеевропейских санкционных мер изложена в двух основных документах: «Рекомендации по имплементации и оценке ограничительных мер (санкций) в рамках Общей внешней политики и политики безопасности ЕС» (далее — Рекомендации) [6] и «Лучшие практики ЕС по эффективному осуществлению ограничительных мер» от 2005 г., обновленные в очередной раз в 2024 г. [15]. Оба документа сосредоточены на стандартизации терминологии и общих определениях правовых инструментов санкционного давления. Политические же аспекты санкционной политики рассматриваются отдельно в уже упоминавшихся Основополагающих принципах.

Восьмого декабря 2003 г. Совет ЕС впервые представил Рекомендации (документ фрагментарно пересматривался и обновлялся в 2005, 2009 и 2018 гг.). В этом документе содержатся стандартные формулировки и

общие определения, которые могут использоваться в правовых инструментах в рамках реализации ограничительных мер союза (разд. II, п. 1) [5] (разд. II, п. 1; далее ссылки на этот документ приводятся в круглых скобках). Цель Рекомендаций состоит в обеспечении единообразного применения ограничительных мер, это основополагающее руководство для введения, применения и оценки ограничительных мер (санкций) (разд. I, п. 1).

Детальный анализ Рекомендаций следует начать с их общего контекста и юридической значимости. Содержание документа регулирует правовые и процедурные аспекты, необходимые для обеспечения согласованности и законности действий ЕС на международной арене. Согласно этому руководству, ограничительные меры, являющиеся инструментом официальной внешней политики ЕС, направлены на поддержание мира и безопасности, защиту прав человека, демократию и верховенство закона (разд. II п. 11, 33). Особое внимание уделено целям введения санкций и необходимости их четкого изложения для каждой ограничительной меры (разд. II, п. 5). Отмечается, что введение ограничений должно базироваться на прочной правовой основе (разд. II, п. 91) с непременным соблюдением установленных принципов введения ограничительных мер. Основным принципом применения мер санкционного воздействия называется соблюдение международного права, включая Устав ООН, а также положений ДЕС. ЕС обязуется применять санкции как средство достижения политических целей, избегая их неоправданного влияния на гражданское население и экономику целевой страны. Ключевым моментом является приверженность принципу пропорциональности: меры должны быть строго соразмерны поставленным задачам и не превышать необходимого для их достижения объема (разд. II, п. 7–9). Данный принцип исключает использование санкций как средства экономического давления без четкой политической цели. Согласно этому документу, ЕС стремится к координации своих действий с международным сообществом — для усиления эффекта санкций и минимизации их побочных последствий (разд. II, п. 38). При этом подчеркивается, что успешная реализация санкционной политики зависит от наличия четких критериев оценки, что делает процесс введения санкций более подконтрольным и обоснованным (разд. II, п. 11, 32). В документе предусмотрено, что государства — члены ЕС обязаны на своей территории обеспечивать выполнение санкционных мер, равно как и принятие мер против уклонения от санкций. Такие действия включают введение национальных законодательных норм, регулирующих ответственность за нарушение санкционных режимов (разд. II, п. 46).

Действующий вариант Рекомендаций был опубликован Советом ЕС 4 мая 2018 г., под номером 5664/18 [6]. Он обновляет и дополняет предыдущие версии этого руководства, отражая изменения в политике ЕС и международном контексте (п. 1; далее ссылки на этот документ приводятся в круглых скобках). Согласно обновленному варианту, санкции остаются одним из ключевых инструментов союза для реагирования на международные угрозы, такие как нарушение прав человека, агрессия, распространение оружия массового уничтожения и терроризм. А основной целью ограничительных мер является изменение поведения го-

сударств, организаций или физических лиц, которые ответственны за действия, угрожающие международной стабильности и безопасности (п. 1–3). В документе закрепляется, что санкции должны быть строго целенаправленными и соразмерными, чтобы минимизировать их побочные последствия, особенно для гражданского населения; все меры должны полностью соответствовать международному праву, включая Устав ООН, и основным принципам ЕС, таким как защита прав человека и верховенство закона; ограничительные меры не должны иметь экономической мотивации (п. 5). Отдельное внимание уделяется защите уязвимых категорий населения и предотвращению гуманитарных последствий санкций (п. 15–18). Всем соответствующим конкретным запретам Рекомендации дают четкие определения (п. 59–87). Особо подчеркивается необходимость оперативного пересмотра санкций, если они не достигают своих целей или вызывают значительные негативные последствия (п. 31, 34, 35). Это делает санкции гибким инструментом, используемым союзом в его внешней политике и способным адаптироваться к изменяющимся условиям.

Рекомендации, закрепляя правовые и процедурные стандарты, представляют собой важный шаг в систематизации подхода ЕС к санкциям. Этот документ подчеркивает роль ЕС как ответственного и ориентированного на право международного политического актора. Введение общеевропейских ограничительных мер сопровождается тщательной оценкой их воздействия, что способствует минимизации негативных последствий и повышению их эффективности.

Документ демонстрирует приверженность ЕС верховенству международного права и принципам пропорциональности и прозрачности. Эти принципы служат основой для дальнейшей кодификации и усовершенствования санкционной политики Союза, что особенно важно в условиях меняющегося международного порядка.

Другим важным регулирующим документом являются принятые 7 июня 2004 г. основополагающие принципы использования ограничительных мер (санкций) [2] — документ 10198/1/04 REV 1, который заложил стратегические основы применения ограничительных мер. В нем указано, что ограничительные меры являются одним из ключевых инструментов внешней политики ЕС. Документ предусматривает возможность применения двух видов санкций: санкций Совета Безопасности ООН и автономных европейских санкций (ст. 1, 2). Основной целью применения ограничительных мер, согласно основополагающим принципам, является продвижение ценностей, закрепленных в ДЕС, включая защиту прав человека, демократию и верховенство закона. Санкции рассматриваются как инструмент реагирования на серьезные угрозы международному миру и безопасности, такие как агрессия, нарушение прав человека, распространение оружия массового уничтожения и терроризм (ст. 3).

Документ подчеркивает, что ограничительные меры должны быть нацелены исключительно на изменение поведения государств, организаций или отдельных лиц, ответственных за международно-противоправные действия, и что санкции — это политический инструмент, а не форма наказания (ст. 6). Ключевыми принципами являются применение

ограничительных мер в строгом соответствии с действующим международным правом, включая положения Устава ООН, а также соблюдение международных стандартов прав человека (ст. 2, 5, 9).

В документе 10198/1/04 REV 1 декларируется, что приведенные в нем основные принципы санкционной политики ЕС будут служить основой для дальнейшего развития инструментария санкционной политики ЕС в свете извлеченных уроков и для улучшения практической реализации как собственных европейских ограничительных мер, так и санкций, применяемых союзом в рамках воплощения соответствующих решений СБ ООН (ст. 10).

Правовой акт демонстрирует долгосрочную стратегию ЕС по унификации своих действий и усилению их эффективности. Этот подход обеспечивает более широкую поддержку со стороны международного сообщества и создает прочные основания для дальнейшего развития санкционной политики союза.

Одним из важнейших элементов документа является акцент на соблюдении прав человека и предоставлении надлежащих правовых гарантий лицам, на которых распространяются санкции. Заложенная в этом документе политико-правовая концепция обеспечивает баланс между необходимостью принятия жестких мер для защиты международного права, мира и безопасности и соблюдением фундаментальных прав и свобод. Такой подход повышает доверие к санкционной политике ЕС и укрепляет его роль как глобального актора, ориентированного на верховенство права.

Документ 5603/04 «Мандат рабочей группы советников по международным отношениям/санкциям для мониторинга и оценки ограничительных мер» от 22 января 2004 г. представляет собой ключевой нормативный акт, определяющий задачи, функции и полномочия рабочей группы советников ЕС по мониторингу и оценке ограничительных мер союза. Это важный элемент санкционной политики ЕС, направленный на повышение эффективности, согласованности и прозрачности применения инициированных санкционных режимов [9, p. 1].

Правовой акт устанавливает мандат специальной рабочей группы для осуществления мониторинга и оценки ограничительных мер, принимаемых в рамках политики ЕС. Основной задачей документа является обеспечение правового институционального механизма, способствующего эффективному применению санкций в соответствии с международным правом и ДЕС [Ibid., p. 2].

Названная рабочая группа играет ключевую роль в реализации общеевропейской санкционной политики, выполняя функции аналитического центра, координатора и контрольного органа. Единый подход к мониторингу и оценке санкций позволяет ЕС и далее укреплять свою позицию как ответственного и ориентированного на право международного актора. Документ 5603/04 так же, как и рассмотренные ранее нормативные акты союза, демонстрирует приверженность ЕС принципам верховенства закона, защиты прав человека и обеспечения прозрачности. Это обеспечивает устойчивость и предсказуемость его санкционной политики, что особенно важно в условиях глобальных вызовов и угроз международной безопасности.

В 2005 г. были опубликованы специально выработанные «Лучшие практики ЕС по эффективному осуществлению ограничительных мер» (далее — «Лучшие практики»), документ 15115/05 — «неисчерпывающие рекомендации общего характера» по эффективному внедрению ограничительных мер в соответствии с применимым правом ЕС и национальным законодательством (п. 5) [4] (далее ссылки на этот документ приводятся в круглых скобках). «Лучшие практики» содержат, в частности, рекомендации по обозначению и идентификации лиц и организаций, подпадающих под целевые ограничительные меры, а также по исключению из санкционных списков лиц, подпавших под санкции вследствие ошибочной идентификации (п. 7–9). В связи с этим документ предписывает государствам — членам ЕС совместно с Европейской комиссией внедрить особые процедуры (п. 10), требования к которым также описаны в этом руководстве (п. 11–17). Государствам — членам союза предписано иметь необходимую законодательную базу для замораживания финансовых активов и экономических ресурсов, контролируемых или находящихся во владении подсанкционных лиц или организаций, в том числе без полного замораживания всех финансовых активов и экономических ресурсов этих лиц (п. 19, 20). Особый акцент сделан на соблюдении прав подсанкционных лиц. Акт предусматривает также ряд исключений из описанных выше требований — они должны учитывать основные права и способствовать удовлетворению базовых потребностей. Меры по замораживанию средств и активов не должны влиять и на свободу затронутых лиц заниматься трудовой деятельностью (п. 50–52).

Требования к оценке эффективности ограничительных мер ЕС в «Лучших практиках» подчеркивают, в частности, необходимость и важность учета при проведении оценки отзывов государств-членов, Комиссии, глав представительств ЕС, а также таможенных органов, частного сектора, ООН, компетентных организаций (п. 69).

Названный документ пересматривался, фрагментарно перерабатывался и дополнялся в 2007, 2008, 2015, 2016, 2018, 2022 и 2024 гг. Последнее обновление было опубликовано Советом ЕС 3 июля 2024 г., под номером 11623/24 [15] (далее ссылки на этот документ приводятся в круглых скобках). Это очередной важный шаг в развитии санкционной политики ЕС, который опирается на опыт предыдущих лет и учитывает растущую сложность международной обстановки (п. 2, 3), в том числе появление новых методов обхода санкционных режимов. Основные цели документа — продолжить унификацию подхода к применению санкций на территории ЕС, минимизировать риски несоответствия и обхода санкционных режимов и определить ключевые элементы в реализации санкций, учитывая актуальную ситуацию в правовой системе ЕС и содержание подготовленных рабочей группой советников по международным отношениям / санкциям обзоров текущего состояния реализации санкций, а также принимая во внимание уже существующие практики в этой области и действующие приоритеты государств — членов Союза (п. 4). Правовой акт подчеркивает, что эффективная реализация ограничительных мер требует скоординированных усилий между государствами-членами, европейскими институтами и международными партнера-

ми (п. 5). Как и в предыдущих документах, санкции рассматриваются в этом руководстве как инструмент для достижения целей ОВПБ, включая предотвращение угроз международному миру, укрепление безопасности и защиту прав человека.

Документ 11623/24 представляет собой комплексное руководство, которое охватывает все ключевые аспекты реализации санкций в рамках политики ЕС. Он не только определяет базовые принципы, но и предлагает практические решения для обеспечения их соблюдения. Предложенные в документе меры направлены на устранение пробелов в правоприменении и предотвращение уклонения от санкций, что особенно важно в условиях глобальных вызовов.

Значительный рост количества действующих санкционных режимов Европейского союза, расширение их многообразия и сложности, а также увеличение значимости роли ЕС на международной арене, как одного из активнейших в мире акторов — инициаторов ограничительных мер [7, р. 394], требуют постоянного развития, усовершенствования и обновления соответствующей нормативно-правовой базы союза.

Предпринятый выше анализ показывает, как санкционная политика ЕС трансформировалась из начальных попыток структурировать процесс введения и реализации ограничительных мер в документе 15579/03 в комплексный инструмент внешнеполитического воздействия с четкими процедурами и строгим ориентиром на международное сотрудничество в актуальных документах, представляющих собой развитую и проработанную нормативную базу, в которой учтены все аспекты — от мониторинга до юридических гарантий. Если в 2003 г. фокус делался на общих рекомендациях по введению персональных и экономических санкций, то с течением времени спектр санкций расширился, потребовалось усиление контроля, а также применение новых инструментов. Повышение сложности санкционных режимов и необходимость адаптации к актуальным вызовам положили начало институционализации мониторинга санкций (посредством создания Рабочей группы советников по международным отношениям / санкциям), а также расширению и углублению кооперации между задействованными акторами, что было урегулировано документом 5603/04. В последующих версиях нормативных актов союза (особенно в документах 5664/18 и 11623/24) акцент был сделан на усилении роли государств-членов в отчетности и обеспечении оперативного обмена информацией, а также на интеграции более современных и действенных механизмов контроля за исполнением введенных санкционных режимов.

С самого начала институализации самостоятельной санкционной политики ЕС (уже в документе 15579/03), в нормативных актах, регулирующих внедрение и соблюдение исполнения инициированных санкционных режимов, важную роль играли правовые гарантии и защита прав человека. Правовой акт 5664/18 существенно расширил эти положения, введя механизмы юридической защиты для лиц, включенных в санкционные списки, а документ 11623/24 дополнительно уточнил процедуры обжалования и установил более четкие критерии гуманитарных исключений. Оба источника предусматривают целенаправленный подход к

санкциям и закрепляют основы санкционной политики ЕС, ориентированной на достижение целей, способствующих укреплению мира, стабильности и защите прав человека.

Документы 2004—2005 гг. заложили основы механизмов взаимодействия с международными организациями, а также значительно усилили внимание к эффективности исполнения режимов санкционных ограничительных мер. С 2018—2022 гг. особое внимание стало уделяться предотвращению возможностей обхода санкционных режимов, максимально четкому функционированию инструментов идентификации подсанкционных лиц и внедрению тщательно урегулированных глобальных стандартов в этих областях. Нового уровня достигло внимание к требованиям активного обмена информацией между задействованными акторами, координации с международными партнерами, мониторингу и оценке эффективности предпринимаемых мер.

Эволюция гуманитарных положений изученных документов также очевидна. Если изначально упоминались лишь общие принципы минимизации негативного воздействия на население, то с 2018 г. санкционные механизмы включают конкретные критерии гуманитарных исключений. Документ 2024 г. углубил эту практику, сделав ее более прозрачной и систематизированной. Законность, эффективность, пропорциональность, международное сотрудничество и уважение прав человека являются фундаментальными определяющими документов, которыми руководствуется ЕС при разработке и применении ограничительных мер.

Проведенный анализ наглядно показывает прогрессивность характера европейской санкционной политики. Эволюция от первых шагов по структурированию санкционного процесса до комплексного подхода, учитывающего правовые, гуманитарные и технологические аспекты, делает санкции ЕС эффективным инструментом современной международной политики. Рассмотренные документы подтверждают приверженность ЕС верховенству закона и защите прав человека также при реализации режимов санкционных ограничительных мер. Актуальные нормативные акты союза акцентируют внимание на балансе между жесткостью ограничительных мер и необходимостью соблюдать права человека. Процедуры введения и реализации санкций, изложенные в этих руководствах, обеспечивают их легитимность и соответствие современным международным правовым стандартам.

Список литературы

1. Довгань Е. Ф. Ограничительные меры Европейского союза как обстоятельства непреодолимой силы в гражданско-правовом обороте // Известия Национальной академии наук Беларуси. Сер. гуманитарных наук. 2016. № 2. С. 88—94.
2. Basic Principles of on the Use of Restrictive Measures (Sanctions) / Council of the EU. Doc. 10198/1/04 REV 1. Brussels, 7 June 2004. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10198-2004-REV-1/en/pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

3. *Beaucillon C.* Restrictive measures as tools of EU foreign and security policy: Promoting EU values, from antiterrorism to country sanctions // *EU law enforcement: The evolution of sanctioning powers*. Milton Park, 2021. P. 188 – 214.

4. *EU Best Practices for the effective implementation of restrictive measures* / Council of the EU. Doc. 15115/05. Brussels, 29 November 2005. 23 p. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST%2015115%202005%20INIT/DE/pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

5. *Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy* / *Council of the EU*. Doc. 15579/03. Brussels, 8 December 2003. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15579-2003-INIT/en/pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

6. *Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of EU Common Foreign and Security Policy* / Council of the EU. Doc. 5664/18. Brussels, 4 May 2018. 59 p. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5664-2018-INIT/de/pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

7. *Hellquist E.* Ostracism and the EU's contradictory approach to sanctions at home and abroad // *Contemporary Politics*. 2018. Vol. 25, №4. P. 393 – 418.

8. *Lonardo L.* EU restrictive measures: Constitutional issues, classification, judicial review // *Common foreign and security policy after Lisbon: Between law and geopolitics*. Springer, 2023. P. 73 – 89.

9. *Mandate of the Foreign Relations Counsellors Working Party/Sanctions for the monitoring and evaluation of restrictive measures* / Council of the EU. Doc. 5603/04. Brussels, 22 January 2004. 3 p. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5603-2004-INIT/de/pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

10. *Marquardt S.* The institutional framework, legal instruments and decision-making procedures // *Research Handbook on the EU's Common Foreign and Security Policy*. Elgar Publishing, 2018. P. 22 – 43.

11. *Meissner K.L., Portela C.* The European approach to multilateral sanctions // *Multilateral sanctions revisited: Lessons learned from Margaret Doxey*. Montreal ; Kingston, 2022. P. 81 – 98.

12. *Sharpening EU sanctions policy for a geopolitical era* / ed. by N. Helwig, J. Jokela, C. Portela. Helsinki, 2020. (Publications of the Government's analysis, assessment and research activities. Prime Minister's Office (Finland). №31.)

13. *Treaty on European Union (consolidated version)* / Publications Office of the European Union // *Official Journal of the European Union*. 2016. Vol. 59. P. 13 – 46. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2016:202:-FULL> (дата обращения: 28.02.2025).

14. *United Nations Charter (full text)* / United Nations. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 28.02.2025).

15. *Update of the EU Best Practices for the effective implementation of restrictive measures* / Council of the EU. Doc. 11623/24. Brussels, 3 July 2024. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-11623-2024-INIT/en/pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

Об авторе

Вальдемар Андерс — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: VAnders@stud.kantiana.ru

W. Anders

THE CURRENT EU SANCTIONS POLICY: POLITICAL
AND LEGAL ANALYSIS
OF THE MAIN REGULATORY DOCUMENTS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 05 February 2025

Accepted 10 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-9

102

To cite this article: Anders W., 2025, The current EU sanctions policy: political and legal analysis of the main regulatory documents, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 91 – 102. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-9.

Restrictive measures (sanctions) against third countries currently represent one of the most important instruments of the European Union's foreign policy. By imposing sanctions, the EU responds to global challenges and events that contradict the Union's political and humanitarian objectives and values, thereby seeking to promote peace, democracy, respect for international law and human rights, as well as to resolve ongoing and prevent emerging conflicts and crises in the international arena. This article presents the results of a politico-legal analysis of key regulatory documents that constitute the normative foundation of the EU's current sanctions policy. The aim of the research is to identify the main legal, political, and value-based characteristics and features of the mechanisms regulating the application of the EU's own restrictive measures. The study traces some shifts in emphasis within the EU's political agenda throughout the formation and evolution of the practice of imposing unified restrictive measures against third countries as part of the Common Foreign and Security Policy (CFSP). A general overview is provided of the EU's restrictive measures, their specificities, and patterns of application.

Keywords: European Union, sanctions policy, restrictive measures, international law, human rights

The author

Waldemar Anders, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: VAnders@stud.kantiana.ru

О. Н. Радонежская

МЕХАНИЗМ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕАЭС

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 11.02.2025 г.

Принята к публикации 10.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-10

103

Для цитирования: Радонежская О. Н. Механизм зоны свободной торговли в международной деятельности ЕАЭС // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №1. С. 103 – 115. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-10.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) играет заметную роль в формировании нового глобального миропорядка, основанного на принципах инновационного развития, трансрегионализма, интеграции и международного сотрудничества. В условиях глобальной регионализации и усиления конкуренции на мировой арене ЕАЭС представляет собой уникальную модель экономической интеграции, которая объединяет усилия разных по своему внутреннему устройству стран для достижения общих стратегических целей – как экономических, так и политических. В отличие от традиционных моделей экономической интеграции, таких как Европейский союз, ЕАЭС стремится к эффективному взаимодействию с широким кругом стран и региональных организаций, что позволяет ему эффективно действовать в современных условиях и находить новые возможности для экономического роста и повышения конкурентоспособности на международной арене. В статье рассмотрены принципы и механизмы трансрегионализма в ЕАЭС, а также примеры его регионального продвижения в международном экономическом сообществе и сотрудничества с другими странами и регионами посредством механизма зоны свободной торговли (ЗСТ). Особое внимание уделено роли «мягкой силы» как важного инструмента международной политики ЕАЭС, который способствует укреплению его стратегических позиций, а также улучшению экономической ситуации на всем пространстве ЕАЭС и расширению возможностей для успешного экономического и социально-политического взаимодействия.

Ключные слова: ЕАЭС, зона свободной торговли, интеграция, экономическое взаимодействие, «мягкая сила», торговые отношения, трансрегионализм

Одним из ключевых инструментов международной политики ЕАЭС является использование «мягкой силы». В отличие от традиционных методов принуждения и давления, «мягкая сила» включает не только финансовые, экономические и социальные соглашения, но и культурные и образовательные обмены, научные исследования и совместные проекты. Использование этих инструментов позволяет ЕАЭС не только сохранить

деловые позиции на мировой арене, но и укреплять свой имидж как надежного и перспективного партнера, способного поддержать национальные экономики и предложить более выгодные условия для долгосрочного сотрудничества, а также повысить конкурентоспособность и качество продукции на мировом рынке.

В 1990-е гг. в теоретическом ключе широко обсуждалась проблема регионализации международных отношений. В самом общем виде понятие «трансрегионализм» было введено в научный оборот профессором Кёльнского университета В. Линком в 1998 г. для характеристики «кооперативного балансирования» интересов разных региональных объединений [18]. Первоначально трансрегионализм понимался узко как институализированное взаимодействие двух или нескольких региональных международно-политических объединений. В последующем происходило расширение содержания понятия, в первую очередь благодаря многочисленным случаям неформальной коммуникации представителей или отдельных рабочих органов региональных объединений. «В широком понимании это взаимодействие между организациями и группами, между этими акторами и третьим государством. Важной составляющей при этом является географический регион. Взаимодействия происходят более чем в одном регионе» [2, с. 45]. Часто в качестве примера успешного трансрегионализма приводят отношения между Европейским союзом и странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), установленные как на коммунитарном, так и на билатеральном уровнях. Этот вид трансрегионализма характеризуется следующими признаками: а) создание нового диалогового пространства; б) открытость для новых участников (формальная принадлежность к региону); в) высокая степень неправительственного сектора [6, с. 149].

Евразийский союз — уникальный пример реализации модели трансрегионализма в международных экономических отношениях. Он представляет собой не только интеграционное сообщество, но и международное объединение, стремящееся к укреплению международного экономического и политического сотрудничества, расширению экономических связей, укреплению политических традиций и интеграционных процессов между странами-членами. В отличие от Европейского союза (ЕС), который активно продвигает идеи региональной интеграции и создания единого экономического, социального и политического пространства, ЕАЭС ориентирован на формирование единого трансрегионального сообщества и на взаимодействие с более широким кругом стран и регионов. Эта модель включает международное сотрудничество между региональными организациями и другими группами стран, что позволяет ЕАЭС активно сотрудничать с ведущими центрами формирующегося многополярного мира и находить новые возможности для экономического роста, укрепления политических позиций на международной арене.

Принципы внешнеполитической и экономической деятельности ЕАЭС включают единство, наднациональность, территориальное единство и межгосударственное сотрудничество. Наднациональные интегра-

ционные органы, такие как Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), играют центральную роль в принятии управленческих решений, разработке внешнеэкономической политики и проведении международных переговоров. Они обладают широкими полномочиями, позволяющими им действовать в интересах всех стран-членов, обеспечивая согласованность и единство в вопросах экономики, социальной и экономической политики. Однако государства-члены сохраняют свой суверенитет и активно участвуют в процессе принятия политических решений, что обеспечивает высокий баланс между интеграционными устремлениями и национальными интересами.

Межгосударственное сотрудничество реализуется через регулярные встречи на высшем уровне, совместные производственные и управленческие рабочие группы, общественные комиссии и консультативные органы на международном уровне. Это позволяет странам-членам эффективно и оперативно реагировать на негативные изменения в международной и региональной политике и экономике, проводить необходимые мероприятия, связанные с экономической и геополитической безопасностью, а также разрабатывать и реализовывать совместные межрегиональные проекты, программы и иные инициативы.

Основной механизм взаимодействия между ЕАЭС и другими странами и регионами — это двусторонние соглашения о взаимопонимании. Они не создают новых прав и обязанностей в рамках международного права, но служат важнейшим средством и надежным инструментом для установления политических контактов, межрегиональных связей и развития двустороннего и многостороннего сотрудничества. Соглашение может включать различные аспекты взаимодействия, такие как торговля, инвестиции, энергетика, транспорт, экология, наука и технологии.

ЕАЭС активно развивает сотрудничество более чем с 50 странами, международными и региональными организациями. Заключенные международные соглашения о свободной торговле позволяют свободно передвигаться, расширять рынки сбыта товаров и услуг, их производства, осуществлять импортозамещение, привлекать новые инвестиции, способствуя экономическому росту, увеличению прибыли и повышению благосостояния граждан стран — участников этих соглашений.

Одним из важнейших направлений международного сотрудничества является заключение соглашений о взаимной свободной торговле. Эти документы снижают или отменяют таможенные пошлины и таможенные барьеры, повышая экономический статус страны, улучшая ее положение на мировом рынке и облегчая таможенную и фискальную работу, взаимную торговлю основными и вспомогательными продуктами и услугами. В результате сокращается внешнеторговый оборот контрабандных товаров. Активизация сотрудничества в области торгово-экономических соглашений и зон свободной торговли (ЗСТ) представляет собой комплексный процесс, направленный на создание устойчивой и взаимовыгодной системы международных отношений, что способствует экономическому росту, инновациям и социальному развитию.

Хотя понятие зоны свободной торговли начало формироваться еще в 1960–1970-х гг., ее основной смысл — отмена таможенных пошлин, налогов и сборов, а также количественные ограничения во взаимной торговле — появился относительно недавно. ЗСТ определяется ст. XXIV ГАТТ-1994 как группа в две или несколько таможенных территорий, в которых отменены пошлины и другие ограничения внешней торговли в отношении практически всей взаимной торговли, происходящей с этих территорий [7]. Теоретически это более глубокий тип интеграции, чем преференциальные соглашения, однако на практике ЗСТ — самое зримое воплощение преференциальности. Смысл зоны свободной торговли заключается в том, что страны-участницы предоставляют друг другу определенные преференции во взаимной торговле, выражающиеся, как правило, в отмене всех таможенных пошлин и ограничений, тогда как в торговле с третьими странами каждое из государств-членов сохраняет свои национальные таможенные тарифы [13, с. 101].

Усиление взаимодействия в ходе поиска партнеров и проведения переговоров по созданию ЗСТ становится ключевым шагом для формирования устойчивой и взаимозависимой системы торговых отношений. Это необходимо для стабильного роста экспорта несырьевых товаров, реализации внешнеторгового потенциала и создания благоприятных условий для экономического развития стран-участниц. Основная цель — расширение рынков сбыта для местных производителей, что должно повысить их конкурентоспособность и укрепить их позиции на международной арене. Включение в глобальные цепочки добавленной стоимости открывает новые возможности для участия в мировом производстве, увеличивая добавленную стоимость продукции и доходы. Одновременно с этим привлечение иностранных инвестиций играет важную роль в модернизации производств, внедрении передовых технологий и улучшении качества продукции. Это также способствует созданию рабочих мест и повышению уровня жизни.

Для достижения поставленных целей необходимо не только вести активные переговоры, но и тщательно анализировать потенциальных партнеров, учитывая их экономические и политические интересы. Гармонизация национальных законодательств и стандартов упростит эффективность торговли и повысит взаимное доверие между странами. Важно также принимать во внимание экологические и социальные аспекты, стремясь к устойчивому развитию и соблюдению международных норм.

В настоящее время действуют четыре договора о ЗСТ между ЕАЭС и третьими странами — Вьетнамом, Сингапуром, Сербией и Ираном. С рядом государств, а также с международными организациями ведутся переговоры о заключении различных преференциальных соглашений. Подготовка таких соглашений и их использование рассматривается как часть «мягкой силы» [2, с. 49].

Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам (2015) — первый крупный договор о свободной торговле, открывший вьетнамский рынок для широкого спектра товаров и услуг из стран ЕАЭС. Соглашение стало прорывным в междуна-

родной деятельности ЕАЭС, скорректировало некоторые задачи в работе органов интеграционного объединения. Министр по торговле ЕЭК (2016–2020) В. О. Никишина отмечала: «Мы ощутили от действия этого соглашения, сразу в двух плоскостях. Первая плоскость — это снятие традиционных “фобий” от либерализации торговли, которые присутствовали у нашего бизнеса давно и стабильно. Мы как союз раньше не имели в списке приоритетных задач либерализацию нашей торговли с третьими странами. Наоборот, мы развивали нашу интеграцию вглубь, внутри наших трех, а затем пяти стран. Говоря о либерализации, я имею в виду торговлю с третьими странами посредством создания преференциальных режимов, то есть снятия таможенной пошлины» [9]. Это соглашение способствовало увеличению товарооборота между Вьетнамом и странами-членами ЕАЭС почти на 40 % в первый год после его вступления в силу. Однако, несмотря на явные успехи, президент Российского союза промышленников и предпринимателей А. Н. Шохин полагает, что задача соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом пока не достигнута. В частности, он указал: «То, что торговля активно развивается, этому, безусловно, способствует соглашение о зоне свободной торговли, согласно которому за краткий период... считалось, что мы можем в разы увеличить наш товарооборот, подняв его до 10 миллиардов условных единиц. Ну, пока у нас 7 миллиардов товарооборот, то есть видно, что не все возможности соглашения о зоне свободной торговли реализованы» [15]. Соглашение о ЗСТ с Вьетнамом имеет наряду с экономическим и внешнеполитическое значение. Официальный Ханой отказался от ведения антироссийских санкций, о чем неоднократно заявлял премьер-министр Фам Минь Тинь.

Как отмечает М. В. Лапенко, «в целом соглашение о ЗСТ между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом — это не только первый опыт создания либерального торгового режима с третьей страной, но и начало реализации более активного экономического сотрудничества ЕАЭС со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Соглашение о ЗСТ дает не только возможности увеличить товарооборот, но и открывает новые перспективные направления перед производителями стран ЕАЭС по выстраиванию и углублению производственной кооперации» [10, с. 214].

ЕАЭС действительно стремится к развитию сотрудничества с другими интеграционными объединениями, такими как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Тихоокеанский альянс, Европейский союз и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Это позволяет ЕАЭС более уверенно укреплять свои позиции на мировой арене, обеспечивать экономическое развитие и эффективное экономическое взаимодействие, расширять возможности для инвестиционного и экономического, и культурного взаимодействия.

Сотрудничество с АТЭС направлено на создание благоприятных условий для свободной торговли, экономического сотрудничества, развития, торговли и возможностей для торговли и инвестиций между странами АТЭС и всего Азиатско-Тихоокеанского региона; формирование стабильных условий для дальнейшего развития экономики, совершен-

ствования системы международных торговых отношений и повышения эффективности экономики. ЕАЭС активно участвует в работе АТЭС, продвигая идеи интеграции, свободной торговли, расширения мира и устойчивого экономического развития.

Взаимодействие с Тихоокеанским альянсом направлено на развитие международных торговых, исследовательских и научных связей. ЕАЭС и Тихоокеанский альянс (Чили, Колумбия, Мексика и Перу) начали совместные проекты в области высоких технологий, науки и инновационных инноваций, что способствовало увеличению международной торговли и росту сотрудничества и взаимного торгового товарооборота.

Базой сближения ЕАЭС и ШОС в определенной степени является Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем, заключенное в октябре 2019 г. после продолжительного переговорного процесса. Во время конструктивных дискуссий стороны нашли удовлетворяющий интересам сторон формат соглашения без обязательств, предусмотренных механизмами ЗСТ. С одной стороны, официальный Пекин весьма осторожно подошел к вопросу о преференциальном торговом соглашении, с другой — центральноазиатские участники ЕАЭС высказывали опасения по поводу чрезмерной либерализации торгово-экономических условий для Китая, что могло подорвать устойчивость национальных рынков и привести к социально-политической дестабилизации.

Сотрудничество с ШОС направлено на укрепление экономических и культурных связей между странами Евразии. ЕАЭС и ШОС начали совместные проекты в области энергетики и транспорта, что способствовало созданию новых транспортных коридоров и увеличению экспорта, укреплению интеграционных связей и увеличению международного товарооборота. Евразийский экономический союз и Шанхайская организация сотрудничества продолжают активно развивать взаимодействие. На юбилейном саммите ШОС, прошедшем в Душанбе в 2021 г., был подписан меморандум о взаимопонимании. В мае 2022 г. в Москве состоялась встреча председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии и генерального секретаря ШОС Чжан Мина, на которой обсуждались конкретные меры по укреплению и расширению их партнерства. По словам официального представителя ЕЭК И. В. Малкиной, «на долю ШОС приходится более 30 % мирового ВВП, более 16 % мировой торговли, более 41 % мирового населения. ЕАЭС — это живущий по единым правилам рынок емкостью более 184 млн человек и составляющий 14 % от мировой суши. Фактически страны ЕАЭС и ШОС образуют ядро евразийского континента. Их отношения определяют вектор дальнейшего развития всего огромного региона» [3].

Вместе с тем процессы взаимодействия на билатеральном уровне трансрегионального сотрудничества в АТР не всегда приводят к позитивным результатам. В 2016 г. ЕЭК принял решение о начале переговоров по заключению соглашений о ЗСТ с Сингапуром и Таиландом. Одним из главных препятствий движения Таиланда к заключению преференциального соглашения было и остается отсутствие политической стабильности в этой стране. С одной стороны, военная хунта проявляет

большой интерес к развитию связей с ЕАЭС, но не в состоянии обеспечить долгосрочного выполнения обязательств. С другой — ЕЭК ориентируется на заключение рамочного соглашения между ЕАЭС и АСЕАН, которое могло бы стать основой для достижения договоренностей с отдельными странами региона и, возможно, способствовало бы снижению рисков внутривосточной дестабилизации.

Переговорный процесс с Сингапуром на первом этапе отличался динамизмом, последовательностью и логичностью решений. Была выработана формула диалога и построена своеобразная «дорожная карта». Соглашение о создании ЗСТ между ЕАЭС и Сингапуром было подписано 1 октября 2019 г. в Ереване, однако оно до сих пор не вступило в силу. Дело в том, что требуется ратификация пяти двусторонних соглашений стран — членов ЕАЭС о торговле услугами и инвестициях. По состоянию на начало 2025 г. такие соглашения ратифицировали лишь Казахстан и Армения. Кроме того, существенным препятствием является санкционная политика правительства Сингапура в отношении России. Сингапурские санкции носят точечный характер, поскольку распространяются только на финансовые учреждения и включают ограниченный круг подсанкционных банков. Ограничения не расширялись с момента их введения в марте 2022 г. Тем не менее Сингапур был включен в Перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия [14], что фактически остановило политический диалог между странами, заблокировав реализацию преференциального соглашения.

Еще одной страной АТР, с которой ведутся переговоры о заключении соглашения о ЗСТ, является Индонезия. ЕЭК принял решение о начале переговорного процесса в мае 2022 г., а их первый раунд состоялся в апреле 2023 г. Кроме этого, ЕАЭС вступил в диалог с рядом азиатских государств — Индией (2017), Израилем (2019), ОАЭ (2022), Монголией (2024), однако с этими государствами переговорный процесс остановлен или находится на предварительной стадии. Заметно продвижение преференциальных режимов ЕАЭС на ближневосточном направлении. Здесь обращает на себя внимание опыт Египта и Ирана, который может быть взят на вооружение при активизации переговорного процесса с правительствами ОАЭ и Израиля.

В декабре 2016 г. ЕЭК приняла решение о начале переговоров с Египтом о заключении соглашения о ЗСТ, однако их первый раунд состоялся лишь в январе 2019 г. В.Ю. Скрыбина подробно изучила экономические преимущества и возможные риски заключения соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Египтом. В частности, она указала на отсутствие значимых рисков для рынков ЕАЭС. Египет импортирует в государства-члены в основном продукцию химической промышленности (26,6 %), пищевые продукты (17,6 %), фармацевтическую продукцию (16,5 %) и одежду (15,6 %), а в структуре экспорта наибольший удельный вес занимает продукция металлургии (37,4 %), кокс и нефтепродукты (25,3 %), древесина (12,7 %) и пищевые продукты (7,9 %) [4]. Автор полагает целесообразным закрепление в тексте соглашения «обязательств по предоставлению недискриминационных условий капиталовложений

и защите интересов компаний во всех отраслях экономики. Наиболее перспективными для сотрудничества представляются инвестиционные проекты в электроэнергетическом и машиностроительном комплексах, отрасли водоснабжения, а также на рынках телекоммуникационных, прочих деловых, строительных и страховых услуг» [16, с. 6]. В результате исследования была установлена связь политической мотивации Египта к созданию ЗСТ с минимальными угрозами собственному рынку в силу незначительной доли ЕАЭС во внешней торговле. Действительно, по итогам 2021 г. страны ЕАЭС занимают долю в 3,5 % всего внешнеторгового оборота Египта, а нынешняя переориентация российского экспорта практически не отразилась на торговле с Каиром [1].

Вместе с тем в отношениях между ЕАЭС и Египтом наметилась тенденция к снижению интенсивности контактов и продвижения к заключению преференциального соглашения. Так, министр по торговле ЕЭК А. А. Слепнев еще в сентябре 2023 г. по итогам шестого раунда переговоров выражал оптимизм: «Сейчас у нас, так скажем, решающая стадия, я уверен, мы ее пройдем и также выйдем на соглашение с Египтом. Оно даже более амбициозное по обнулению пошлин — оно затронет порядка 95 % всей торговли. Это ворота в Африку, а Африке сейчас уделяется много внимания. Мы рассчитываем, что египетская площадка, учитывая, что уже там построено, — это как раз правильная точка для работы с континентом» [11]. Однако до конца 2024 г. так и не удалось согласовать итоговый проект соглашения. Драйвером в отношениях ЕАЭС и Египта остается проект Российской промышленной зоны в Экономической зоне Суэцкого канала (общая площадь 525 га) близ города Порт-Саид. Во многом от успеха реализации этого проекта зависит поддержание политической мотивации правительства Египта к заключению общего соглашения о ЗСТ с ЕАЭС.

Важнейшим достижением на предварительной стадии переговоров с Ираном стало заключение в 2018 г. Временного торгового соглашения, которое заложило основу для дальнейшего углубления торговых, экономических и культурных связей между Ираном и странами ЕАЭС. Этот документ отличается от соглашений о создании ЗСТ тем, что он снижает или отменяет ввозные таможенные пошлины для ограниченного круга товаров между странами ЕАЭС и Ираном, а не для всей товарной номенклатуры. Стоит отметить, что начальные переговорные позиции сторон была асимметричными: иранский экспорт в страны ЕАЭС равнялся 723 млн долларов США, тогда как встречный импорт — 2,1 млрд долларов США за 2016—2018 гг. Во время переговоров удалось достичь соглашения об обоюдном снижении пошлин, прежде всего на некоторые промышленные и сельскохозяйственные товары от 3,3 до 19 % [12, с. 4]. Чтобы соответствовать правилам Всемирной торговой организации (ВТО), Временное соглашение предусматривало переход к полноформатной ЗСТ в течение трех лет. Именно на такой срок было первоначально заключено Временное соглашение, которое вступило в силу в октябре 2019 г. За время действия этого соглашения Иран стал важным торговым партнером ЕАЭС в регионе Большого Ближнего Востока, увеличив, в частности, экспорт газа, нефти и нефтепродуктов в страны ЕАЭС примерно на 15 % [8, с. 65].

Активная фаза переговоров о ЗСТ началась лишь в 2021 г., а в марте 2022 г. стороны подписали протокол о продлении действия Временного соглашения еще на три года. В декабре 2023 г. в Санкт-Петербурге было подписано соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и Ираном, его вступление в силу ожидается до конца октября 2025 г. Документ расширяет возможности сотрудничества в нетарифной сфере, включая техническое регулирование, санитарные, ветеринарные и фитосанитарные меры, таможенное администрирование, электронную систему верификации товаров, меры торговой защиты и обеспечение прозрачности государственных закупок. Также планируется расширять сотрудничество в добыче полезных ископаемых, энергоэффективности, научных исследованиях и инновациях, образовании, медицине и телекоммуникации. Особое внимание уделяется развитию транспортно-логистических решений и вопросам транзитных перевозок, учитывая важность коридора «Север — Юг» для правительств стран ЕАЭС и Ирана. Важным подкреплением соглашения о ЗСТ стало наделение Ирана в декабре 2024 г. статусом государства-наблюдателя в ЕАЭС.

Единственным успешным примером реализации механизма ЗСТ на европейском направлении является преференциальное соглашение ЕАЭС с Сербией, заключенное в октябре 2019 г. Оно вступило в силу после завершения процедур ратификации летом 2021 г. Сербия, как и Египет, развивая отношения с Евразийским экономическим союзом, в большей мере руководствуется политическими мотивами и опирается на фундамент связей с Российской Федерацией. Как и для Египта, для Сербии страны ЕАЭС находятся на периферии внешнеторговых интересов, поскольку доля этих стран во внешнеторговом обороте составляет 4,5 % [5]. Существенным отличием от египетского кейса является своеобразная конкуренция трансрегиональных полей притяжения — ЕАЭС и ЕС. Как справедливо отмечает А. В. Торопыгин, позиция России и других стран ЕАЭС по косовскому вопросу оказывает наиболее существенное влияние на поддержание политической мотивации официального Белграда к строительству ЗСТ, даже несмотря на определенный прогресс в отношениях с Европейским союзом [17, с. 126 — 127].

Известно, что ЗСТ между Сербией и Европейским союзом была создана еще в 2010 г. В 2012 г. балканская республика получила статус кандидата на вступление в ЕС. Этот шаг стал важным этапом на пути евроинтеграции Сербии. Парадоксальным образом косовский вопрос, остающийся камнем преткновения в отношениях Белграда с Западом, создал уникальные условия для республики. Косово, провозгласившее независимость в 2008 г., стало предметом споров между Сербией, ЕС и другими международными акторами. Этот конфликт открыл для Сербии возможности для маневра в геополитическом пространстве. С одной стороны, Белград столкнулся с давлением Запада, который требовал признания независимости Косова. С другой — Сербия получила поддержку со стороны России, стран ЕАЭС и Китая, которые не признали независимость Косова и выступили против односторонних действий Запада. Косовский вопрос стал для Сербии возможностью извлечь выгоды из конкуренции между трансрегиональными полями притяжения. Белград начал активно сотрудничать с ЕС, стремясь к интеграции в ев-

ропейское экономическое и политическое пространство. Одновременно Сербия сохранила тесные связи с Россией и странами ЕАЭС, что позволило ей диверсифицировать свои внешнеэкономические связи. Этот уникальный геополитический контекст сформировал для Сербии возможности развития собственной экономики, привлечения инвестиций и укрепления международного положения. Однако косовский вопрос также создал новые вызовы и риски, связанные с необходимостью балансировать между различными внешнеполитическими векторами.

Трансрегиональный подход ЕАЭС к развитию торгово-экономических связей нашел свое выражение в отношениях с латиноамериканскими государствами. «ЕАЭС, в отличие от Европейского союза, во взаимодействиях со странами Латинской Америки реализует модель классического трансрегионализма; при этом механизмом служат заключения меморандумов о взаимопонимании, которые не создают прав и обязательств в рамках международного права» [2, с. 43]. Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Чили (2015) открыл новые возможности для сотрудничества в области внешней торговли, инвестиций и информационных технологий. Страны начали реализацию совместных проектов в области возобновляемой энергетики, что способствовало определенному росту инвестиций в Чили. Меморандумы о взаимопонимании между ЕЭК и Перу (2017), Роснефтью и Генеральным секретариатом Андского сообщества (2017) укрепили экономические связи и обмен опытом между сторонами. Перу стала важным поставщиком сельскохозяйственной продукции на рынки ЕАЭС, а страны Андского сообщества и ЕАЭС инициировали совместные проекты в области строительной инфраструктуры, транспорта и логистики. В ноябре 2017 г. между ЕАЭС и Эквадором был подписан Меморандум о взаимопонимании, а в 2019 г. — Меморандум о взаимопонимании по вопросам развития агроиндустрии с Аргентиной.

Трансрегиональный подход ЕАЭС к развитию торгово-экономических связей с латиноамериканскими государствами оказался успешным и перспективным. Меморандумы о взаимопонимании способствуют расширению торговых связей, привлечению инвестиций и реализации совместных проектов в различных отраслях, таких как возобновляемая энергетика, сельскохозяйственное производство, строительная инфраструктура, транспорт и логистика. Пока ни с одной из стран Латинской Америки не ведется переговоров или хотя бы предварительных консультаций о ЗСТ, однако дистанция от продвинутых форм кооперации к преференциальным соглашениям не является непреодолимой.

Модель многополярного трансрегионализма, которую реализует Евразийский экономический союз, представляет собой амбициозную стратегию, направленную на укрепление экономических связей между странами-участницами и активное взаимодействие с другими регионами и странами. В основе этой модели лежит идея формирования единого трансрегионального сообщества, что открывает новые горизонты для экономического роста и повышения политического влияния ЕАЭС на международной арене. Эта идея воплощается в практике заключения соглашений о свободной торговле, которые, хотя и не лишены недостатков и могут вызывать критику, остаются важным элементом экономической

интеграции. Эти соглашения способствуют расширению рынков сбыта для продукции стран-участниц, привлечению инвестиций в различные секторы экономики и повышению уровня благосостояния граждан. Евразийский экономический союз использует принципы наднациональности, межгосударственного сотрудничества и «мягкой силы» для эффективного взаимодействия с широким кругом стран и международных организаций. Наднациональность позволяет принимать совместные решения и разрабатывать общие стратегии, которые учитывают интересы всех участников. Межгосударственное сотрудничество укрепляет доверие и способствует решению общих проблем. «Мягкая сила» помогает формировать позитивный имидж союза, привлекать новых партнеров и укреплять связи с существующими.

Кроме того, ЕАЭС активно развивает сотрудничество в области науки, технологий и инноваций. Создание совместных научно-исследовательских проектов и инновационных центров способствует обмену знаниями и технологиями, что ускоряет экономический рост и повышает конкурентоспособность стран-участниц. Евразийский союз также уделяет большое внимание вопросам экологической безопасности и устойчивого развития. Разработка и реализация совместных программ по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов способствуют сохранению природных богатств и улучшению качества жизни населения. Еще один важный аспект деятельности ЕАЭС — гуманитарное сотрудничество. Обмен студентами, культурные и образовательные программы, совместные мероприятия в области спорта и искусства укрепляют взаимопонимание и дружбу между народами. Это помогает создать атмосферу доверия и сотрудничества, которая является основой для долгосрочного и взаимовыгодного партнерства.

Список литературы

1. Белов В. И., Эльсегани М. Стратегия развития Египта на период до 2030 года и значение партнерства с Россией // Информация и инновации. 2022. Т. 17, № 2. С. 5—19.
2. Березина Е. К., Торопыгин А. В. ЕАЭС расширяет международное сотрудничество: направление — Латинская Америка // Управленческое консультирование. 2021. № 3. С. 43—57.
3. В ЕЭК заявили, что отношения ЕАЭС и ШОС определяют вектор развития Евразии. URL: <https://russkie.org/news/v-EEK-zayavili-chto-otnosheniya-eaes-i-shos-opredelyayut-vektor-razvitiya-evrazii/> (дата обращения: 11.02.2025).
4. Внешняя торговля ЕАЭС с Египтом. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/7f2/EAES_Egipet.pdf (дата обращения: 11.02.2025).
5. Внешняя торговля ЕАЭС с Сербией. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/2e4/EAES_Serbiya.pdf (дата обращения: 11.02.2025).
6. Гармаш А. А. Трансрегионализм: концептуальная опора сотрудничества ЕАЭС — АСЕАН и Большого Евразийского партнерства // Сравнительная политика. 2017. Т. 8, № 2. С. 147—156.

7. Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902339370?marker=64U0IK§ion=text> (дата обращения: 11.02.2025).

8. Зуев В. Н., Островская Е. Я., Скрыбина В. Ю. ЗСТ ЕАЭС как новый эффективный формат развития внешнеторговых связей России // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14, №3. С. 63–83.

9. Интервью министра по торговле ЕЭК Вероники Никишиной: «Главная задача — избавить бизнес от «фобий» о либерализации торговли». URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/10-06-2019-4/> (дата обращения: 11.02.2025).

10. Лапенко М. В. Создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Республикой Вьетнам: итоги переговорного процесса // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения*. 2017. Т. 17, №2. С. 212–215.

11. Мы развиваем отношения со всеми, кто развивает отношения с нами. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/my-razvivaem-otnosheniya-so-vsemi-kto-razvivaet-otnosheniya-s-nami/> (дата обращения: 11.02.2025).

12. Обзор ключевых положений Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/abc/Broshyura_Vremennoe-soglashenie-S-Iranom.pdf (дата обращения: 11.02.2025).

13. Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и таможенного союза ЕврАзЭС) / под ред. В. Ю. Лукьяновой. М., 2013.

14. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 г. №430-р (ред. от 29.10.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 11.02.2025).

15. РСПП: задача соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом пока не достигнута. URL: <https://russkie.org/news/rspp-zadacha-soglasheniya-o-zst-mezhdu-eaes-i-vetnamom-poka-ne-dostignuta/> (дата обращения: 11.02.2025).

16. Скрыбина В. Ю. Экономический эффект от участия России в интеграционных процессах со странами дальнего зарубежья: на примере возможных последствий создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Египтом : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2019.

17. Торопыгин А. В. Экономические и политические аспекты зоны свободной торговли Сербия — ЕАЭС // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2021. №2. С. 120–131.

18. Link W. Die Neuordnung der Weltpolitik. Grundprobleme globaler Politik an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. München, 1998.

Об авторе

Ольга Николаевна Радонежская — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ONGovtva@stud.kantiana.ru

O. N. Radonezhskaja

THE FREE TRADE ZONE MECHANISM
IN THE EAEU INTERNATIONAL ACTIVITIES

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 11 February 2025

Accepted 10 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-10

To cite this article: Radonezhskaja O. N. 2025, The free trade zone mechanism in the EAEU international activities, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P.103 – 115. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-10.

115

The Eurasian Economic Union (EAEU) plays a significant role in shaping a new global order based on the principles of innovative development, transregionalism, integration, and international cooperation. In the context of global regionalization and intensifying international competition, the EAEU represents a unique model of economic integration that unites countries with diverse internal systems in pursuit of common strategic goals – both economic and political. Unlike traditional models of economic integration, such as the European Union, the EAEU seeks effective engagement with a broad range of countries and regional organizations, enabling it to operate successfully under current global conditions and to discover new opportunities for economic growth and enhanced competitiveness on the international stage. This article examines the principles and mechanisms of transregionalism within the EAEU, as well as examples of its regional advancement in the international economic community and cooperation with other countries and regions through the free trade area (FTA) mechanism. Particular attention is given to the role of “soft power” as an important instrument of the EAEU’s international policy, contributing to the strengthening of its strategic position, improving the economic situation across the EAEU space, and expanding opportunities for successful economic and socio-political cooperation.

Keywords: EAEU, free trade zone, integration, economic interaction, soft power, trade relations, transregionalism

The author

Olga N. Radonezhskaja, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ONGovtva@stud.kantiana.ru

**ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА
Серия: Гуманитарные и общественные науки**

Правила публикации статей в журнале

116

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

в) аннотацию на русском и английском языках (150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (4 – 8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информации;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематике;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки

2025

№1

Редактор *И. О. Дементьев*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 04.06.2025 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,3
Тираж 40 экз. Цена свободная. Заказ 59

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14